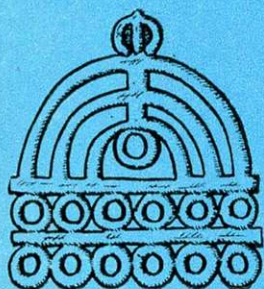

Б. Б. АГЕЕВ

ПЬЯНОБОРСКАЯ КУЛЬТУРА

УФА — 1992

БАШКИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН
Институт истории, языка и литературы

Библиотека
Музея археологии
Республики Татарстан

Б. Б. АГЕЕВ
ПЬЯНОБОРСКАЯ
КУЛЬТУРА

Библиотека
П.Н. Старостина

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура / БНЦ УрО РАН.
Уфа, 1992. 140 с.

ISBN 5 - 7691 - 0032 - X

Впервые обобщен материал всех пьяноборских могильников. Дан анализ погребального обряда, разработана классификация и типология погребального инвентаря, предлагается новая хронология и периодизация культуры, рассматриваются различные аспекты формирования союза племен, выделены племенные территории, сделаны выводы о сильном социальном и имущественном расслоении пьяноборского общества. В приложении даны количественные показатели по комплексам всех могильников.

Предназначается для археологов, историков и студентов исторических факультетов вузов.

Табл. 24. Ил. 24.

Ответственный редактор

А. Х. Пшеничнюк

Рецензенты:

Н. А. Мажитов, Т. И. Останина

ВВЕДЕНИЕ

В конце I тысячелетия до нашей эры в Прикамье сложилась пьяноборская культура — культура местного прикамского населения. Просуществовав в течение нескольких столетий, она оказала заметное влияние на культуру древних племен Поволжья, Приуралья и Западной Сибири. На ее основе сформировались археологические культуры средневековья, сыгравшие важную роль в этногенезе современных финно-пермских народов.

Несмотря на столетнюю историю изучения и наличие обобщающих работ, до сих пор нет единого мнения по ряду основных проблем пьяноборской культуры. Остаются спорными вопросы хронологии, территории распространения, локальных вариантов культуры и уровня социально-экономического развития ее носителей. А между тем решение этих проблем важно как для понимания исторических судеб племен Прикамья на завершающем этапе раннего железа и в эпоху средневековья, так и для освещения истории населения всей лесной полосы обширного Волго-Уральского региона.

Памятники пьяноборской культуры известны науке с 1880 г., когда в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете поступила пожертвованная П. П. Пасынковым коллекция древних вещей, собранная в селе Пьяный Бор (ныне Красный Бор в Татарии). Небольшие раскопки П. А. Пономарева в 1881 г., А. А. Спицына в 1887–1888 гг. и Ф. Д. Нефедова в 1894 г. позволили установить, что находки происходят из I и II Пьяноборских могильников¹.

В 1898 г. А. А. Спицын произвел раскопки I и II Нырғындинских могильников, где им было исследовано 45 погребений. В 1901 г. он опубликовал коллекцию из пьяноборских могильников и ввел в научный оборот термин „пьяноборская культура“. Им было высказано мнение, что культура пьяноборского типа составляет непосредственное продолжение культуры Ананьинского могильника. А. А. Спицын датировал памятники V–VII вв. н.э. и отнес к пьяноборской культуре также материалы могильника „Атамановы Кости“ (Ахпайского) в среднем течении р. Вятки, исследованного в 1881 г.

С. К. Кузнецовым, и известного Гляденовского костяка в Верхнем Прикамье².

В конце XIX — начале XX в. стал известен ряд памятников, который исследователями позже был отнесен к пьяноборской культуре. В 1891–1892 гг. В. И. Заусайлов произвел раскопки Айшинского могильника и собрал вещи разрушенных погребений Казанского (Старостекольный завод) могильника, расположенных на р. Казанке, левом притоке р. Волги³. В 1911–1912 гг. В. В. Гольмстен и Д. Н. Эдингом был открыт Бахмутинский могильник на р. Уфе⁴ и проведены раскопки Уфимского могильника. В. В. Гольмстен отметила, что Уфимский могильник должен принадлежать если не совершенно новой, то, по меньшей мере, малоизвестной культуре⁵. В 1915 г. при земляных работах было разрушено несколько погребений Вичмарского могильника, расположенного на р. Кильмезь, притоке Вятки⁶. При строительстве оборонительных сооружений в 1919 г. на р. Вятке были открыты Воробьевский и Сунцевский могильники⁷. В 1919–1920 гг. финский археолог А. М. Тальгрэн опубликовал материалы Айшинского и Казанского (Старостекольный завод) могильников из коллекции В. И. Заусайлова, хранящейся в Национальном музее Финляндии, и отнес их к первым пяти векам нашей эры, а находки из собственно пьяноборских могильников — к I–III вв. н.э.⁸ Этим завершается первый этап в исследовании пьяноборских древностей.

Второй этап в изучении пьяноборской культуры, который продолжался до конца 50-х годов, связан с именами видных советских археологов, исследователей Прикамья, А. В. Шмидтом, М. Г. Худяковым и А. П. Смирновым. В 1924–1928 гг. небольшие археологические исследования в Прикамье производил А. В. Шмидт. На Верхней Каме он обследовал могильник у д. Усть-Качка и вскрыл ряд погребений Неволинского могильника. На территории Башкирии им произведены раскопки Бахмутинского могильника на р. Уфе и Кара-Абызского городища на р. Белой. А. В. Шмидт считал, что гляденовские памятники характерны только для Верхнего Прикамья и они должны быть выделены в отдельную культуру, синхронную пьяноборской. Им были выделены в самостоятельные культуры памятники харинского, бахмутинского типов и типа Уфимского могильника⁹. Таким образом, он первым ограничил территорию распространения пьяноборской культуры течением р. Камы и определил ее место в общей схеме культур Прикамья. Его выводы оказали заметное влияние на археологические исследования региона и не потеряли своего значения и в наши дни.

В 1933 г. М. Г. Худяков опубликовал коллекции I и II Нырғындынских могильников из раскопок А. А. Спицына в 1898 г. и датировал пьяноборскую культуру II в. до н.э. — V в. н.э., разделив этот отрезок на три последовательных этапа. Первый этап; по его мнению, соответствует эллинистической эпохе (II–I вв. до н.э.) и представлен Уфимским могильником. Второй этап им датирован I–III вв. н.э. и соответствует эпохе Римской империи. К нему отнесены I и II Пьяноборские, II Нырғындынский, Воробьевский могильники и ранние погребения Кошибеевского могильника на р. Оке. Третий этап — IV–V вв. н.э., соответствующий эпохе переселения народов, объеди-

няет памятники междуречья Волги и Вятки: I Ныргындинский, Мари-Луговской, Сюкеевский, Казанский (Старостекольный завод), Атаманы Кости (Ахпайский), Сунцевский, Азелинский, Вичмарский; в Верхнем Прикамье — Харинский, на р. Уфе — Бахмутинский могильники. К этому же этапу отнесены Сергачский могильник на р. Оке и Гляденовское костыще в верхнем течении р. Камы¹⁰. Периодизация М. Г. Худякова была поддержана А. П. Смирновым с той лишь разницей, что начало первого этапа им датировано III в. до н.э. Отнесено к нему лишь одно погребение Уфимского могильника¹¹. Эта периодизация вошла в археологическую литературу как периодизация М. Г. Худякова — А. П. Смирнова и была признана всеми исследователями Прикамья.

Материалы 20–30-х годов были обобщены А. П. Смирновым. Несмотря на ограниченность материала, он осветил проблемы общественных отношений племен эпохи раннего железа и считал, что рост производительных сил вызвал углубление процесса распада первобытно-общинных отношений, которое находит отражение в хозяйственном обособлении больших патриархальных семей. Развитие производительных сил привело к росту плотности населения, что создало предпосылки для возникновения прочих союзов племен¹². Если первоначально А. П. Смирнов относил бахмутинские памятники к пьяноборской культуре, то позже вслед за А. В. Шмидтом объединил их в группу памятников бахмутинского типа, генетически связанную с пьяноборской культурой¹³. Он отделил от пьяноборских окско-сурские памятники, которые, по его мнению, свидетельствуют об инфильтрации прикамского населения на запад¹⁴.

Третий этап в изучении пьяноборской культуры ознаменовался в Прикамье широкими археологическими раскопками. Значительным явлением стало возобновление полевых исследований в 1954 г. Удмуртской археологической экспедицией, которая начала планомерные и систематические исследования памятников эпохи железа и средневековья. Продолжены были раскопки I и II Ныргындинских могильников, полностью исследованы могильники Чеганда II, Азелинский и Суворовский, вскрыта значительная площадь на городище Чеганда I. Этот количественно и качественно новый материал был обобщен и добротнo опубликован В. Ф. Генингом¹⁵. Исходя из него, В. Ф. Генинг памятники, относимые ранее к третьему этапу пьяноборской культуры, выделил в самостоятельную азелинскую культуру. По его мнению, пьяноборское население в бурную эпоху Великого переселения народов под натиском пришельцев (мазунинские племена) вынуждено было покинуть обжитые районы Среднего Прикамья и мигрировать в междуречье Вятки и Волги, где оно оставило памятники азелинской культуры, которая является непосредственным продолжением пьяноборской на новой территории. Переселение прикамского населения совпало по времени с массовым распространением железа, что привело к глубоким процессам в общественной и хозяйственной жизни: распаду рода, экономическому обособлению больших патриархальных семей и изменениям в материальной и духовной культуре¹⁶. Собственно пьяноборская культура В. Ф. Генингом была локализована по среднему течению р. Камы в

устье р. Белой. Сплошное исследование могильника Чеганда II, где в течение 1954–1956 гг. было вскрыто 220 погребений, дало возможность В. Ф. Генингу обосновать относительную и абсолютную хронологию культуры. Весь комплекс вещей памятника им датирован III в. до н.э. – II в. н.э. и разделен на четыре стадии А, Б, В, Г. Стадия А датирована В. Ф. Генингом III – началом II в. до н.э., Б – концом II – I в. до н.э., В – I в. н.э. и Г – II в. н.э.¹⁷

Однако выводы В. Ф. Генинга встретили возражения со стороны ряда археологов. Против выделения азелинской культуры выступил А. П. Смирнов, который считал, что весь имеющийся материал (керамика, украшения...) свидетельствует об их пьяноборской принадлежности, о новом этапе развития одного и того же населения¹⁸. В то же время, анализируя инвентарь азелинских могильников, он выделил в нем три хронологические группы: I–III, III–IV и V–VII вв. н.э. При этом А. П. Смирнов отметил, что первые две группы разделяются плохо, а последняя, т.е. V–VII вв., выделяется достаточно хорошо¹⁹. Именно эта хронологическая группа (этап по А. П. Смирнову) достаточно убедительно свидетельствует в пользу выделения азелинской культуры. Преемственность в развитии культуры не отрицает выделения качественно новых этапов – археологических культур. Примером может служить четырехчленная классификация савромато-сарматской культуры, предложенная Б. Н. Граковым, в которой каждая последующая культура генетически связана с предыдущей²⁰.

Локализация пьяноборской культуры по среднему течению р. Камы встретила возражения со стороны А. П. Смирнова, который включал в круг пьяноборских памятников известный Уфимский могильник²¹. Н. А. Мажитов относит к пьяноборской культуре все вновь открытые памятники этого типа (II, III Уфимские, Охлебининский, Шиповский и I, III Биктимировские могильники), дату которых он определяет III в. до н.э. – I в. н.э.²² Многолетние исследования А. Х. Пшеничнюком памятников этого круга по среднему течению р. Белой привели к выделению кара-абызской культуры²³. В пользу ее выделения свидетельствуют и комплексы IV–III вв. до н.э., в то время как нижняя дата собственно пьяноборских могильников относится к концу II в. до н.э. Преемственность же поздних этапов кара-абызской культуры с ранним хорошо прослеживается в погребальном обряде и инвентаре. А. П. Смирнов в территорию распространения пьяноборской культуры включал и Верхнее Прикамье. Однако отсутствие могильников в данном районе позволяет ограничить ареал пьяноборской культуры только средним течением р. Камы.

В монографии „История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э.)”²⁴ В. Ф. Генингом обобщены материалы пьяноборских памятников, известных к началу 60-х годов (Чеганда II – 220 погребений, Ныргында II – 36 погр. из раскопок А. А. Спицына и 34 погр. из раскопок В. Ф. Генинга, 18 погр. – I Уяндыкского, 8 погр. – Кырнышского могильников и данные Чиатавского могильника). Им дана краткая история изучения пьяноборских памятников, характеристика поселений и могильников, очерчена территория их распространения. Проведенные на высоком уровне раскопки городища Чеганда I

позволили впервые в Прикамье выявить жилища пьяноборского типа. Размеры 4,5 x 11–11,5 м, т.е. от 40 до 55 кв.м. Стены жилищ состояли из бревенчатого сруба, вероятно, не более 7–8 венцов. Удачное расположение раскопов позволило выявить на городище три ряда домов и дать реконструкцию поселка. Исходя из размера жилищ, В. Ф. Генинг предположил, что род расселялся в нескольких домах и в этом видел первые шаги в формировании большой патриархальной семьи, которая пока экономически не обособилась. Хозяйственное обособление большой семьи относит к более позднему времени²⁵.

В. Ф. Генинг значительное внимание уделил погребальному обряду носителей пьяноборской культуры. Он совершенно верно подметил различие в ориентировке погребенных на могильниках и склонен считать их племенными различиями, но малочисленность материала не позволила локализовать отдельные племена²⁶.

В. Ф. Генинг впервые дал классификацию массового материала могильника Чеганда II²⁷. Она сделана достаточно добротно и по крупным категориям: украшения и принадлежности костюма, оружие, керамика. Тщательность раскопок могильника дала возможность реконструкции женского костюма, которая существенно отличается от костюма кара-абызской женщины, что подтверждает правомерность выделения как пьяноборской, так и кара-абызской культур. Классификация керамики показала, что в отдельных районах она различается. Таким образом, В. Ф. Генинг вплотную подошел к выделению племенных территорий и локальных вариантов.

Классификация материала могильника Чеганда II позволила обосновать периодизацию культуры, основой которой послужило развитие эполетообразных застежек по числу жгутов. Этот эволюционно-типологический ряд им был скоррелирован с другими находками. По ряду датирующих вещей он установил, что могильник заполнялся с востока на запад. Вся площадка могильника им была условно разделена на 4 участка и вещевые комплексы из этих участков внесены в корреляционную таблицу. В целом могильник и культура В. Ф. Генингом датированы, как уже говорилось выше, III в. до н.э. – II в. н.э.²⁸

Значительное внимание В. Ф. Генинг уделил хозяйству. Материалы городища Чеганда II и ряда поселений позволили охарактеризовать хозяйство пьяноборского населения как скотоводческо-земледельческое, в котором подсобную роль играли охота и рыбная ловля. Населению региона были известны все виды животных, разводимых в настоящее время. По мнению В. Ф. Генинга, возделываемыми злаками были полба, ячмень, пшеница и овес. На основании анализа вещевых комплексов и кладов он приходит к выводу о высоком уровне металлургии меди и железа.

Важное место в исследованиях В. Ф. Генинга занимают вопросы общественных отношений. По его мнению, в эпоху раннего железа население Прикамья находилось на последней стадии родового строя. Основной социально-экономической ячейкой пьяноборского общества являлась родовая община. На основе данных могильника Чеганда II В. Ф. Генингом был сделан подсчет численности рода.

оставившего этот памятник. Род этого времени приблизительно состоял из 40–50 человек²⁹. По мнению В. Ф. Генинга, род в пьяноборской культуре выступает как единый хозяйственный коллектив, члены которого вели совместное хозяйство. Доказательство в пользу этого положения он видит в отсутствии рядов и групп погребений на могильниках, в малых размерах городищ, и главное – в крайне примитивных характерах земледельческих орудий, которые требовали значительных усилий для заготовки кормов, обработки земли. В пьяноборской культуре формы ведения хозяйства не позволяли увеличивать количество членов родовой общины и при разрастании ее происходила сегментация рода. Одновременно В. Ф. Генингом признается неоднородность имущественного положения членов родов. По богатству или отсутствию погребального инвентаря он выделяет пять групп могил³⁰. Скорченное положение костяков на ряде могильников он склонен связывать с погребениями чужеплеменников, превращенных в патриархальных рабов.

В. Ф. Генинг, как А. П. Смирнов, считает пьяноборскую эпоху временем формирования постоянных союзов племен. Один из основных аргументов В. Ф. Генинг видит в концентрации населения на сравнительно небольших территориях, что стало возможным с появлением и широким внедрением железа, которое привело к росту производительных сил. Тесное общение населения (обмен предметами ремесла, достижениями в развитии металлургии и т.д.) привело к унификации материала на территории культуры, что может быть связано со сложением постоянного союза. Этому процессу способствовало и стремление населения к защите от внешних нападений. Именно это, по его мнению, привело к созданию единой системы обороны, что связано с единой организацией, а именно, с союзом племен³¹. В. Ф. Генинг предложил для обозначения памятников Средней Камы рубежа нашей эры употреблять термин „чегандинская культура” по наиболее полно изученному комплексу. Термин „пьяноборская”, по его мнению, следует сохранить для названия культурной общности послеананьинского времени, объединяющей кара-абызскую, чегандинскую и гляденовскую культуру³². Однако это предложение В. Ф. Генинга не нашло поддержки у исследователей Прикамья.

С начала 60-х годов шел резкий рост источниковедческой базы по пьяноборской проблематике. В 1961 г. экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР исследовался Камышлы-Тамакский могильник, на котором было вскрыто 101 погребение³³. Экспедиция БГУ в 1966 г. провела раскопки II Кушулевского (10 погр.), II Урманаевского (20 погр.) и Суюндюковского (4 погр.) могильников на р. Ик³⁴. В 1968 г. была организована Нижнекамская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР, которая начала широкие охранные раскопки в зоне строительства Нижнекамской ГЭС. В течение 1968–1972 гг. Башкирским отрядом экспедиции были исследованы I, II Уяндынский (4 и 40 погр.), Юлдашевский (131 погр.)³⁵, Старо-Киргизовский (51 погр.)³⁶, III Кушулевский (324 погр.)³⁷ могильники. Татарским отрядом в эти годы изучались II Деуковский (48 погр.) и I Меллятамакский (35 погр.) могильники³⁸. На территории Удмуртии были продолжены

раскопки могильников Ныргында I и II. Количество исследованных погребений на них вместе с материалами А. А. Спицына и В. Ф. Генинга составило соответственно 268 и 308³⁹. В 70-е годы раскопки пьяноборских могильников были продолжены. В 1976–1980 гг. экспедиция Башгосуниверситета вскрыла 415 погребений на Ново-Сасыкульском могильнике⁴⁰. Археологическая экспедиция ИИЯЛ КФАН СССР в 1976 г. исследовала Старо-Чекмакский могильник (31 погр.)⁴¹. Экспедиция Удмуртского госуниверситета в 1976 г. провела раскопки Икского (27 погр.)⁴², а в 1977–1980 гг. Афонинского⁴³ (215 погр.) могильников. В результате этих полевых работ был накоплен громадный количественно и качественно новый материал. В настоящее время ни одна археологическая культура обширного Прикамского региона не имеет столь емкой источниковедческой базы, как пьяноборская. Все это позволило автору обратиться к пьяноборской проблематике. В ряде статей были обоснованы датировка и периодизация культуры, в предварительном плане выделены локальные варианты, сделаны выводы о значительной социальной и имущественной дифференциации, выделены территориально-хронологические группы погребений на ряде могильников, связанных с большими партиархальными семьями и свидетельствующих об экономическом и хозяйственном их обособлении, и приведены данные в пользу существования постоянного союза племен⁴⁴. Однако эти выводы встретили возражения со стороны В. А. Иванова. Он высказал сомнение в предполагаемом уровне социально-экономического развития, степени социального расслоения населения и существования в Прикамье пьяноборского союза племен⁴⁵.

Несмотря на обширную источниковедческую базу ряд проблем пьяноборской культуры является спорным и требует дальнейшей разработки. В настоящее время известно 32 могильника, на которых исследовано более 2000 погребений. Этот количественно и качественно новый материал позволяет вновь вернуться к пьяноборской проблематике, чтобы на основе всестороннего анализа погребального обряда и инвентаря решить следующие задачи: 1) дать характеристику погребального обряда всей культуры; 2) дать классификацию инвентаря всех пьяноборских могильников; 3) обосновать абсолютную и относительную хронологию культуры и отдельных памятников; 4) осветить некоторые вопросы социальной структуры пьяноборского общества.

В данной работе применены методы корреляции и планиграфии с приведением всех статистических показателей по всем исследованным и опубликованным памятникам. В монографии произведена корреляция (взаимовстречаемость) комплексов ряда могильников, составлены корреляционные таблицы комплексов локальных вариантов культуры. Полученные данные перепроверены методом планиграфии или горизонтальной стратиграфии, широко известным в археологии⁴⁶. При этом мы исходили из того, что заполнение площадок могильников в древности производилось в определенном порядке. Следуя этому, на общем плане памятника выделялись, во-первых, могильные ямы по глубине и ориентировке погребенных. Во-вторых, по антропологическому материалу или инвентарю произво-

дилось деление на мужские, женские, детские, парные и коллективные захоронения. Рост могильников мог происходить по прямой, концентрическими кругами и скоплениями погребений. На общем плане это должно проявиться в различии погребального инвентаря. Для установления роста могильников на общих планах фиксировались местонахождения всех типов украшений, вооружения и элементы погребального обряда.

В данной работе использованы материалы Афонинского (215 погр.), II Деуковского (48 погр.), Икского (27 погр.), Камышлы-Тамакского (101 погр.), II Кушулевского (10 погр.), III Кушулевского (324 погр.), Кырнышского (18 погр.), I Меллятамаского (35 погр.), Ново-Сасыкульского (415 погр.), II Нырғындынского (268 погр.), Суюндюковского (4 погр.), Старо-Киргизовского (51 погр.), Старо-Чекмакского (31 погр.), Трикольского (28 погр.), I Уяндыкского (58 погр.), II Уяндыкского (4 погр.), Урманавского (20 погр.), II Чегандинского (220 погр.), Чиатавского (18 погр.) и Юлдашевского (131 погр.) могильников. Всего статистически обработано 2023 погребения*. Значительное внимание уделено анализу могильника Чеганда II, на материалах которого В. Ф. Генингом разработана хронология пьяноборской культуры.

¹Спицын А. А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии//МАНГ. М., 1893. Т. 1. С. 135; Нефедов В. Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г.//МАНГ. М., 1899. Т. 3. С. 50, 61–62.

²Спицын А. А. Древности бассейна рек Оки и Камы//МАР. СПб., 1901. № 25. С. 7, 50.

³Генинг В. Ф. Азелинская культура//ВАУ. Свердловск, 1963. Вып. 5. С. 131–132.

⁴Смирнов А. П. Железный век Башкирии//МИА. М., 1957. № 58. С. 50; Археологическая карта Башкирии. Уфа, 1976. С. 129.

⁵Гольмстен В. В. Могильник близ г. Уфы//Отчет Императорского Московского археологического института 1911–12 гг. М., 1913. С. 13.

⁶Генинг В. Ф. Азелинская культура. С. 136.

⁷Там же. С. 135.

⁸Тольгрен А. М. Два могильника железного века в Казанском уезде// ИОАИЭ. Казань, 1920. Т. 30. Вып. 3. С. 261–265.

⁹Шмидт А. В. Туйский всадник//Записки коллегии востоковедов АН СССР. Л., 1925. Т. 1. С. 410; Он же. Каска. Eurasia Leptentrionalis Antiqua. Helsinki, 1927. Т. 1. С. 19–21; Он же. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область//Сборник МАЭ. Л., 1928. Т. 7. С. 297; Он же. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР//Хозяйство Башкирии. Уфа, 1929. № 8–9. С. 1–15; Он же. Жертвенные места Камско-Уральского края//ИГАИМК. М., 1932. Т. 13. Вып. 1–2. С. 18.

¹⁰Худяков М. Г. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г.//Материалы ГАИМК. Л., 1933. Вып. 2. С. 16.

¹¹Смирнов А. П. Прикамье в первом тысячелетии нашей эры//Труды ГИМ. М., 1928. Вып. 8. С. 146; Он же. Могильники пьяноборской культуры//КСИИМК. М.; Л., 1949. Вып. 25. С. 22.

¹²Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья//МИА. М., 1952. № 28. С. 109; Он же. Железный век Башкирии//МИА. М., 1957. № 58. С. 37.

* Автор глубоко признателен за предоставленные материалы В. Ф. Генингу, Р. Д. Голдиной, Г. Н. Ключевой, П. Н. Старостину, Т. К. Ютиной, за помощь и ценные советы Ю. А. Краснову, В. А. Могильникову и А. Х. Пшеничнику.

- ¹³Смирнов А. П. Железный век Башкирии. С. 50, 54, 55.
- ¹⁴Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории... С. 50; Он же. Железный век Чувашского Поволжья/МИА. М., 1961. № 95. С. 103.
- ¹⁵Генинг В. Ф. Условные проблемы изучения пьяноборской культуры//ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 4. С. 5-51; Он же. Азелинская культура. Он же. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура. III в. до н.э. - II в. г.э.//ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10. 223 с.; Он же. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Свердловск, 1971. Вып. 11. 114 с.
- ¹⁶Генинг В. Ф. Азелинская культура. С. 18.
- ¹⁷Генинг В. Ф. Условные проблемы... С. 19-24; Он же. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 91-92.
- ¹⁸Смирнов А. П., Генинг В. Ф. Азелинская культура. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов (рецензия)//СА. 1964. № 4. С. 244-246.
- ¹⁹Там же. С. 243.
- ²⁰Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов//ВДИ. 1947. № 3. С. 100-121.
- ²¹Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья. С. 95.
- ²²Мажитов Н. А. Бахмузинская культура. М., 1968. С. 53-57.
- ²³Пшеничнюк А. Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений//АЭБ. Уфа, 1964. Т. 2. С. 93-100; Он же. О периодизации кара-абызских памятников//УЭПГУ. № 148. Пермь, 1967. С. 156-170; Он же. Охлебининский могильник//АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 59-104; Он же. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры)//АЭБ. Уфа, 1973. Т. 5. С. 162-243.
- ²⁴Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 117-118.
- ²⁵Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11.
- ²⁶Там же. С. 27-28.
- ²⁷Там же. С. 30-84.
- ²⁸Там же. С. 88-93.
- ²⁹Там же. С. 116-117.
- ³⁰Там же. С. 121-125.
- ³¹Там же. С. 134-139.
- ³²Там же. С. 9.
- ³³Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. Камышлы-Тамакский могильник//АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 33-59.
- ³⁴Васюткин С. М. Исследования пьяноборских могильников в западной Башкирии//Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 125-144.
- ³⁵Пшеничнюк А. Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой//Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 31-44; Он же. Юлдашевский могильник//Там же. С. 45-74.
- ³⁶Васюткин С. М. Указ. раб. С. 125-134.
- ³⁷Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа, 1985. С. 1-33; Они же. III Кушулевский могильник//Археологические работы... С. 75-94.
- ³⁸Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Деуковский II могильник // ОНКАЭ. М., 1972. Вып. 1. С. 105-121; Старостин П. Н. Первый Меллятамакский могильник//Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 126-142.
- ³⁹Генинг В. Ф., Одинцов В. В. Новые раскопки пьяноборского могильника Ныр-гынды II//АО. 1968 г. М., 1969. С. 157-158; Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции//АО. 1969 г. М., 1970. С. 138.
- ⁴⁰Васюткин С. М., Калинин В. К. Ново-Сасыкульский могильник//Археологические работы... С. 95-122.
- ⁴¹Габяшев Р. С., Старостин П. Н., Фаттахов Р. Г. Раскопки Старо-Чекмакского могильника//АО 1975 г. М., 1976. С. 136.
- ⁴²Ашихмина Л. И., Клюева Г. Н. Икский могильник - новый памятник пьяноборской культуры//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 44-52.
- ⁴³Клюева Г. Н. Отчет за 1977 г.//Архив КА УдГУ. Ф-2, Д-55; Она же. Отчет за 1980 г.

Там же. Ф-2, Д-122; Ютина Т. К. Отчет за 1978 г.//Там же. Ф-2, Д-82. Она же. Отчет за 1979 г.//Там же. Ф-2, Д-101.

⁴⁴Азеев Б. Б. Локальные варианты пьяноборской культуры//Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976. С. 5-8; Он же. К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры//Там же. С. 9-12; Он же. К хронологии могильника Чеганда II//СА. 1976. № 3. С. 58-67; Он же. К вопросу о большесемейных группах в пьяноборской культуре//Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 138 - 145; Он же. Пьяноборский союз племен//Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 101-109.

⁴⁵Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1982. С. 74-80.

⁴⁶Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай//ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 3. С. 98; Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт.ист.наук. М., 1974. С. 30, 35; Он же. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв.//Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 19, 29, 33, 39, 44, 45.

Глава 1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребальный обряд населения пьяноборской культуры не был предметом специального анализа. Исследователями дана его краткая характеристика при публикации материала отдельных памятников без сопоставления с обрядом захоронения других могильников. Основное внимание обращалось на сопоставление инвентаря, по которому он датировался и относился к кругу пьяноборских. А между тем погребальный обряд является одним из основных признаков, характеризующих археологическую культуру, и его наиболее полная характеристика имеет важное значение для обоснованного выделения локальных вариантов, выявления племенных различий, освещения социального и общественного строя ее носителей.

По мнению исследователей, для пьяноборских могильников характерно трупоположение на спине в мелких, редко 70–100 см глубиной, ямах простой конструкции. Могильные ямы прямоугольной формы с закругленными углами и по длине не намного превышают рост погребенных. Бытовые вещи и оружие в могилах встречаются редко. Вещи при умерших лежат так, как они носились при жизни¹. На территории могильников изредка находились остатки жертвоприношений². Всеми археологами отмечается неустойчивая ориентировка костяков как на отдельных могильниках, так и для культуры в целом. В. Ф. Генинг склонен видеть в этом территориальные и племенные различия³. В расположении захоронений на отдельных памятниках исследователи усматривают ряды⁴. В. Ф. Генинг пишет, что на могильнике Чеганда II ни рядов, ни групп погребений выделить не удастся, хотя и отмечает наряду с пространствами с редким содержанием захоронений и отдельные места с довольно густым их заполнением⁵. Группы могил, содержащие как ранние, так и поздние погребения, отмечены им на могильнике Ныргында II⁶. Однако это интересное наблюдение, к сожалению, им не было опубликовано с привлечением планов и погребального инвентаря.

В расположении могильников проявляется устойчивая связь с водными артериями. Все известные ныне могильники находятся по берегам крупных и мелких рек. Для большинства из них использованы ровные площадки надпойменных террас высотой 4–6 м от уровня воды, т.е. участки, которые не затапливались весной. Более

трети могильников располагались на мысах коренных террас треугольной или подчетыреугольной формы, образованных рекой или оврагами. В одном случае для могильника использована площадка останца надлуговой туррасы (I Меллятамакский) и в двух — вытянутые песчаные дюны поймы реки (Кырнышский и Ново-Сасыкульский могильники). Следует отметить близкое местонахождение некоторых могильников. Так, II и III Деуковские могильники располагались на соседних мысах-отрогах. На одном берегу реки в 300–500 м друг от друга находились II, III Кушулевские, I, II Уяндыкские и I, II Ново-Сасыкульские могильники.

Достоверная связь с поселениями установлена для пяти могильников. Так, Юлдашевский могильник расположен на ровной площадке суньской стрелки, на которой находится и городище. I Уяндыкский могильник начинается за валом поселения, второй — занимает подножие городища. На одном мысу с городищем, недалеко от его вала, находится Трикольский могильник. Непосредственно к III Кушулевскому могильнику примыкает обширное селище. Следует отметить, что все перечисленные поселения содержат культурный слой пьяноборского времени.

Количество погребений на полностью исследованных могильниках различно. По мнению В. Ф. Генинга, на могильнике Чеганда II вместе с разрушенной рекой частью было около 300–400 погребений⁷. Могильники Ныргында II⁸, III Кушулевский⁹ и Ново-Сасыкульский¹⁰ содержали соответственно 268, 324 и 415 погребений. Деуковский II могильник состоял всего лишь из 48 захоронений¹¹. Погребения на площадках могильников располагаются густо, однако случаи нарушения одной могилы другой единичны: на могильнике Чеганда II — 2 раза, Афонинском — 3, Юлдашевском — 2, Ново-Сасыкульском — 3, I Меллятамакском — 1, Чиатавском — 3, Камышлы-Тамакском — 1. Видимо, в древности они как-то отмечались.

Большинство могильников распахивалось, либо на них вскрыты небольшие участки, поэтому судить о каких-то внешних признаках и сооружениях трудно. Однако ряд данных свидетельствует, что они были. Так, на II Деуковском могильнике между погребениями зафиксированы остатки трех кострищ диаметром до 70 см. В заполнении одного кострища найдены зубы лошади и коровы, в середине второго, имеющего мощность 15 см, выявлены остатки деревянного столба. На уровне древней почвы в одном из квадратов обнаружено скопление кусков песчаника¹². Значительное количество столбовых ямок зафиксировано на площадке Афонинского могильника¹³. Если некоторая их часть расположена рядом с погребениями и могла служить для их обозначения, то большинство находится на межмогильных участках или значительном удалении от могильных ям. По всей вероятности, как на II Деуковском могильнике, так и на Афонинском столбовые ямки являются следами от вертикально стоящих деревянных родовых или семейных тотемов. Именно этим можно объяснить расположение деревянного столба в центре зольника на I Деуковском могильнике. Кострище овальной формы диаметром 1,20 x 1,55 м и глубиной 0,65 м от уровня современной почвы зафиксировано между погребениями Трикольского могильника¹⁴. Заполне-

ние ямы кострища следующее: 1) слой чернозема с древесным углем мощностью в центре ямы до 14 см, 2) чернозем толщиной в центре ямы 16 см, по краям мощность увеличивается и доходит почти до дна ямы, 3) слой золы в 7–9 см, 4) чернозем до 10 см, 5) чернозем с древесным углем, 6) чернозем толщиной 10 см, за которым следовал слой прокаленной глины – дно ямы. Судя по стратиграфии ямы, в ней несколько раз разводился сильный огонь, который потом засыпался землей. Пять прямоугольных ям, содержащих в заполнении золу, находились на площадке Афонинского могильника¹⁵. Овальная яма с прокаленным от огня дном исследована на I Меллятамакском могильнике¹⁶. Вероятно, такая же яма была и на территории могильника Чеганда II¹⁷. Шесть ям, содержащие в заполнении древесный уголь, кальцинированные кости и керамику, зафиксированы на Икском могильнике. По мнению Л. И. Ашихминой и Г. Н. Ключевой, они, по-видимому, имели ритуальное назначение и использовались для совершения погребальных и поминальных тризн¹⁸. Обращает внимание, что на всех могильниках ямы располагаются на периферии памятника, на некотором удалении от основной группы погребений. По всей вероятности, такие ямы были на всех пьяноборских могильниках и предназначались для разведения погребальных костров (Трикольский, I Меллятамакский могильники) и захоронения остатков погребальных и поминальных тризн (Икский и другие могильники). Наряду с ними на площадках родовых кладбищ были и открытые кострища (II Деуковский могильник).

В межмогильном пространстве ряда памятников (Чеганда II, Икский, II Деуковский) зафиксированы находки костей животных и керамики, что свидетельствует о каких-то поминальных обрядах у пьяноборского населения. Видимо, ритуальная пища ставилась в сосудах рядом с могилой. Находки целых сосудов вне погребений известны на II Деуковском¹⁹ и Ново-Сасыкульском²⁰ могильниках. При совершении захоронения иногда устраивались и погребальные тризны. Ритуальные захоронения конечностей и черепов животных встречены между погребениями Камышлы-Тамакского могильника. Остатком тризны является, видимо, целый череп лошади в почвенном слое над погребением 67 III Кушулевского могильника²¹. Об этом свидетельствуют и находки в засыпке могильных ям древесных углей от жертвенного костра и фрагментов керамики. Обломки сосудов встречены в 8 погребениях Старо-Киргизовского²², 4 – II Деуковского²³, 2 – Юлдашевского²⁴, 1 – Чиатовского²⁵ и в ряде захоронений Икского²⁶ могильников. В 16 могилах II Деуковского, 4 – Старо-Киргизовского, 1 – Ново-Сасыкульского могильников зафиксированы древесные угли.

Можно считать установленным, что в расположении погребений на могильниках в древности существовал определенный порядок. На всех крупных могильниках выявлены группы погребений, оставленные большими патриархальными семьями²⁷. Каждая семья имела свой участок, отделенный свободным пространством, на общем кладбище. Рост могильников происходил семейно-территориальными группами, иногда концентрическими кругами (Чеганда II, Ново-Сасыкульский, Юлдашевский) или по прямой (III Кушулевский,

Афонинский). Заполнение площади кладбища начиналось одновременно с нескольких семейных участков, рост которых приводил к их постепенному слиянию. Границы семейных групп на могильниках иногда оконтуривались захоронениями с иной, чем центральные погребения, ориентировкой. Ближайшие родственники на больше-семейных участках хоронились в одном ряду. Возможно, что небольшие ряды из нескольких погребений, фиксируемые исследователями, оставлены представителями малых семей. Интерес в этом плане представляют случаи нарушения одной могилы другой, что уже отмечалось выше. В трех случаях в погребениях отмечено ярусное положение костяков, свидетельствующее о последующем подхоронении в уже имеющуюся могильную яму. Так, на I Меллятамакском могильнике женское погребение 26 находилось под мужским захоронением 25. Судя по общему плану раскопа²⁸, границы могильных ям практически совпадают. В погребении 43 Камышлы-Тамакского могильника над мужским костяком находилось детское захоронение²⁹. Такое же положение подростка и взрослого зафиксировано в погребении 36 Афонинского могильника³⁰. На Юлдашевском могильнике была несколько расширена могила 23, и в нее было совершено детское захоронение 24³¹. Во всех этих случаях подхоронения были сделаны в существующую могилу. Однако в некоторых случаях границы могильных ям впускного погребения и основного не совпадают. Опять-таки впускными являются детские и подростковые захоронения. На Ново-Сасыкульском могильнике это зафиксировано 3 раза, на Афонинском — 2. Все эти погребения, видимо, являются захоронениями близких родственников: супружеской пары, родителей и детей. Стремление захоронить представителей одной семьи в одном ряду четко проявляется на Афонинском могильнике, где расстояние между погребениями незначительно и контуры могильных ям почти сливаются.

Наблюдается определенная взаимосвязь в расположении погребений и топографии памятника. Так, погребения Афонинского могильника расположены параллельными рядами вдоль береговой террасы. Ранние погребения Ново-Сасыкульского могильника находятся на наиболее возвышенном участке песчаной дюны, вокруг которого концентрическими кругами располагаются поздние захоронения.

Все погребения на пьяноборских могильниках совершены в грунте, в ямах простой конструкции. Исключение составляют четыре могилы Чиатавского могильника, в устройстве которых применен камень: две из них сверху были перекрыты плитами³². Могильные ямы имеют прямоугольную форму со слегка закругленными углами. На Чеганда II и Ныргында II преобладают ямы длиной 151–200 см и шириной 60–70 см. Аналогичная картина наблюдается и на других памятниках. Например, на III Кушулевском могильнике очертания ям удалось проследить в 169 случаях, и по размерам они распределялись следующим образом (в см):

Длина	До 100			До 150			До 200					До 225				До 250	
Ширина	40	50		50	60	70	50	60	70	80	90	60	70	80	90	80	90
Количество	1	1		9	2	1	11	36	45	21	1	7	9	13	3	3	3

Аналогичная картина наблюдается и на Юлдашевском могильнике. Из 131 погребения контуры ям не зафиксированы лишь в 13 случаях. Размеры остальных распределились следующим образом (в см):

Длина	До 100	До 150	До 200	До 225	До 250	До 290
Ширина	40 50	50 70	50 60 70 80	60 70 80	80 90	70 80 90
Количество	4 1	12 6	8 20 19 5	6 11 40	4 7	1 2 1

Приведенные данные подтверждают наблюдения В. Ф. Генинга о небольших размерах могильных ям, которые не намного превышают рост захороненных. Исключение составляют размеры парных, тройных и коллективных погребений, которые обычно длиннее и шире. В ряде случаев размеры могилы зависели и от социального и имущественного положения умерших. Так, на Юлдашевском могильнике группа погребений (69, 70, 75, 76) выделяется богатством инвентаря и размерами могильных ям, что, несомненно, свидетельствует о значительном социальном и имущественном статусе захороненных. Погребение 16, расположенное на периферии могильника, имело яму 290 x 60 см. Необычная длина могилы объясняется тем, что у изголовья умершего было помещено конское снаряжение, видимо, уздечка, от которой сохранились удила и пряжки. В данном случае размер могилы иллюстрирует имущественное, но не социальное положение умершего.

Глубину могильных ям ряда памятников показывают данные табл. А.

Таблица А

Глубина могильных ям по могильникам, см

Могильник	Глубина						всего могил
	до 40	41-60	61-80	81-100	101-120	свыше 120	
Чеганда II	111	87	18	3	1	—	220
Юлдашевский	4	48	44	28	6	1	131
Старо-Киргизовский	33	15	2	—	—	—	50
I Меллятамакский	6	12	3	2	5	7	35
II Деуковский	25	20	3	—	—	—	48
К-Тамакский	6	6	36	42	9	2	101
II Кушулевский	—	—	2	8	—	—	10
III Кушулевский	105	167	47	5	—	—	324
Чиатавский	1	9	6	1	1	—	18
Икский	6	9	10	2	—	—	27

Так, на могильнике Чеганда II преобладают погребения до 40 см. Аналогичная картина наблюдается на Старо-Киргизовском, II Деуковском могильниках. Могильные ямы глубиной до 60 см составляют большинство на III Кушулевском могильнике. Наибольшее количество захоронений, совершенных на глубине 80–120 см, а иногда и до 135–140 см, находится на Камышлы-Тамакском и Юлдашевском могильниках, которые выделяются богатством инвентаря. Однако и на этих могильниках наиболее богатые погребения являются и самыми глубокими. Аналогичную картину для ряда захоронений могильника Чеганда II отметил и В. Ф. Генинг³³. Таким образом, наблюдается четкая взаимосвязь между социальным и имущественным положением погребенных и глубиной могильных ям. Значительная глубина ям I Меллятамакского могильника объясняется наличием над погребениями наносного балласта³⁴, а II Кушулевского — оплывом береговой террасы, в результате чего захоронения оказались под слоем чернозема. На остальных памятниках лишь в редких случаях зафиксированы могильные ямы глубиной до 100 см. В целом глубина в 40–60 см является характерной для большинства пьяноборских могильников.

Для всей культуры характерно трупоположение. Исключение составляют несколько могил с трупосожжением, частичными и, возможно, вторичными захоронениями. Два погребения (85 и 86), в которых трупы были сожжены в могильной яме и при этом сожженные кости сохранили анатомический порядок, исследованы на могильнике Чеганда II³⁵. В трех погребениях Трикольского могильника был разведен огонь, который, судя по стратиграфии ям, был засыпан землей³⁶. В одной могиле костяк не прослежен, в двух — в анатомическом порядке сохранились трубчатые кости ног и обломки черепов. По всей вероятности, как и на Чеганда II, мы имеем дело с трупосожжениями в яме. Обращает внимание, что в этих могилах, за исключением погребения Трикольского могильника, в котором найден бронзовый наконечник стрелы, инвентарь отсутствует. Возможно, что обряд трупосожжения связан с какими-то особыми обстоятельствами смерти погребенных.

П. Н. Старостин отнес к частичным захоронениям два погребения I Меллятамакского могильника, в которых из костей скелета найдены только черепа. Одно захоронение совершено в прямоугольной яме, другое — в овальной размером 35 x 70 см. В одном случае на черепе обнаружены 15 стеклянных бусин³⁷. Захоронение пяти черепов в небольшой овальной яме зафиксировано на III Кушулевском могильнике. Сопровождающий их инвентарь состоял из двух бронзовых обувных пряжек, обоймиц и глиняного пряслица³⁸. Вряд ли эти погребения можно считать частичными, по всей вероятности, они являются ритуальными захоронениями черепов. К частичным захоронениям следует отнести погребения, в которых отсутствуют отдельные части скелета, а именно, черепа. Пять таких погребений исследовано на Ново-Сасыкульском, два — на Камышлы-Тамакском и по одному — на Икском и Старо-Киргизовском могильниках. Все пять погребений Ново-Сасыкульского могильника парные, на остальных могильниках — индивидуальные. В семи могилах погребенные

сопровождались вещами, а кости лежали в анатомическом порядке и были хорошей сохранности; в захоронении 79 Камышлы-Тамакского могильника на месте черепа были помещены височные подвески³⁹.

Вопрос о вторичных захоронениях на пьяноборских могильниках сложный. Многие исследователи погребения, в которых костяки лежат не в анатомическом порядке и отсутствует инвентарь, как правило, считают ограбленными. Вряд ли с этим можно согласиться. Во-первых, в древности могилы соплеменниками, видимо, не грабились, что хорошо прослежено почти на всех могильниках. Во-вторых, отсутствие внешних признаков отрицает ограбление и в более позднее время. В-третьих, это явление зафиксировано только на Камышлы-Тамакском и Старо-Киргизовском могильниках. На первом памятнике Н. А. Мажитов считает потревоженными или ограбленными погр. 1, 31⁴⁰. Если в могиле 31 погребальный инвентарь отсутствовал, то в погребении I он состоял из десяти височных подвесок, стеклянных бус, бронзовых бляшек, двух бронзовых пряжек и бронзовых украшений обуви, что вызывает сомнение в ограблении могилы. С. М. Васюткин считает, что на Старо-Киргизовском могильнике тринадцать погребений частично потревожены, а семнадцать — полностью разрушены грабителями⁴¹. Обращает внимание, что в некоторых из них найден сопровождающий инвентарь и они на могильнике располагаются двумя группами. В то же время богатые могилы, в которых найдены золотые изделия, являющиеся редкостью в пьяноборских комплексах, остались не тронутыми грабителями. Из пяти погребений II Деуковского могильника, отнесенных исследователями⁴² к числу ограбленных, в четырех находился погребальный инвентарь, состоящий из железных и костяных наконечников стрел, бус, височных подвесок и серебряных накладок. Приведенные данные свидетельствуют о том, что эти погребения, как и на I Меллятамакском могильнике, где П. Н. Старостиным⁴³ зафиксировано две могилы, являются вторичными захоронениями. Возможно, что у определенной группы пьяноборского населения существовал обряд повторного захоронения.

Видимо, покойники заворачивались в луб или дно ям выстилалось им. Остатки коры и бересты встречены в ряде погребений могильника Чеганда II, Афонинского, III Кушулевого, I Меллятамакского и Ново-Сасыкульского могильников⁴⁴. Фрагменты дощатых гробов зафиксированы на Афонинском, Ново-Сасыкульском, Старо-Киргизовском и Урманаевском могильниках. На последнем С. М. Васюткиным найден целый гроб в виде колоды длиной 1,95 м, шириной 0,55–0,75 м с крышкой сверху, обугленной посередине⁴⁵. Однако это захоронение в колоде следует исключить из круга пьяноборских. Отсутствие инвентаря, конструкция колоды, которая не встречена на других пьяноборских могильниках, сближает захоронение с кочевническими золотоордынского времени⁴⁶. Да и на территории могильника это погребение (№ 15) расположено несколько особняком.

На Чиатавском могильнике в одном случае голова погребенного лежала на каменной плите, в двух — камни находились у изголовья⁴⁷. Небольшие плиты из песчаника были положены справа у черепа в двух погребениях Урманаевского могильника⁴⁸.

На всех могильниках преобладают индивидуальные захоронения. Парные встречаются редко и распределяются следующим образом: Камышлы-Тамакский — 7, III Кушулевский — 9, Ново-Сасыкульский — 46, Ныргында II — 2 (1 — из раскопок Спицына, 1 — Генинга), Старо-Киргизовский — 2, Старо-Чекмак — 1, Чеганда II — 5, Юлдашевский — 1. Большинство из них составляют захоронения взрослого (мужчины или женщины) и ребенка, взрослого и подростка. Встречаются среди парных как захоронения только взрослых, так и детские или подростковые. Костяки в таких погребениях ориентированы головами в одну сторону или в противоположную, ногами друг к другу.

Захоронения, содержащие три костяка, исследованы на Камышлы-Тамакском (1 погр.), III Кушулевском (1 погр.), Ново-Сасыкульском (15 погр.) и Юлдашевском (1 погр.) могильниках. В трех погребениях Ново-Сасыкульского и одном Чиатавского могильников было по четыре костяка. По одному погребению с пятью костяками известно на III Кушулевском, Ново-Сасыкульском, I Уяндыкском и Юлдашевском могильниках. Два захоронения с шестью костяками вскрыты на Ново-Сасыкульском и Юлдашевском могильниках. Коллективное захоронение I Уяндыкского могильника содержало 11 костяков (погр. 38)⁴⁹. К сожалению, отсутствие половозрастного деления не позволяет выявить закономерность в ориентировке погребенных в парных и коллективных захоронениях. Имеющиеся данные (положение костяков, сохранность инвентаря и др.) свидетельствуют, что захоронения в парных и коллективных погребениях одновременны и последующего подхоронения в общую могильную яму не производилось. Обращает внимание, что 46 парных и 20 коллективных захоронений приходятся на Ново-Сасыкульский могильник.

На полностью раскопанных могильниках детских погребений мало, отсутствуют захоронения младенцев до 4–5 лет. На могильнике Чеганда II вскрыто 52 детских и подростковых погребения, Афонинском — 15, II Деуковском — 9, III Кушулевском — 32, Ново-Сасыкульском — 177, Ныргында II — 27. По мнению В. Ф. Генинга, видимо, существовал особый обряд захоронения⁵⁰. З. П. Соколова отмечает, что обские угры до революции грудных детей хоронили на деревьях в колыбельках. Детей, имеющих зубы, хоронили на кладбище⁵¹. Возможно, что этим можно объяснить малочисленность детских погребений на могильниках.

Положение костяков в могилах на территории всей культуры одинаково: умерших укладывали вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками. По данным В. Ф. Генинга, на могильниках Чеганда II и Ныргында II (раскопки 1954 г.) такое положение погребенных составляет 46 и 57%. В остальных погребениях этих могильников руки покойников были согнуты в локтях и кисти сложены на таз, либо одна рука вытянута, а кисти другой покоились на тазовых костях. По мнению В. Ф. Генинга, среди таких захоронений преобладают женские, к этой группе с достоверностью нельзя отнести ни одно мужское погребение⁵². Видимо, это является одной из черт погребального обряда могильника Чеганда II. Исследования 1968 — 1969 гг. могильника Ныргында II внесли изменения в данные В. Ф. Ге-

нинга: в 24 погребениях у умерших руки были согнуты и кисти рук их лежали на тазовых костях, в 16 — одна рука была вытянута, а другая согнута⁵³, что составляет около 15% от общего количества захоронений. На других памятниках число погребений с костяками с согнутыми в локтях руками незначительно и распределяется по могильникам следующим образом: Камышлы-Тамакский — 2; II Кушулевский — 2, III Кушулевский — 30, Старо-Киргизовский — 1, Урманавский — 3, Юлдашевский — 7, II Деуковский — 1, I Меллятамакский — 1, Чиатавский — 2. Небольшое их количество зафиксировано на Ново-Сасыкульском могильнике⁵⁴. На всех перечисленных могильниках, включая и Ныргында II, среди этих погребений встречаются как мужские, так и женские захоронения. На Юлдашевском могильнике преобладают первые. В двух погребениях III Кушулевского могильника руки умерших были согнуты в локтях, а кисти их лежали на груди⁵⁵. Аналогичное положение рук прослежено В. Ф. Генингом в двух случаях на могильнике Чеганда II⁵⁶. Изредка встречаются захоронения со смещенными к краю ногами или одна из ног согнута и лежит на голених другой, либо голени перекрещены.

Следует выделить немногочисленную группу погребений, которая по обряду захоронения отличается от пьяноборских. К ней относятся шесть погребений Ново-Сасыкульского, шесть — Чеганда II, два — Ныргында II и по одному захоронению на Старо-Киргизовском, Чиатавском могильниках. В этих погребениях умершие лежали скорченно на боку. Руки у всех покойников были согнуты в локтях, и кисти лежали около лица. Степень подогнутости ног различна — от положения их под прямым углом в коленях до подогнутости колен до грудной клетки. Среди них есть как мужские, так и женские и детские захоронения. Наряду с индивидуальными могилами встречается и парное захоронение. Так, в погр. 86 Ново-Сасыкульского могильника рядом с костяком подростка, лежавшим вытянуто на спине, находился скелет младенца, скорченно на боку. Из 16 погребений лишь в одном присутствовал скромный сопровождающий инвентарь (Чеганда II, погр. 64). Видимо, прав В. Ф. Генинг, который считает, что погребения со скорченным положением костяков являются захоронениями определенной социальной категории — патриархальных рабов⁵⁷.

К этой же группе относятся два погребения I Меллятамакского (погр. 18, 34) и по одному III Кушулевского (погр. 8), Чиатавского (погр. 4) могильников и Чеганда II (погр. 136). Костяки в них лежали в 4 случаях на боку со слегка подогнутыми в коленях ногами, руки согнуты в локтях, и кисти их находились у лица, либо одна из рук покоилась на поясе, а другая была вытянута вдоль корпуса. Во всех могилах были захоронения взрослых, в двух случаях — с невыразительным сопровождающим инвентарем (III Кушулевский, Чиатавский могильники).

В погребении 40 Юлдашевского могильника встречен костяк взрослого, лежавшего на животе, лицом вниз. Руки его были согнуты в локтях, левая нога подогнута⁵⁸.

В ориентировке погребенных даже на одном могильнике наблюдается большое разнообразие. Преобладающей ориентировкой для

могильника Чеганда II является восточная (36,1%) с небольшими отклонениями на ВСВ (50,3%) и ВЮВ (9,4%), которые, видимо, носят сезонный характер. Северная и западная ориентировка зафиксирована в 8 погребениях (3,2%)⁵⁹. Аналогичная картина наблюдается и на могильнике Ныргында II (раскопки Генинга В. Ф.). 60% погребенных лежали головой на ВСВ, 19% — на восток, 18% — на северо-восток и лишь 5 погребений (2%) имели юго-восточную или юго-западную ориентировку⁶⁰. Судя по плану, все погребения раскопа 1898 г., за исключением двух могил, в которых костяки лежали головой на север и запад, имели восточную с небольшими отклонениями ориентировку⁶¹. На Афонинском могильнике ориентировка погребенных установлена в 154 случаях. Головой на СВ лежали 21,4% (33 погр.) захороненных, на ССВ — 30% (47 погр.), на ЮЗ — 26,6% (41 погр.), на ЮЮЗ — 19,5% (30 погр.). На ВСВ, ЮВ и ЮЮВ было ориентировано 3 погребения. В целом на могильнике отчетливо проявляется два противоположных по сторонам света направления положения костяков: СВ, ССВ (51,4%) и ЮЗ, ЮЮЗ (46,1%). Большинство могил, в которых положение костяков не прослежено, ориентировано по линии ССВ—ЮЮЗ с небольшими отклонениями.

На Юлдашевском могильнике преобладающими являются также две ориентировки: восточная (61%) и северная (30%) с небольшими отклонениями. Головой на юг лежали костяки в 8 погребениях (6%)⁶². Из 335 исследованных костяков III Кушулевского могильника 59% лежали головой на север, на северо-запад и северо-восток — 4,1, юг — 16,5, юго-запад — 1, восток и запад — 14,6 и 4,8%. На Камышлы-Тамакском могильнике 48,1% костяков лежали головой на север, северо-запад, северо-восток и 41,8% — на юго-восток. Лишь одно погребение было ориентировано на запад и у десяти положение костяков не прослежено.

Несколько ориентировок по сторонам света отмечено исследователями на Ново-Сасыкульском могильнике. Так, в восточной и центральных его частях могилы были расположены по линии СЗ—ЮВ, в южной — по линии З—В, в западной — С—Ю, в северной части наблюдался постепенный переход от СВ—ЮВ к З—В⁶³.

На Старо-Киргизовском могильнике северное положение умерших составляет 47,5%, на северо-запад — 11%, северо-восток — 7,5%, восточную ориентировку имели 11% погребений, у остальных ориентировка не прослежена. 19 погребений Урманавского могильника были ориентированы на север и северо-восток, и лишь в одной могиле костяк лежал головой на юго-восток. Северная и южная с отклонениями ориентировки прослежены на II Кушулевском могильнике⁶⁴.

На двух могильниках Татарии — I Меллятамакском и II Деуковском — преобладает восточная ориентировка с небольшими отклонениями — 54,3 и 37,5%. Северную ориентировку на II Деуковском могильнике имели 16,6%, на I Меллятамакском — лишь одно погребение. На обоих могильниках представлена южная с отклонениями ориентировка: соответственно 22,9 и 37,5% и по одному погребению с западным положением костяка⁶⁵.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что почти на всех

пьяноборских могильниках в различных соотношениях бывало одновременно несколько ориентировок погребенных. Очевидно, различия объясняются принадлежностью их к разным родо-племенным подразделениям, сохранением родовых и племенных традиций. Разные ориентировки до XII–XVI вв. прослежены у предков современных мордвы и удмуртов. Так, А. Е. Алихова отмечает, что у мордвы от момента христианизации и в глубь времен, вплоть до V в. н.э., наблюдается у мошки южная ориентировка, а у эрзи – северная⁶⁶. Наличие погребений с различной ориентировкой отмечены на удмуртских могильниках XVI–XIX вв.⁶⁷.

Остатки жертвенной пищи в могилах встречаются редко. Они представлены костями домашних животных, птиц и диких зверей, которые лежали у черепа или голени погребенных. Кости животных найдены в четырех погребениях III Кушулевского могильника. В могиле 96 на грудь умершего была положена целая челюсть медведя⁶⁸. Зуб лошади и кости овцы встречены в четырех погребениях Юлдашевского могильника. В погребении 58 найдены 2 створки речной раковины⁶⁹. Кости животного находились в одном погребении Чиатавского⁷⁰ и I Меллятамакского⁷¹ могильников. Косточки птицы, животного, челюсти куницы и крота встречены в захоронениях II Деуковского могильника⁷².

В двух случаях покойникам были положены кусочки мела: на III Кушулевском и Чиатавском могильниках⁷³.

На всех могильниках культуры известно 49 находок сосудов. В захоронениях они стояли в ногах, в изголовье, у бедра или голени умерших. Наибольшее количество сосудов происходит из Ново-Сасыкульского могильника – 34, а на остальных могильниках они распределяются следующим образом: III Кушулевский – 4, Юлдашевский – 3, Ныргында II – 3 (два из раскопа А. А. Спицына и I – В. Ф. Генинга), Афонинский – 2, Чиатавский, I Меллятамакский и II Деуковский – по одному. В погребении 417 Ново-Сасыкульского могильника находилась бронзовая чаша⁷⁴, видимо, античной работы. Сосуды встречены как в мужских, так и в женских и детских захоронениях. Очевидно, что у части пьяноборского населения существовал обычай помещать сосуды с пищей в могилы. Обращает внимание, что наибольшее их количество происходит из южных могильников. Это, видимо, свидетельствует об инфильтрации в прикамскую среду пришлого населения южного происхождения.

Следует согласиться с мнением В. Ф. Генинга, что наиболее характерными орудиями труда в погребениях являются железные ножи⁷⁵. Встречаются они как в мужских, так и в женских и детских могилах, лежат обычно около левого или правого бедра. Исключение составляет одно погребение Юлдашевского⁷⁶ и десять Ново-Сасыкульского могильников, в которых ножи находились за черепом, у правого или левого плеча, а в одном случае – на груди.

Железные шилья встречены в 9 погребениях Афонинского, 4 – Камышлы-Тамакского и 4 – III Кушулевского могильников.

Точильные камни (22 экз.) найдены почти на всех могильниках. Наибольшее их количество (7 экз.) происходит из Камышлы-Тамакского могильника.

Кроме перечисленных предметов труда, в могилах нередко находки глиняных пряслиц. Они встречены в 2 погребениях Камышлы-Тамакского, 7 – Ново-Сасыкульского, 1 – Сукндюковского, 1 – Чиатавского, 1 – III Кушулевского, 2 – Икского могильников и в одном – могильника Чеганда II.

К орудиям труда относятся и костяные проколки, которые происходят из 27 погребений. 19 проколок найдено на Ново-Сасыкульском могильнике⁷⁷. Костяные „лопаточки“ встречены в трех погребениях (III Кушулевский, Ново-Сасыкульский, Юлдашевский могильники).

Три бронзовых рыболовных крючка найдено на Ново-Сасыкульском могильнике. Оттуда же происходит и железное мотыгообразное орудие⁷⁸. Обломки зернотерки найдены в погребении Икского могильника⁷⁹.

Сравнительная малочисленность бытовых предметов и в то же время широкий их набор, свидетельствующий о занятиях населения рыболовством, земледелием и домашними промыслами, наводит на мысль, что они помещались в могилы определенного круга людей.

По сопровождающему инвентарю погребения четко делятся на мужские и женские. В женских погребениях богато представлены украшения и принадлежности костюма. Все вещи в погребениях располагались так, как они носились на теле или одежде. В. Ф. Генингом на материале могильника Чеганда II были отмечены отклонения от этого правила: в ряде случаев гривны целые или разогнутые были положены рядом с покойником. В могиле 52 пояс с медными накладками был уложен слева вдоль корпуса умершей⁸⁰.

Инвентарь мужских погребений представлен наконечниками стрел, копий, мечами, кинжалами и удилами. Наконечники стрел обычно находились около стопы, голени или между ними. Копья помещались рядом с погребенным наконечником в сторону ног, иногда в сторону головы, мечи – у левого бедра, кинжалы – на поясе или у правого бедра. В ряде могил прослежены отклонения от этого правила. В погребении 66 III Кушулевского могильника⁸¹ меч лежал под умершим, в могиле 26 Чеганда II он находился между костями ног⁸². На Ново-Сасыкульском могильнике в одном случае кинжал в бронзовых ножнах лежал на груди погребенного, в другом – меч находился у корпуса. По одному разу на Ново-Сасыкульском (погр. 144) и Ныргындинском II⁸³ (погр. 196) могильниках встречено „зеркальное“ положение вооружения, т.е. меч находился у правого бедра, а наконечники стрел – у левой голени. Удила в могилах лежали у ног, между голеньями, у плеча или черепа.

По мнению В. Ф. Генинга, для пьяноборских захоронений не характерно помещение в могилы оружия. Однако, по его же данным, на могильнике Чеганда II наконечники стрел встречены в 28, мечи – 5, удила – 4 погребениях⁸⁴. Предметы вооружения и удила найдены в 29 могилах, т.е. в 13,1% от общего числа погребений. На Камышлы-Тамакском могильнике оружие встречено в 13 (13%), III Кушулевском – 95 (29%), Юлдашевском – 29 (22,1%), Ново-Сасыкульском – 95 (24,5%) погребениях. Если учесть, что на всех могильниках представлены погребения без инвентаря: на Чеганда II они составляют 36,8% (81 погр.), на III Кушулевском – 23,1 (75 погр.), Юлдашев-

ском — 13, Камышлы-Тамакском — 20%, а также количество женских и детских захоронений, то степень вооруженности погребенных мы должны считать довольно высокой. В то же время следует отметить, что на всех памятниках есть могилы, содержащие только наконечники стрел, и погребения, в которых вооружение намного богаче. Видимо, определенная социальная группа общества хоронилась с тем или иным набором оружия.

В течение функционирования культуры погребальный обряд его носителей изменялся. Выше отмечалось, что на могильнике Чеганда II гривны в целом или разомкнутом виде помещались у плеча, либо у черепа захороненных⁸⁵. Гривны найдены в 13 погребениях. В трех случаях они разогнутыми были помещены вдоль костяка (погр. 11, 201, 213). В пяти могилах гривны лежали справа, либо слева у черепа, у плеча, на груди или у ног (погр. 17, 33, 77, 139, 185). Аналогичное положение гривен зафиксировано в трех погребениях Афонинского (28, 149, 161)⁸⁶ и одном Ново-Сасыкульском могильников (погр. 48).

Кроме гривен ряд украшений занимал в могилах аналогичное „неправильное” положение. На могильниках Чеганда II (погр. 5)⁸⁷, Ныргында II (погр. 88, 98, 110, 117, 204)⁸⁸ и Афонинском (погр. 91, 93)⁸⁹, Ново-Сасыкульском (погр. 237) браслеты находились в изголовье, рядом с черепом, на груди или у колен костяков.

В шести погребениях (19, 34, 51, 53, 55, 65) Юлдашевского могильника⁹⁰ бронзовые перстни лежали за черепом или под ним, на груди или у плеча. Анализ расположения височных подвесок показал, что иногда они лежат у ног, у рук, на груди костяков, либо разбросаны по яме. Это зафиксировано в девяти погребениях (14, 34, 51, 88, 92, 122, 172, 208, 209) Чеганда II⁹¹ и одном (70) — Юлдашевского могильника⁹².

В двух погребениях (16, 17) Чеганда II В. Ф. Генингом отмечено смещение вещей. На грудь умершей в могиле 15 была положена низка бус. Судя по описанию, в могиле 192 у правого плеча покойной был помещен набор украшений из двух нагрудных блях, листовидных височных подвесок, а с левой стороны черепа — бусы, железная и медная спиральные гривны, серебряная нагрудная бляха и железная пряжка. В погребении 219 у ног покойной лежали железные пряжки, нагрудная серебряная бляха, на которой находились небольшая серебряная бляшка, железный нож, бляшки и стеклянная бусина⁹³. Такое положение вещей, видимо, имело ритуальный смысл, и мной они названы условно „жертвенными комплексами”. Как в женских, так и в мужских погребениях в их состав входили обычно предметы украшения. Находились жертвенные комплексы в могилах у стопы или голеней, у плеча или изголовья. Жертвенные комплексы встречены в шести мужских захоронениях III Кушупевского могильника⁹⁴ и одном — Ныргында II⁹⁵. В женских могилах они найдены на Ныргында II (погр. 38, 73, 101, 131, 197, 204, 218)⁹⁶, Ново-Сасыкульском (погр. 13) и Старо-Киргизовском (погр. 50), Урманавском (погр. 1, 6)⁹⁷ могильниках. Наибольшее количество захоронений (31) с жертвенными комплексами зафиксировано исследователями на одном из поздних пьяноборских могильников — Афонин-

ском (раскопки Г. Н. Ключевой и Т. К. Ютиной). В засыпке женского погребения 197 Ново-Сасыкульского могильника найдены удила (раскопки В. К. Калинина).

В. Ф. Генинг отметил, что в могиле 52 Чеганда II пояс с медными накладками был уложен слева вдоль корпуса умершей⁹⁸. Видимо, поясные ремни не всегда украшались накладками и от них могли сохраниться лишь пряжки и эполетообразные застёжки. Для выяснения положения поясов был произведен анализ всех планов погребений и дневников раскопок могильников. Так, в погр. 189 Чеганда II под кистью левой руки, ниже таза, крючком вверх по отношению к умершей лежала эполетообразная застёжка. В погр. 201 у ног костяка лежали пять прямоугольных поясных накладок. Железная пряжка у левого бока, а немного ниже на тазовых костях 12 бронзовых поясных накладок зафиксированы у погребенной в могиле 190⁹⁹. Приведенные данные говорят о том, что в первом случае пояс был уложен слева у корпуса, во втором — брошен у ног, а в третьем — положен на погребенную. В могиле 110 слева от черепа находилась бронзовая застёжка, судя по ней пояс лежал у корпуса погребенного. Всего на могильнике Чеганда II удалось выявить 20 захоронений с таким положением поясов (погр. 9, 12, 15, 26, 33, 40, 52, 59, 77, 92, 110, 121, 139, 159, 179, 189, 190, 201, 211, 212).

На Юлдашевском могильнике, по наблюдению А. Х. Пшеничника, в погребении 52 пояс лежал вдоль костяка¹⁰⁰. Анализ положения поясных пряжек и накладок позволил выявить на этом могильнике еще несколько погребений с аналогичным положением поясов (погр. 10, 34, 53, 69, 77). Пояса вдоль костяка, в изголовье или в ногах находились в погребениях Нырғында II (погр. 18, 69, 9, 204)¹⁰¹, Афонинского (погр. 17, 20, 94, 176, 209)¹⁰², Урманяевского (погр. 6)¹⁰³, Ново-Сасыкульского (погр. 29, 132, 165, 258, 391), III Кушулевого (погр. 318)¹⁰⁴ и Старо-Чекмакского (погр. 29) могильников.

Положение поясов вдоль костяков зафиксировано на Зуевском могильнике ананьинской культуры¹⁰⁵. Можно было бы предположить, что этот элемент погребального обряда в пьяноборской культуре имеет ананьинские истоки. Однако этому противоречит существующий хронологический разрыв между рассматриваемыми комплексами и полное отсутствие этого элемента обряда в раннепьяноборских погребениях. Возможно, что он был привнесен или появился под влиянием кара-абызского населения, у которого помещение женских украшений в ноги и поясов вдоль или наискось костяков было распространено на рубеже нашей эры¹⁰⁶. Можно отметить, что положение пояса развернуто рядом с умершим, а иногда сверху на погребенном и помещение в могилы жертвенных комплексов способствуют дальнейшее распространение у мазунинского населения¹⁰⁷.

⁹⁸Генинг В. Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры//ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 4. С. 7; Он же. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху//ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 24–29; Мажитов Н. А. Чиатавский могильник//БАС. Уфа, 1959. С. 117; Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Деуковский II могильник//ОНКАЭ. М., 1972. Вып. 1. С. 118; Старостин П. Н. Первый

Меллятамакский могильник//Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 126.

²Мажитов Н. А., Пшеничник А. Х. Камышлы-Тамакский могильник//АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 38; Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 29.

³Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья... С. 28-29.

⁴Мажитов Н. А., Пшеничник А. Х. Указ. раб. С. 38.

⁵Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья... С. 24.

⁶Генинг В. Ф., Одинцов В. Ф. Новые раскопки пьяноборского могильника Ныр-гында II//АО 1968 г. М., 1969. С. 157-158; Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции//АО 1969 г. М., 1970. С. 138.

⁷Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 115.

⁸Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Указ. раб. С. 138.

⁹Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. III Кушелевский могильник пьяноборской культуры//Археологические исследования в низовьях р. Белой. Уфа, 1986. С. 75.

¹⁰Васюткин С. М., Калинин В. К. Ново-Сасыкульский могильник//Археологические исследования... С. 95.

¹¹Казаков Б. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Указ. раб. С. 106.

¹²Там же.

¹³Клюева Г. Н. Отчет об археологических исследованиях за 1977 г.//КА УдГУ. Ф-2, Д-55; Ютина Т. К. Отчет об археологических исследованиях за 1978 г.//КА УдГУ. Ф-2, Д-82; Она же. Отчет об археологических исследованиях за 1979 г.//Архив КА УдГУ. Ф-2. Д-101; Клюева Г. Н. отчет об археологических исследованиях за 1980 г.//Архив КА УдГУ. Ф-2. Д-122.

¹⁴Агеев Б. Б. Отчет об археологических исследованиях за 1983 г.//Архив МАЭ БНЦ УрО АН СССР.

¹⁵Ютина Т. К. Отчет за 1978 г.

¹⁶Старостин П. Н. Первый Меллятамакский могильник. С. 133. К сожалению, при публикации материала могильника автором опущено описание ямы, хотя на общем плане она есть.

¹⁷Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11. С. 7. На общем плане могильника яма есть, однако автор о ней нигде не упоминает.

¹⁸Ашихмина Л. И., Клюева Г. Н. Икский могильник — новый памятник пьяноборской культуры//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 44, 48.

¹⁹Казаков Б. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Указ. раб. С. 106.

²⁰Васюткин С. М., Калинин В. К. Указ. раб. С. 119-120.

²¹Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. III Кушелевский могильник пьяноборской культуры. С. 78.

²²Васюткин С. М. Исследования пьяноборских могильников в западной Башкирии//Приуралье в эпоху бронзы и железа. Уфа, 1982. С. 130.

²³Казаков Б. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Указ. раб. С. 106-121.

²⁴Пшеничник А. Х. Юлдашевский могильник//Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 48, 40.

²⁵Мажитов Н. А. Чиатавский могильник. С. 101.

²⁶Ашихмина Л. И., Клюева Г. Н. Указ. раб. С. 52.

²⁷Агеев Б. Б. К хронологии могильника Чеганда//СА. 1976. № 3. С. 58-67; Он же. К вопросу о большесемейных группах в пьяноборской культуре//Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 138-145.

²⁸Старостин П. Н. Указ. раб. С. 133.

²⁹Мажитов Н. А., Пшеничник А. Х. Указ. раб. С. 55.

³⁰Ютина Т. К. Отчет за 1979 г.

³¹Пшеничник А. Х. Указ. раб. С. 46.

³²Мажитов Н. А. Чиатавский могильник. С. 101-109.

³³Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 25.

³⁴Старостин П. Н. Указ. соч. С. 126.

³⁵Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 25.

³⁶Агеев Б. Б. Отчет за 1983 г.

- ³⁷Старостин П. Н. Указ. раб. С. 132, 135, 139.
- ³⁸Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа, 1985. С. 11.
- ³⁹Мажитов Н. А., Пшеничник А. Х. Указ. раб. С. 57.
- ⁴⁰Там же. С. 52, 54.
- ⁴¹Васюткин С. М. Указ. раб. С. 125–134.
- ⁴²Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Указ. раб. С. 118.
- ⁴³Старостин П. Н. Указ. раб. С. 139.
- ⁴⁴Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 25; Ютина Т. К. Отчет за 1979 г.; Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. III Кушелевский могильник... С. 75; Старостин П. Н. Указ. раб. С. 135; Васюткин С. М., Калинин В. К. Указ. раб. С. 97.
- ⁴⁵Васюткин С. М. Указ. раб. С. 137.
- ⁴⁶Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977. С. 83–84.
- ⁴⁷Мажитов Н. А. Чижевский могильник. С. 104, 109.
- ⁴⁸Васюткин С. М. Указ. раб. С. 137.
- ⁴⁹Пшеничник А. Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой//Археологические работы в низовьях р. Белой. С. 41.
- ⁵⁰Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 115.
- ⁵¹Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров//Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. М., 1975. С. 231.
- ⁵²Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 25–26.
- ⁵³Генинг В. Ф. Могильник Нырғында II//Рукопись статьи хранится в КА УдГУ.
- ⁵⁴Васюткин С. М., Калинин В. К. Указ. раб. С. 97.
- ⁵⁵Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. Новый памятник пьяноборской культуры... С. 20, 22.
- ⁵⁶Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 26.
- ⁵⁷Там же. С. 124–125.
- ⁵⁸Пшеничник А. Х. Юлдашевский могильник. С. 56, 70.
- ⁵⁹Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 27.
- ⁶⁰Генинг В. Ф. Могильник Нырғында II (рукопись).
- ⁶¹Худяков М. Г. Нырғындские I и II могильники//Материалы ГАИМК. М; Л., 1933. Вып. 2. С. 15.
- ⁶²Пшеничник А. Х. Юлдашевский могильник. С. 70.
- ⁶³Васюткин С. М., Калинин В. К. Указ. раб. С. 97.
- ⁶⁴Васюткин С. М. Указ. раб. С. 126–130, 137, 141.
- ⁶⁵Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Указ. раб. С. 118; Старостин П. Н. Указ. раб. С. 135–136.
- ⁶⁶Алихова А. Е. Среднеинишская мордва VII–XI вв. (по материалам раскопок Иванова П. П. за 1927–28 гг.). Саранск, 1969. С. 5–6.
- ⁶⁷Семенов В. А. Южные удмурты в XVI веке (по материалам Ореховского могильника)//Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 76–78.
- ⁶⁸Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. III Кушелевский могильник... С. 78.
- ⁶⁹Пшеничник А. Х. Указ. раб. С. 57, 59, 60.
- ⁷⁰Мажитов Н. А. Чижевский могильник. С. 118.
- ⁷¹Старостин П. Н. Указ. раб. С. 135.
- ⁷²Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Указ. раб. С. 118.
- ⁷³Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. III Кушелевский могильник... С. 78; Мажитов Н. А. Чижевский могильник. С. 119.
- ⁷⁴Васюткин С. М., Калинин В. К. Указ. раб. С. 121.
- ⁷⁵Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 28.
- ⁷⁶Пшеничник А. Х. Указ. раб. С. 62.
- ⁷⁷Васюткин С. М., Калинин В. К. Указ. раб. С. 117.
- ⁷⁸Там же. С. 117.
- ⁷⁹Ашихмина Л. И., Ключев Г. Н. Икский могильник... С. 44.
- ⁸⁰Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 28.
- ⁸¹Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. III Кушелевский могильник... С. 78.
- ⁸²Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11. С. 15.

- ⁸⁵Генинг В. Ф. Могильник Нырғында II (рукопись).
- ⁸⁶Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 28–29.
- ⁸⁷Там же. С. 28.
- ⁸⁸Ютина Т. К. Отчет за 1977 г.; Ключева Т. К. Отчет за 1980 г.
- ⁸⁹Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11. С. 8.
- ⁹⁰Генинг В. Ф. Могильник Нырғында II.
- ⁹¹Ютина Т. К. Отчет за 1979 г.
- ⁹²Пшеничнюк А. Х. Указ. раб. С. 53–60.
- ⁹³Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11. С. 10–28.
- ⁹⁴Пшеничнюк А. Х. Указ. раб. С. 62.
- ⁹⁵Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11. С. 12–13, 27, 30.
- ⁹⁶Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. III Кушелевский могильник... С. 78.
- ⁹⁷Генинг В. Ф. Могильник Нырғында II.
- ⁹⁸Там же.
- ⁹⁹Васюткин С. М. Указ. раб. С. 131, 137.
- ¹⁰⁰Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 28.
- ¹⁰¹Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11. С. 27, 28.
- ¹⁰²Пшеничнюк А. Х. Указ. соч. С. 57–59, 73.
- ¹⁰³Генинг В. Ф. Могильник Нырғында II.
- ¹⁰⁴Ютина Т. К. Отчет за 1978 г.; Ключева Г. Н. Отчет за 1980 г.
- ¹⁰⁵Васюткин С. М. Указ. раб. С. 137.
- ¹⁰⁶Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. III Кушелевский могильник... С. 78.
- ¹⁰⁷Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху//МИА. 1952. № 30. С. 40–41.
- ¹⁰⁸Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры)//АЭБ. Уфа, 1973. Т. 5. С. 178.
- ¹⁰⁹Генинг В. Ф. Памятники мазунской культуры//ВАУ. Свердловск, 1967. Вып. 7. С. 14–15; Останина Т. И. Нивский могильник III–V вв.//Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 96; Она же. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии//Поиски, исследования, открытия. Ижевск, 1984. С. 26–92.

Глава 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

В классификации инвентаря могильников исследователями значительное внимание уделялось эполетообразным застегкам, одному из характерных предметов пьяноборской культуры. Впервые схема их типологического развития дана М. Г. Худяковым и поддержана А. П. Смирновым¹. Вплоть до начала 60-х годов эта типология, выполненная на ограниченном материале, оставалась единственной формой систематизации пьяноборских древностей. Исчерпывающие раскопки могильника Чеганда II позволили В. Ф. Генингу дать первую хорошо обоснованную классификацию и типологию погребального инвентаря. Классификация им выполнена по трем основным категориям: 1) украшения и принадлежности костюма, 2) оружие и 3) керамика². Однако она из-за ограниченности источниковедческой базы не может быть распространена на всю пьяноборскую культуру. Предложенная классификация характеризует комплексы Чеганда II и небольшой материал могильника Ныргында II. А между тем инвентари близко расположенных памятников различаются и типологически дополняют друг друга. В силу этого в классификации В. Ф. Генинга не все категории, группы вещей освещены одинаково. Привлечение огромного материала вновь открытых могильников, статистических данных, на наш взгляд, должно уточнить и значительно дополнить классификацию В. Ф. Генинга как по отдельным категориям, так и по группам, типам. Предлагаемая классификация выполнена по следующим категориям: 1) украшения и принадлежности костюма, 2) вооружение и конское снаряжение, 3) керамика и 4) орудия труда. Категории в ней выделены по назначению, группы — по принадлежности, отделы — по материалу или технике изготовления, типы — по форме, варианты — по отдельным отличительным деталям. В некоторых группах вещей ввиду их малочисленности или однообразия отделы не выделялись и систематизация проводилась только по типам. При классификации учитывались только хорошо сохранившиеся предметы, дающие представления о размерах, формах и типе. В работе использован материал только закрытых комплексов, клады, подъемный материал и случайные находки не учитывались. Условия местонахождения всех типов вещей приведены в конце работы. В приложении приняты следующие сокращения: Аф — Афонинский, Дк — II Деуковский, Ик — Икский, КТ — Камышлы-Тамакский,

Куш II – II Кушулевский, Куш III – III Кушулевский, Кр – Кырнышский, Мл – I Меллятамакский, НС – Ново-Сасыкульский, Нр – Ныргында II, Сн – Сундюковский, СК – Старо-Киргизовский, СЧ – Старо-Чекмакский, Урм – Урманаевский, Уд I – I Уяндыкский, Уд II – II Уяндыкский, Чг II – Чеганда II, Чт – Чиатавский, Юлд – Юлдашевский могильники. Цифры после сокращений обозначают номер погребения, в котором встречен данный тип вещи, в скобках указано количество экземпляров, знак (+) указывает, что данный тип присутствует в комплексе, но количество его не установлено, знак (?) – свидетельствует о возможной принадлежности вещи к этому типу.

1. Украшения и принадлежности костюма

Группа 1. Украшения головного убора. К ним относятся различные бронзовые бляшки, ажурные прорезные накладки, кокошники, височные подвески и стеклянные бусы.

Кокошники (II экз.). Представляют собой тонкую медную пластинку шириной до 4,5 см в средней части, на зауженных до 2,5 см концах сделаны отверстия для продевания ремня³. Аналогичные предметы встречаются и в ананьинских древностях⁴.

Височные подвески. За исключением нескольких экземпляров все они изготовлены из бронзы. Основу подвесок составляет простое разомкнутое проволочное кольцо, в большинстве случаев дополненное привеской в виде стержня или трубицы. По этому признаку выделены отделы, а по форме свисающей привески – типы.

Отдел А. Кольцевые

Тип 1. Проволочные. Вариант А. Простое кольцо с разъемом диаметром 1–3 см (48 экз., табл. 1,1). Вариант Б. Концы кольца загнуты наружу (1 экз., табл. 1,2).

Тип 2. Восьмеркообразные. Вариант А. Верхние и нижние кольца с разъемом (9 экз., табл. 1,3). Вариант Б. Без разъема (11 экз., табл. 1,4).

Височные подвески типа 1А, обложенные серебряной или золотой фольгой, встречаются в сарматских комплексах Южного Урала⁵ и в памятниках кара-абызской культуры⁶. Подвески типа 2А есть в скифских древностях⁷ и в могильниках центральной Башкирии⁸, где они датируются IV–III вв. до н.э. Пьяноборские височные подвески отличаются от них небольшими размерами.

Отдел Б. Подвески, дополненные привесками

Тип 1. Проволочные подвески в форме знака вопроса (21 экз., табл. 1,5–7).

Тип 2. С короткой спиральновитой трубицей из плоской или сегментовидной в сечении пластинки (67 экз., табл. 1,8–9).

Тип 3. С длиной до 20 витков трубицей (663 экз., табл. 1,27). Вариант А. Спиральновитая из тонкой проволоки, коническая трубица свободно спущена (1 экз., табл. 1,20).

Тип 4. Листовидные (383 экз., табл. 1,21,28).

Тип 5. С цельнолитой конической трубицей (593 экз., табл. 1,12).

Тип 6. С цельнолитой полый конической трубицей (136 экз., табл. 1,11).

Тип 7. С короткой полый конической трубицей с запаянным верхом и кольцом без разъема (31 экз., табл. 1,13).

Тип 8. С конической трубицей из тонкой гофрированной пластинки. Вариант А. Трубица прикреплена к кольцу без пайки (143 экз., табл. 1,17). Вариант Б. Короткая коническая трубица припаяна к кольцу без разъема (11 экз., табл. 1,19). Вариант В. С цельной конической трубицей, гофрированной в середине (19 экз., табл. 1,18).

Тип 9. С цельной конической трубицей, гофрированной в нижней части (28 экз., табл. 1,10).

Тип 10. С тонкой мелкогофрированной цилиндрической трубицей (33 экз., табл. 1,16).

Тип 11. С лировидной привеской (10 экз., табл. 1,23).

Тип 12. С привеской в виде полого шара из колец (9 экз., табл. 1,15).

Тип 13. Подвески в форме двух колец, соединенных стержнем.

Вариант А. Проволочный стержень заполнен спиралью из прямоугольной в сечении пластинки (11 экз., табл. 1,24). Вариант Б. Стержень свит из круглой в сечении проволоки (20 экз., табл. 1, 22, 24). Вариант В. Цельнолитые с прямоугольным в сечении стержнем (2 экз., табл. 1,25).

Тип 14. Петлевидные (7 экз., табл. 1,14).

Спиральновитые височные подвески известны в ананьинских⁹ и кара-абызских¹⁰ могильниках. По мнению А. П. Смирнова, они типичны для таврских погребений Крыма первых веков нашей эры¹¹. Пьяноборские подвески (типы 2, 3) отличаются от ананьинских и кара-абызских более крупными размерами спиральновитых конических трубиц. Находки аналогичных подвесок известны в Сибири, где они датируются V–VI вв. н.э.¹² Аналогии подвескам типа 8А есть в курганах кочевников III в. до н.э. – I–II вв. н.э. Чуйской долины¹³. Петлевидные подвески нередки в синхронных комплексах кара-абызской культуры¹⁴. Подвески в виде полого шара (тип 12) встречаются в памятниках ванвиздинской культуры и датируются IV–V вв. н.э.¹⁵ Подвески типа 13А в памятниках кулайской культуры бытовали в I в. до н.э. – I в. н.э.¹⁶ Остальные типы височных подвесок за пределами распространения пьяноборской культуры не встречаются.

Группа II. Ожерелья. В их состав входили бронзовые шейные подвески и бусы. Последние употреблялись также на нагрудниках, головных уборах и одежде. Бусы являются массовым материалом в пьяноборских могильниках. Они встречены в 40 погребениях могильника Чеганда II, в 49 – Афонинского и 146 – Ново-Сасыкульского могильников. Классификация бус пьяноборских памятников требует специального монографического исследования и поэтому в данной работе дана характеристика бус из комплексов Камышлы-Тамакского, III Кушулевского и Юлдашевского могильников, доступных автору. Большинство бус в Прикамье поступало из Северного Причерноморья – одного из центров их производства. Классификация и хронология античных бус хорошо разработаны Е. М. Алексеевой¹⁷. Поэтому в данном разделе дается их краткое описание, датировка со ссылкой на соответствующие работы.

Отдел А. Одноцветные стеклянные бусы

Тип 1. Прозрачные синие стеклянные бусы с ребристой поверхностью, диаметром до 30 мм (3 экз., табл. 2,1). Встречены округлой, цилиндрической формы.

Тип 2. Округлые бусы из глухого грязно-синего, темно-синего стекла диаметром 7–12 мм (567 экз., табл. 2,2). В погребениях сочетаются с хорошо датированными бусами I–II вв. н.э. Доживают до IV в. н.э.

Тип 3. Округлые бусы из глухого голубого стекла диаметром до 5–6 мм (700 экз., табл. 2,3).

Тип 4. Рубленый бисер из желтого, коричневого, белого, синего, красного, светло-зеленого глухого стекла. Преобладают бусины диаметром от двух до четырех мм и более. Часто объединены по 2–4 в один столбик (374 экз., табл. 2, 4, 5).

Тип 5. Бусы усеченно-биконической формы из глухого голубого стекла (218 экз., табл. 2,6).

Тип 6. Бусы усеченно-биконической формы из глухого зеленого стекла (46 экз., табл. 2,7).

Тип 7. Округлые бусы из желто-зеленого стекла (258 экз., табл. 2,8).

Тип 8. Округлые бусы из черного стекла (22 экз.; табл. 2,9). Встречаются объединенные по нескольку в одном столбике.

Тип 9. Округлые бусы из глухого красного стекла, изготовленные из тянутых трубочек (8 экз., табл. 2,10).

Тип 10. Бочковидные, уплощенные бусы из зеленого, светло-коричневого стекла (46 экз., табл. 2,11).

Тип 11. Бусина из янтarno-желтого стекла в форме параллелепипеда (1 экз., табл. 2,12).

Тип 12. Цилиндрические бусы из глухого черного стекла (2 экз., табл. 1,13).

Тип 13. Аналогичные бусы из глухого красного стекла (10 экз., табл. 1,13).

Тип 14. Округлые бусы из глухого голубого стекла, изготовленные из трубочек, часто в виде столбиков по два-семь (13 экз., табл. 2,14).

Отдел Б. Золоченные стеклянные бусы

Тип 1. Удлиненные пронизы с бугристой поверхностью (1 экз., табл. 1,15).

Тип 2. Бусина с поперечным поясом из бугорков (4 экз., табл. 2, 61).

Тип 3. Бочковидные бусы с валиками по краям (13 экз., табл. 2,17).

Тип 4. Мелкие рубленые бусы, часто объединенные по нескольку в одном столбике (247 экз., табл. 2,18).

Тип 5. Бочковидные бусы удлиненных пропорций (9 экз., табл. 2, 19).

Тип 6. Округлые бусы из бесцветного стекла (952 экз., табл. 2,20).

Отдел В. Полихромные стеклянные бусы

Бусы со спиралевидным орнаментом.

Тип 1. Округлые бусы, спаянные из голубого и белого стекла (8 экз., табл. 2,21).

Тип 2. Бочковидные, орнаментированные голубыми, белыми, желтыми, зелеными полосками (18 экз., табл. 2,22).

Тип 3. Цилиндрические бусы, составленные из белых, красных, голубых полосок (3 экз., табл. 2,23).

Тип 4. Бочковидные поперечно-сжатые бусы, изготовленные из зеленых, желтых, голубых, белых полосок (17 экз., табл. 2,24).

Бусы с продольно-волнистым орнаментом.

Тип 5. Цилиндрической формы с орнаментом из белого, желтого, голубого стекла (1 экз., табл. 2,24а).

Тип 6. Бусина кубической формы из темного стекла в основе, орнаментированная желтыми зигзагообразными полосками (1 экз., табл. 2,25).

Бусы с продольно-полосатым орнаментом.

Тип 7. Бочковидные, темные с белыми полосками (4 экз., табл. 2,26).

Бусы с поперечно-полосатым орнаментом.

Тип 8. Бочковидной или веретеновидной формы из темного стекла с белой полоской (2 экз., табл. 2,27).

Тип 9. Цилиндрическая с полосками из глухого белого и коричневого стекла (1 экз., табл. 2,28).

Тип 10. Бусы-подвески треугольной формы с полосками темно-синего, янтарного цвета (2 экз., табл. 2,29).

Тип 11. Бусы глобоидальные с ресничковым орнаментом (3 экз., табл. 2,30).

Бусы с пятнистым орнаментом.

Тип 12. Округлая темного цвета бусина с белыми крапинками (1 экз., табл. 2,31).

Бусы с глазчатым орнаментом.

Тип 13. Округлая темно-зеленая бусина. Глазки-отрезки сине-желто-красной палочки (1 экз., табл. 2,32).

Тип 14. Округлая темно-синяя бусина. Глазки-отрезки сине-белого прутика (1 экз., табл. 2,33).

Тип 15. Округлая бусина из глухого темно-синего стекла. Глазки-отрезки светло-зеленого прутика (1 экз., табл. 2,34).

Тип 16. Округлая темно-синяя бусина. Глазки из глухого белого стекла, на которое нанесено прозрачное красноватое стекло (1 экз., табл. 2,35).

Тип 17. Округлая бусина из глухого грязно-синего стекла. Глазки кольчатые, белые (1 экз., табл. 2,36).

Тип 18. Округлая бусина из глухого серо-голубого стекла. Глазки-отрезки сине-бело-желтого прутика (1 экз., табл. 2,37).

Тип 19. Округлая бусина из глухого серо-голубого стекла. Глазки из глухого красного стекла (1 экз., табл. 2,38).

Тип 20. Округлая бусина из глухого серо-голубого стекла. Глазки из глухого белого стекла (1 экз., табл. 2,38).

Тип 21. Округлая бусина из глухого серо-голубого стекла. Глазки-отрезки желтого, синего, белого, красного стекла (1 экз., табл. 2,39).

Тип 22. Округлая бусина из сизо-зеленого стекла. Глазки-отрезки лилово-желтого прутика (1 экз., табл. 2,40).

Тип 23. Округлая бусина из глухого красного стекла. Глазки-отрезки из слоистого сине-белого прутика (1 экз., табл. 2,41).

Тип 24. Округлые бусы из глухого красного стекла. Глазки-отрезки слоистого прутика лилового, белого цвета (1 экз., табл. 2,41).

Тип 25. Округлые бусы из глухого красного стекла. Глазки-отрезки сине-белого прутика (2 экз., табл. 2,41).

Тип 26. Округлая бусина из глухого красного стекла. Глазки — синий диск, окруженный двумя белыми и синими кольцами (1 экз., табл. 2,42).

Тип 27. Округлая бусина черного цвета, глазки состоят из четырех белых и черных дисков (1 экз., табл. 2,43).

Тип 28. Крупная пронизь из глухого темно-синего стекла, с выпуклыми желтыми, синими глазками (1 экз., табл. 2,44).

Отдел Г. Бусы из гагата

Тип 1. Блестящие бусы, с широким каналом отверстий, края которых подтесаны с наклоном внутрь канала (3 экз., табл. 2,45).

Отдел Д. Бусы из египетского фаянса

Тип 1. Биконические бусы бирюзового цвета (260 экз., табл. 2,46).

Тип 2. Коротко-цилиндрический бисер светло-голубого, голубого цвета (162 экз., табл. 2,47).

Наиболее массово представлены одноцветные стеклянные бусы — 2268 экз. В II—I вв. до н.э. и II—III вв. н.э. были распространены лишь бусы типа 4¹⁸. Все остальные типы бус, по данным Е. М. Алексеевой, относятся к I—II, II—III или I—IV вв. н.э.¹⁹ Золоченные стеклянные бусы представлены шестью типами — 1226 экз. II в. до н.э. — II в. н.э. датируются бусы типа 4, несколько шире хронологические рамки у бус типов 5,6 — III в. до н.э. — III в. н.э.²⁰ Остальные типы характерны для первых веков нашей эры²¹. Из полихромных стеклянных бус к IV—II вв. до н.э. относятся типы 17, 19, 20²², II в. до н.э. — II в. н.э. датируются типы 5, 7, 8, 10, 26²³. Все остальные типы полихромных бус получили распространение в первые века нашей эры²⁴. К первым векам нашей эры относятся бусы из египетского фаянса²⁵ и гагата²⁶.

Бронзовые шейные подвески. Представляет собой круглый щиток с петелькой и тремя, редко двумя, кружочками. По оформлению щитка и кружочков выделено два типа.

Тип 1. Со сплошным щитком и прорезными или сплошными кружочками (26 экз., табл. 3, 1, 2).

Тип 2. С прорезным щитком и сплошными или прорезными кружочками (51 экз., табл. 3,4).

Гривны. Большинство их изготовлено из бронзы и по конструкции замков делятся на ряд типов.

Тип 1. Гривны из толстого дрота с небольшими утолщениями на концах или рублеными концами (24 экз., табл. 4,2,3). Железные гривны представлены в погребении 192 могильника Чеганда II и в погребениях 94, 181 Ныргында II.

Тип 2. Железная гривна из толстого дрота с отверстием на расплюснутых концах (1 экз., табл. 4,8).

Тип 3. Из круглого дрота с замком в виде двух-крючков (6 экз., табл. 4,7).

Тип 4. Спиральновитые или круглодротовые со змеевидными замками (3 экз., табл. 4,11,12).

Тип 5. Круглодротовые с замком в виде колбочки и петли (11 экз., табл. 4,6).

Тип 6. Спиральновитые с замком в виде двух петель (2 экз., табл.

4,4). Гривна из золота происходит из комплекса 249 Ново-Сасыкульского могильника.

Тип 7. Круглодротовая с зооморфными изображениями на концах (1 экз., табл. 4,1).

Тип 8. Спиральновитые из пластин (9 экз., табл. 4,5).

Тип 9. Из тонкой бронзовой пластины с двумя отверстиями на концах (1 экз., табл. 4,9).

Тип 10. Круглодротовые крученые с несомкнутыми обрубленными концами (2 экз., табл. 4,10).

Бронзовые гривны из толстого дрота с небольшими утолщениями на концах или обрубленными концами известны в ананьинских памятниках VIII–VI вв. до н.э.²⁷, раннепрохоровских погребениях²⁸ и в комплексах IV–III вв. до н.э. кара-абызской культуры²⁹. Круглодротовые гривны с замком в виде двух крючков встречаются в могильниках древней мордвы II–V вв. н.э.³⁰ и в азелинских комплексах³¹. Круглодротовые крученые гривны находят аналогии в комплексах кочевников Южного Урала IV–II вв. до н.э.³²

Группа III. Нагрудные украшения. К ним относятся крупные прямоугольные и круглые бляхи, умбовидные бляхи, ажурно-прорезные накладки, бляхи с игольчатой застежкой, подвески, фибулы и стеклянные бусы.

Отдел А. Нагрудные бляхи. По форме и элементам орнамента выделено несколько типов.

Тип 1. Крупные прямоугольные бляхи. Вариант А. Орнаментированные выпуклыми концентрическими кругами в центре и рядом полушарных выпуклин снизу и сверху (2 экз., табл. 5,16).

Вариант Б. Аналогичные, но обрамленные по краю орнаментом в виде шнура, а внизу – рядом прорезных колечек – 2 экз.

Вариант В. В центре – выпуклый солярный знак, заключенный в выпуклые прямоугольники, снизу и сверху ряд полушарных выпуклин (2 экз., табл. 5,20). По краям бляхи орнаментированы веревочным шнуром.

Вариант Г. Орнаментированная рядом выпуклых концентрических кругов и рядом крупных треугольных прорезей, под которым помещены линия веревочного шнура и ряд мелких полушарных выпуклин (1 экз., табл. 5,19).

Вариант Д. Изготовлена из белой „бронзы“ – 1 экз. Аналогична предыдущей, отсутствует веревочный шнур (Ныргында II, раскопки В. Ф. Генинга).

Тип 2. Прямоугольные бляхи составного нагрудника. Все три бляхи обрамлены по краям веревочным шнуром, внизу украшены рядом мелких полушарных выпуклин, в горизонтальной прорези в центре блях помещен ряд рельефных головок медведей.

Тип 3. Прямоугольно-овальная бляха, орнаментированная горизонтальным и вертикальным рядами концентрических выпуклин и треугольниками, заполненными псевдозернью (1 экз., табл. 5,18).

Тип 4. Прямоугольно-овальная бляха, орнаментированная по краю веревочным орнаментом и рядом треугольных прорезей и концентрическими выпуклинами в центре (2 экз., табл. 5,11).

Тип 5. Круглые бляхи с отверстием в центре, орнаментированные

концентрическими кругами, концентрическими кругами и шести-, семилепестковой розеткой или без них (70 экз., табл. 5,17). Большинство их изготовлено из бывших в употреблении зеркал.

Тип 6. Мелкие и крупные плоские круглые бляхи с одной-двумя и более петельками на обороте (258 экз., табл. 5,2-5).

Тип 7. Мелкие и крупные плоские круглые бляхи с отверстиями в центре или по краям (143 экз., табл. 5, 1, 7, 8).

Тип 8. Крупные умбоновидные бляхи с мелкими полушарными выпуклинами и концентрическими валиками и пуговкой в центре (6 экз., табл. 5,13).

Тип 9. Умбоновидные бляхи с крупными полушарными выпуклинами, обрамленными по краям и центру веревочным шнуром (14 экз., табл. 5,10).

Тип 10. Умбоновидные бляхи с небольшими выпуклыми полугорошинами по кольцу (7 экз., табл. 5,14).

Тип 11. Умбоновидные бляхи, украшенные треугольными прорезами, концентрическими линиями или веревочным шнуром (5 экз., табл. 5,6).

Тип 12. Умбоновидные бляхи, украшенные концентрическими выпуклыми кругами и треугольными прорезами, заполненными псевдозернью (2 экз., табл. 5,15).

Тип 13. Умбоновидные бляхи с крупными полугорошинами по краям и веревочным шнуром с конической возвышенностью или „кнопочкой” в центре (4 экз., табл. 5,12). Вариант А. С прорезью в центре и четырьмя радиальными перегородками (1 экз., табл. 5,9).

Нагрудные бляхи типа 1-4 не имеют аналогии в культурах эпохи раннего железа. Зеркала, из которых были изготовлены бляхи типа 5, бытовали в III-I в. до н.э. в Прикубанье,³³ на Северном Кавказе³⁴ - в I в. до н.э. - I в. н.э. Известны они и в Западной Сибири³⁵. В среднем Поволжье зеркало этого типа происходит из Андреевского кургана I-II в. н.э.³⁶ В значительном количестве они представлены в комплексах кара-абызской культуры, где употреблялись в качестве принадлежности пояса³⁷. Встречаются такие бляхи в памятниках конца I тыс. н.э.³⁸ Бляхи типа 6, 7, 9-13 нередки в комплексах центральной Башкирии³⁹ и памятниках городецкой культуры⁴⁰. Кроме нагрудных украшений, они использовались и как украшения головных уборов, пояса, а иногда и обуви.

Отдел Б. Нагрудные застёжки. К ним относятся круглые бляхи-застёжки, сюльгамы и фибулы.

Круглые бляхи с игольчатой застёжкой. По материалу и по оформлению бляхи выделяются следующие типы.

Тип 1. Застёжки, изготовленные из плоских блях из белой „бронзы”, с прорубленными в центре отверстиями (15 экз., табл. 6,12). Вариант А. С радиальными валиками для фиксирования иглы (2 экз., табл. 6,10).

Тип 2. Бронзовые застёжки с концентрическим валиком. Вариант А. С радиальными валиками для фиксирования иглы (20 экз., табл. 6,9,13). Вариант Б. Орнаментированные по кругу веревочным орнаментом (7 экз., табл. 6,9). Вариант В. Украшенные выпуклыми полугорошинами, прорезными кружочками, радиальными пере-

городками и снабженные „пуговками“ для фиксирования иглы, (11 экз., табл. 6,6,7).

Тип 3. Застежка из двух спаянных круглых блях и с овальной дужкой из двух круглых дров, орнаментированных ложным шнуром и выпуклыми полугорошинами. Внутренняя дужка снабжена железной иглой (табл. 6,11).

Застежки типа 1А и 2А по форме и наличию радиальных валиков близки к нагрудным бляхам древней мордвы⁴¹. Застежка типа 3 по всем деталям идентична застежке, опубликованной А. П. Смирновым⁴².

Сюльгамы. В большинстве своем они изготавливались из бронзы, встречаются и железные. По оформлению концов разомкнутых колец выделяются следующие типы.

Тип 1. Со спиральнозавитыми концами (27 экз., табл. 6,12).

Тип 2. Концы кольца заканчиваются шляпками (8 экз., табл. 6,3).

Тип 3. Со свернутыми в трубочку концами (24 экз., табл. 6, 3,4).

Аналогии сюльгамам типа 1 известны в сарматских древностях⁴³. Сюльгамы со свернутыми в трубочку концами известны в памятниках мордвы первых веков нашей эры⁴⁴ и в азелинских комплексах⁴⁵.

Фибулы. По классификации А. К. Амброза относятся к следующим типам.

Тип 1. Раннеримские шарнирные дуговидные фибулы „Авцисса“ (2 экз., табл. 7,1,2). Дата: первая половина I в. н.э.⁴⁶

Тип 2. Пружинные с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника (11 экз., табл. 3–7). Время бытования – II – III вв. н.э.⁴⁷

Тип 3. Пружинная фибула с завитком на конце приемника (1 экз., табл. 7,8). Дата: вторая половина I и часть II в. н.э.⁴⁸

Тип 4. Сильно профилированные фибулы с бусиной на головке и с крючком для тетивы (5 экз., табл. 7,9–12). Время бытования – II – первая половина III в.⁴⁹

Тип 5. Лучковые подвязные фибулы (2 экз., табл. 7,13–14). Дата: I–II вв. н.э.⁵⁰

Отдел В. Подвески. По форме и технике изготовления выделено 10 типов.

Тип 1. Арочные ажурно-прорезные подвески. Вариант А. Горизонтальная пластинка украшена одним-тремя рядами круглых и ромбических прорезей (7 экз., табл. 3,21,22). Вариант Б. Верхняя часть орнаментирована веревочным узором, нижняя – рядом прорезных колец (1 экз., табл. 3,18).

Тип 2. Круглые ажурно-прорезные подвески с петелькой (5 экз., табл. 3,20).

Тип 3. Зооморфные (3 экз., табл. 3,16).

Тип 4. Трапезиевидные рубленые из зеркал (75 экз., табл. 3, 10, 12). Вариант А. Прямоугольные бронзовые с узкой прорезью сверху (3 экз., табл. 3,11).

Тип 5. Сапожковые. Вариант А. Сапожки направлены в противоположные стороны (36 экз., табл. 3,6). Вариант Б. Сапожки направлены в одну сторону (1 экз., табл. 3,5).

Тип 6. Многосапожковые (3 экз., табл. 3,6).

Тип 7. Привески-лунницы (12 экз., табл. 3,7).

Тип 8. Лапчатые (16 экз., табл. 3,17,19,23-25).

Тип 9. Сдвоенные лапчатые (3 экз., табл. 3,16,27).

Тип 10. Петлевидные подвески с напаянными или прорезными кружочками, продольными прорезами и обоймой для крепления (16 экз., табл. 3,13,14).

Пьяноборские арочные подвески, которые являются ранними прототипами прикамских арочных подвесок, в других культурах раннего железного века не встречены. Подвески типа 4 широко представлены в комплексах Шиповского могильника⁵¹. Сапожковые и лапчатые подвески часты в памятниках древней мордвы⁵². Следует отметить, что подвески этого типа употреблялись и как украшения головного убора, накосников и, судя по данным В. Ф. Генинга, в качестве накладок ножен⁵³.

Отдел Г. Пронизи. По форме выделены следующие типы.

Тип 1. Цилиндрические. Вариант А. Цельнолитые (3 экз., табл. 8, 14,17). Вариант Б. Свернутые из тонкой пластинки (40 экз., табл. 8, 7).

Тип 2. Короткоцилиндрические (265 экз., табл. 8,2).

Тип 3. Одинарные полуцилиндрики (15 экз., табл. 8,15).

Тип 4. Пронизи с 2-9 полуцилиндриками (44 экз., табл. 8,16).

Отдел Д. Ажурно-прорезные накладки. По форме и элементам орнамента выделены следующие типы.

Тип 1. Ромбические со спиральной прорезью (20 экз., табл. 9, 1).

Тип 2. Треугольные. Вариант А. С продольными прорезами (3 экз., табл. 9,3). Вариант Б. Со спиральной прорезью, иногда с двумя рядами треугольных прорезей у основания (31 экз., табл. 9,2,4).

Тип 3. Прямоугольные с треугольными прорезами на параллельных сторонах (21 экз., табл. 9,5).

Тип 4. Прямоугольные с треугольными прорезами на параллельных сторонах и спиральными, волнообразными прорезами (25 экз., табл. 9,6,7).

Тип 5. Бипирамидальные со спиральной прорезью (8 экз., табл. 9,8).

Тип 6. Трапециевидные или прямоугольные с треугольными прорезами внизу. Вариант А. Со спиральными или волнообразными прорезами (51 экз., табл. 9,15,22,24-26). Вариант Б. В прямоугольной прорези помещены ромбические щитки со спиральными полосками или только ромбические щитки (4 экз., табл. 9,23,27).

Тип 7. Прямоугольные накладки со спиральными и треугольными прорезами (16 экз., табл. 9,14,30).

Тип 8. Прямоугольные накладки с ромбическими щитками со спиралями (4 экз., табл. 9,19). Вариант А. Спаренные ромбические щитки со спиралями (1 экз., табл. 9,20).

Тип 9. Прямоугольная с четырьмя волнообразными прорезами (1 экз., табл. 9,21).

Тип 10. Арочные со спиральными и волнообразными прорезами (10 экз., табл. 9,17,28,29,31,33). Вариант А. Украшена по краям зернью (1 экз., табл. 9,34). Вариант Б. Орнаментирована рядами треугольных прорезей (1 экз., табл. 9,36).

Тип 11. Прямоугольные с четырьмя треугольными прорезями и украшенные зернью (5 экз., табл. 9,13).

Тип 12. Прямоугольные пластинки со свисающими спиральными и волютообразными украшениями (17 экз., табл. 9,18,37).

Тип 13. Литые ажурные нарукавные накладки (2 экз., табл. 9, 35).

Тип 14. Штампованные из золота и низкопробного серебра накладки (21 экз., табл. 9,10,12).

Ажурно-прорезные накладки вне территории пьяноборской культуры встречаются крайне редко. Единичные их находки известны в комплексах кара-абызской⁵⁴ и азелинской культур. Техника зерни на некоторых накладках не характерна для пьяноборских украшений, она, видимо, была заимствована прикамским населением у южных кочевников, где известна уже в прохоровское время⁵⁵. Ажурно-прорезные накладки, кроме нагрудников, использовались в качестве украшений головного убора и одежды.

Группа IV. Украшения и принадлежности пояса. К ним относятся эполетообразные застёжки, пряжки, накладки, бляшки и подвески.

Отдел А. Эполетообразные застёжки. За основу типологии эполетообразных застёжек М. Г. Худяковым и А. П. Смирновым взята схема их развития от простого к сложному: от одножгутовых к многожгутовым с овальной задней бляхой⁵⁶. Эта схема была подвергнута критике В. Ф. Генингом, и из неё по технике изготовления им были выделены в отдельную группу застёжки азелинского типа⁵⁷. Однако, на наш взгляд, предложенная им классификация пьяноборских застёжек в целом подтверждает правильность схемы типологического развития М. Г. Худякова и А. П. Смирнова. Исходя из этого, нами типы выделены по форме задней бляхи и количества жгутов, а также по материалу изготовления.

Тип 1. С одним жгутом и пластинкой арочной формы (6 экз., табл. 10,1).

Тип 2. С двумя жгутами и пятиугольной пластинкой (1 экз., табл. 10,3).

Тип 3. С одним жгутом, с одним жгутом и двумя соединительными тягами и круглой задней бляхой (14 экз., табл. 10,4,5).

Тип 4. С одним жгутом, с одним жгутом и двумя соединительными тягами и умбоновидной бляхой (19 экз., табл. 10,6,7,9).

Тип 5. С двумя жгутами и умбоновидной бляхой (1 экз., табл. 10, 13). Вариант А. С круглой бляшкой, орнаментированной шнуром (1 экз., табл. 10,2).

Тип 6. С тремя жгутами (13 экз., табл. 10,8).

Тип 7. С четырьмя-пятью жгутами (9 экз., табл. 10,15).

Тип 8. С шестью и более жгутами и ложными шнурами на передней пластинке (13 экз., табл. 10,11-12).

Тип 9. Застёжки с овальной задней бляхой (4 экз., табл. 10,14).

Тип 10. Застёжки с одним жгутом и умбоновидной бляхой, отлитые из белой „бронзы“ (5 экз., табл. 10,10).

Эполетообразные застёжки являются одним их характерных предметов пьяноборской культуры. Генинг В. Ф. приводит лишь несколько пунктов их местонахождений вне ее территории⁵⁸. К это-

му следует добавить находки двух застежек в комплексах карабызской культуры⁵⁹, где они использовались в качестве колчаных крючков и двух, происходящих из клада у д. Тиханкина близ р. Суры в Чувашии⁶⁰.

Отдел Б. Бронзовые пряжки. Типы выделены по форме застежек и способу крепления ремня к пряжке, варианты по отдельным отличительным деталям.

Тип 1. Восьмеркообразные (7 экз., табл. 11,1). Вариант А. С тремя шпеньками на кольцах (1 экз., табл. 11,2).

Тип 2. Простые кольцевые круглые в сечении с крючком и одной-тремя шпеньками на кольце (44 экз., табл. 11,3). Вариант А. Сегментовидные в сечении с насечками по кольцу (21 экз., табл. 11,4). Вариант Б. Сегментовидные в сечении с насечками по кольцу и с петелькой для ремня (4 экз., табл. 11,5). Вариант В. Круглые в сечении и с петлей для ремня (7 экз., табл. 11,6). Вариант Г. Сегментовидные в сечении с петелькой для ремня и щитком (1 экз., табл. 11,7). Вариант Д. Кольцевые с зооморфными изображениями (4 экз., табл. 11,8-10).

Тип 3. Кольцевые рамчатые (32 экз., табл. 11,12-17). Вариант А. Кольцевые рамчатые с петлей для ремня (13 экз., табл. 11,18). Вариант Б. С зооморфным изображением (1 экз., табл. 11,19).

Тип 4. Кольцевые рамчатые с круглой бляшкой в центре (23 экз., табл. 10,20-22).

Тип 5. Кольцевые рамчатые с „костыльком” на обороте и прямым железным стержнем вместо неподвижного крючка (2 экз., табл. 10,23).

Тип 6. Кольцевые с обоймой для ремня, усложненные волютообразными завитками, мелкими прорезными колечками внутри ободка или без них (12 экз., табл. 10,24-26). Вариант А. С петелькой для ремня на обороте (4 экз., табл. 10,27).

Тип 7. Круглые цельнолитые с выпуклым ободком и прорезями для ремня, иногда с петелькой на обороте или на ободке (34 экз., табл. 11,28-29). Вариант А. С полушарными выпуклинами на ободке (4 экз., табл. 11,30).

Тип 8. Небольшие застежки в виде умбоновидной бляшки с припаянной дужкой с крючком (51 экз., табл. 11,31-32). Вариант А. С простой бляшкой (10 экз., табл. 11,33).

Тип 9. Аналогичные пряжки крупных размеров с отверстиями в центре или многолепестковой розеткой, иногда неподвижный крючок помещен на самой бляхе (5 экз., табл. 11,34).

Тип 10. Простые овальные пряжки, круглые или сегментовидные в сечении, с насечками по ободку или без них (11 экз., табл. 11,35-36).

Тип 11. Аналогичные пряжки с прогибом в центре (3 экз., табл. 11,37). Вариант А. С ложновитым ободком (1 экз., табл. 11,38).

Тип 12. Овально-рамчатые (7 экз., табл. 11,39).

Тип 13. Прямоугольно-овально-рамчатые (11 экз., табл. 11,40).

Тип 14. Прямоугольно-овальные цельнолитые пластинчатые застежки с выпуклым ободком и петлей для ремня на обороте (17 экз., табл. 11,41). Вариант А. С зооморфными изображениями (2 экз., табл. 11,42).

Тип 15. Крупные прямоугольные пластинчатые застёжки с петельками на обороте (2 экз., табл. 11,43). Вариант А. С псевдозернью на пластинке — 2 экз.

Тип 16. Крупные более 10 см длиной пластинчатые пряжки прямоугольной или овальной формы (5 экз., табл. 11,44,46).

Тип 17. Крупные прямоугольные или овальные пряжки с большим количеством перегородок (9 экз., табл. 11,45).

Тип 18. Кольцевые пряжки с прямым язычком и чуть опущенным хоботком и насечками по ободку (15 экз., табл. 12,1). Вариант А. Изготовлена из кольцевой рамчатой пряжки типа 3, язычок железный (1 экз., табл. 12,2).

Тип 19. Круглые пряжки с коротким бронзовым или железным язычком (16 экз., табл. 12,3). Вариант А. Кольцо сегментовидное в сечении (3 экз., табл. 12,4).

Тип 20. С трапециевидным подвижным щитком (2 экз., табл. 12,5).

Тип 21. Концы проволочного кольца соединены заклепками, хоботок длинного язычка чуть опущен (13 экз., табл. 12,6). Вариант А. С прямоугольным подвижным щитком (1 экз., табл. 12,7).

Тип 22. Овально-прямоугольная (1 экз., табл. 12,8).

Тип 23. Фигурная пряжка (1 экз., табл. 12,9).

Пряжки типа 1 и 15 находят аналогии в южных памятниках, где бытовали в III—II вв. до н.э.⁶¹ Овальные пряжки с прогибом в центре известны в комплексах сарматской и кара-абызской культур⁶². Вариант А этого же типа пряжек близок к азелинским железным застёжкам⁶³. Основную массу кольцевых пряжек (тип 2) в сарматских комплексах М. Г. Мошкова датирует II—I вв. до н.э.⁶⁴ Остальные типы пряжек с неподвижным крючком являются прикамскими и встречаются в комплексах кара-абызской культуры. Пряжки типа 18—21 известны в памятниках I—III вв. н.э. и II—IV вв. н.э.⁶⁵ Широко они представлены в комплексах бахмутинской и азелинской культур⁶⁶. Следует отметить, что не все пряжки использовались в качестве поясных застёжек. Так, в большинстве случаев пряжки типа 6—8 в погребениях найдены у костей стоп и, видимо, являются обувными застёжками.

Отдел В. Железные пряжки

Тип 1. Кольцевые с неподвижным крючком (3 экз., табл. 12,10).

Тип 2. Овальные с неподвижным крючком (1 экз., табл. 12,11).

Тип 3. Овальные с прогибом в центре и с неподвижным крючком (2 экз., табл. 12,12).

Тип 4. Кольцевая рамчатая (1 экз., табл. 12,13).

Тип 5. Кольцевые с подвижным язычком (280 экз., табл. 12,14).

Тип 6. Кольцевые с прямоугольным или трапециевидным подвижным щитком (5 экз., табл. 12,18).

Тип 7. Кольцевые с иволистным подвижным язычком (7 экз., табл. 12,17).

Тип 8. Кольцевые с прямоугольной площадкой на подвижном язычке (2 экз., табл. 12,20).

Тип 9. Овальные пряжки с подвижным язычком (9 экз., табл. 12,15). Вариант А. Овальные с прогибом в центре (2 экз., табл. 12,16).

Тип 10. Прямоугольные пряжки с подвижным язычком (5 экз., табл. 12,8).

Тип 11. Фигурные пряжки с подвижным язычком (2 экз., табл. 12, 19).

Пряжки типа 1,2 находят аналогии в сарматских памятниках III-I вв. до н.э.⁶⁷ Железные пряжки с подвижным язычком широко были распространены в сарматском мире на рубеже и в первые века нашей эры⁶⁸.

Отдел Г. Костяные застёжки. Являются подражением бронзовым пряжкам с неподвижным крючком.

Тип 1. Круглые (2 экз., табл. 12, 21, 23).

Тип 2. Прямоугольные (14 экз., табл. 12, 22, 24, 25).

Отдел Д. Поясные крючки. По форме и материалу изготовления делятся на ряд типов.

Тип 1. Изготовлены из железной прямоугольной в сечении пластинки, один конец которой снабжен петлей для ремня, а другой — небольшим крючком (табл. 8, 27).

Тип 2. Круглая пластинка со штырьком и крючком (табл. 8, 28).

Тип 3. Костяной крючок (1 экз., табл. 8, 29).

Отдел Е. Ременные накладки. По форме выделены следующие типы

Тип 1. Прямоугольные с двумя рядами треугольных выемок и петельками на обороте (548 экз., табл. 8, 19, 21). Вариант А. С двумя рядами прямоугольных выемок — 15 экз. Вариант Б. С двумя рядами полосок — 1 экз.

Тип 2. Конькообразные накладки (20 экз., табл. 8, 18).

Тип 3. Ромбические накладки с петельками на обороте (96 экз., табл. 8, 5). Вариант А. С двумя прорезными кольцами на концах (34 экз., табл. 8, 23). Вариант Б. С круглыми полушариями на концах (6 экз., табл. 8, 24).

Тип 4. Круглые выпуклые бляшки диаметром до 2 см с перекладиной или петелькой на обороте (951 экз., табл. 8, 4). Вариант А. Круглые бляшки диаметром 2,5–4 см с одной-двумя петельками на обороте (121 экз., табл. 8, 26). Вариант Б. С веревочным орнаментом по краю бляшки (13 экз., табл. 8, 32).

Тип 5. Сдвоенные бляшки с ушком на обороте (101 экз., табл. 8, 6).

Тип 6. Накладки, соединенные из трех-четырех одинарных бляшек (95 экз., табл. 8, 30). Вариант А. Соединенные в два ряда (8 экз., табл. 8, 31).

Тип 7. Ажурно-прорезные накладки с петельками на обороте (3 экз., табл. 8, 22).

Тип 8. Крупные широкие обоймы с прорезью на обороте (8 экз., табл. 8, 9).

Тип 9. Узкие обоймочки (333 экз., табл. 8, 2). Вариант А. Спаренные обоймочки (5 экз., табл. 8, 3).

Тип 10. Обоймы из тонких бронзовых пластин (11 экз., табл. 8, 10).

Тип 11. Крестообразные накладки (2 экз., табл. 8, 8).

Накладки типа 1 известны в сарматских древностях IV–III вв. до н.э.,⁶⁹ встречаются они и в комплексах первых веков нашей эры Западной Сибири⁷⁰. Конькообразные накладки широко представлены в могильниках центральной Башкирии⁷¹. Ромбические накладки нередки в бахмутинских памятниках, однако вместе с петельками они

снабжены штырьками⁷². Накладки типов 4–6 аналогичны поясным украшениям Шиповского грунтового могильника I–III вв. н.э.⁷³ Следует отметить, что в ряде погребений ромбические накладки использовались в составе ожерелий; бляшки, накладки и обоймочки применялись и как украшения головных уборов, одежды и обуви.

Отдел Ж. Поясные привески. К ним относятся колокольчатые подвески и зеркала-привески.

Тип 1. Конусообразные колокольчатые подвески (5 экз., табл. 8, 20, 34).

Тип 2. Сферические колокольчатые подвески (4 экз., табл. 8, 11).

Тип 3. Рожкообразные колокольчатые подвески (1 экз., табл. 8, 12).

Тип 4. Зеркала-подвески (2 экз., табл. 8, 33).

Неорнаментированные зеркала-привески с небольшой конической возвышенностью широко были распространены в сарматском мире в I–II вв. н.э.⁷⁴

Группа V. Наручные украшения. К ним относятся браслеты и перстни.

Отдел А. Железные браслеты. По форме выделены следующие типы.

Тип 1. Одновитковые пластинчатые или круглые в сечении (24 экз., табл. 13, 22). Вариант А. С раскованными концами (2 экз., табл. 13, 23).

Тип 2. Многовитковые (9 экз., табл. 19, 29).

Отдел Б. Бронзовые браслеты

Тип 1. Одновитковые пластинчатые и круглые в сечении с обрубленными или заостренными концами (52 экз., табл. 13, 30).

Тип 2. Многовитковые (17 экз., табл. 13, 26, 27).

Тип 3. Одновитковые с зооморфными изображениями на концах (2 экз., табл. 13, 25).

Тип 4. Изготовленные из широкой пластинки и дополненные кожаными полосками с нанизанными пронизками (2 экз., табл. 13, 28).

Тип 5. Спиральнолитые из тонких проволок (1 экз., табл. 13, 24).

Наряду с выделенными типами у пьяноборского населения бытовали и кожаные браслеты с нанизанными пронизками и мелкими обоймочками, о чем свидетельствуют их находки на запястьях рук в женских погребениях.

Одновитковые бронзовые и железные браслеты известны в ананьинских и прохоровских памятниках⁷⁵. Браслеты одновитковые с заостренными заходящими концами и многовитковые встречаются в комплексах II в. до н.э. – II в. н.э. в Северном Причерноморье⁷⁶. Аналогичные типу 4, только без кожаных полосок, браслеты есть в Зуевском и Морквашинском могильниках⁷⁷.

Отдел В. Перстни. По форме щитков выделены следующие типы.

Тип 1. Пластинчатые с заходящими концами (5 экз., табл. 13, 1).

Тип 2. Проволочные с заходящими концами (13 экз., табл. 13, 2).

Тип 3. Проволочные многовитковые (2 экз., табл. 13, 3).

Тип 4. Пластинчатые цельнолитые (5 экз., табл. 13, 1).

Тип 5. С круглыми плоскими щитками (20 экз., табл. 13, 5). Вариант А. С насечками по краю щитка и четырьмя треугольными вдавлениями в центре (1 экз., табл. 13, 6).

Тип 6. С круглыми выпуклыми щитками, обрамленными веревочным орнаментом (6 экз., табл. 13,7). Вариант А. С щитком из сдвоенных бляшек (6 экз., табл. 13,8,9).

Тип 7. С круглым щитком и вставкой из стеклянной пасты (1 экз., табл. 13,10).

Тип 8. С щитком из четырех бляшек (2 экз., табл. 13,11). Вариант А. С волнитообразным орнаментом (1 экз., табл. 13,12).

Тип 9. С прямоугольным щитком с выпуклыми полугорошинами (3 экз., табл. 13,13).

Тип 10. С прямоугольным щитком с двумя перехватами и вертикальным веревочным орнаментом (1 экз., табл. 13,14).

Тип 11. С пластинчатым прямоугольным щитком и желобками и веревочным орнаментом по краям (3 экз., табл. 13,15).

Тип 12. С прямоугольным ажурным щитком (1 экз., табл. 13, 16). Вариант А. С зооморфными изображениями (1 экз., табл. 13,17).

Тип 13. С прямоугольным щитком из тонких полосок и прорезных колец (2 экз., табл. 13,18,20).

Тип 14. С прямоугольным щитком с волнитообразным и веревочным орнаментом (1 экз., табл. 13,19).

Тип 15. С прямоугольным щитком, украшенным псевдозернью (1 экз., табл. 13,21).

II. Вооружение и конское снаряжение

Группа I. Наконечники стрел. По материалу делятся на отделы, по форме головок и втулок — на типы.

Отдел А. Бронзовые наконечники стрел

Тип 1. Трехлопастные с вытянутой треугольной головкой и с внутренней втулкой (118 экз., табл. 14,1).

Тип 2. Аналогичные с выступающей втулкой (31 экз., табл. 14,2).

По классификации М. Г. Мошковой, бронзовые наконечники стрел относятся к типам IXa, XI, XIII и датируются III—II вв. до н.э.⁷⁸

Отдел Б. Костяные наконечники стрел

Тип 1. Пирамидальные трехгранные с внутренней втулкой (878 экз., табл. 14,3). Вариант А. Бипирамидальные (21 экз., табл. 14,4).

Тип 2. Пирамидальные четырехгранные с внутренней втулкой (87 экз., табл. 14,5,6).

Тип 3. Конусообразные с внутренней втулкой (7 экз., табл. 14,7).

Тип 4. Пирамидальные трехгранные с выступающей втулкой (13 экз., табл. 14,8).

Тип 5. Черешковые с листовидным трех-четырёхгранным или овальным в сечении пером (63 экз., табл. 14,9—12).

Втульчатые наконечники стрел (типы 1,2) известны в комплексах I в. до н.э. — III вв. н.э. Таркинского, Карабудахкентских I и II⁷⁹ и Ленинкентского⁸⁰ могильников Северного Кавказа. В Поволжье они происходят из Калиновских курганов, где датируются IV—II вв. до н.э.⁸¹ Встречаются они и в погребениях кара-абызской культуры⁸². Аналогичные наконечники в Сибири есть в гуннских древностях⁸³.

Отдел В. Железные наконечники стрел

Тип 1. Трехлопастные с небольшим пером и длинной выступающей втулкой (1 экз., табл. 14,13).

Тип 2. Трехлопастные черешковые с ровной базой и длиной головки 1,5–2,5 см (753 экз., табл. 14,14). Вариант А. С узкой вытянутой головкой длиной до 4 см (11 экз., табл. 14,15,16). Вариант Б. С широкими с чуть опущенными лопастями и длиной головки до 4 см (1 экз., табл. 14,18).

Наконечники типа 1 в комплексах Нижнего Поволжья датируются III–II вв. до н.э.⁸⁴, Северного Кавказа – I в. до н.э. – I в. н.э.⁸⁵ Трехлопастные черешковые наконечники стрел бытовали во II в. до н.э. – II в. н.э. на широкой территории⁸⁶.

Группа II. Рубящее и колющее оружие

Отдел А. Мечи. По оформлению навершия и перекрестия выделены следующие типы.

Тип 1. Без навершия и перекрестия с брусковидным черенком и длинным ромбическим или линзовидным в сечении клинком (11 экз., табл. 15,1).

Тип 2. С кольцевым навершием и витым круглым в сечении черенком, перекрестие брусковидное прямое – 1 экз. Вариант А. С брусковидным черенком, навершие не сохранилось (1 экз., табл. 15,2).

Тип 3. С антенным навершием из двух противостоящих друг другу змеек, перекрестие брусковидное прямое – 1 экз.

Тип 4. С бронзовым ромбическим перекрестием и брусковидным черенком (3 экз., табл. 15,3). Вариант А. С насадным навершием в виде цилиндра с закрытым раструбом (1 экз., табл. 15,5).

Тип 5. С бронзовым секирообразным перекрестием, украшенным вставками из стеклянной пасты, и брусковидным черенком (1 экз., табл. 15,5).

Мечи типа 1 были распространены в южных районах во II–IV вв. н.э., встречаются они и в комплексах рубежа нашей эры⁸⁷. Мечи с бронзовыми ромбическими перекрестиями происходят из кург. 51 Сусловского, кург. 2 Курпе-Байского могильников⁸⁸ и датируются I в. до н.э. – I в. н.э. К этому же времени относятся мечи с кольцевыми навершиями⁸⁹. Клинки с антенным навершием исследователями относятся к V–III вв. до н.э.⁹⁰ Однако мечи этого типа, так же как и мечи с насадным навершием в виде цилиндра с закрытым раструбом, является местными прикамскими и встречены в комплексах не ранее II в. н.э.

Отдел Б. Палаши. Клинки у всех треугольные в сечении длиной до 85 см. По наличию перекрестия и оформлению наверший выделено несколько типов.

Тип 1. Без перекрестия и навершия, лезвие плавно переходит в черенок (12 экз., табл. 15,6).

Тип 2. С бронзовым перекрестием, прямым брусковидным черенком и антенным навершием, оформленным в виде двух спиралей – 1 экз. Вариант А. Конец клинка слегка изогнут, антенное навершие оформлено в виде противостоящих друг другу головок змеек – 2 экз. Вариант Б. Антенное навершие в виде двух змеек, один конец бронзового перекрестия спирально завит – 2 экз.

Тип 3. С бронзовым перекрестием и бронзовым насадным навершием, оформленным в виде двух противостоящих друг другу змеек (2 экз., табл. 15,7).

Палаши типа 1 известны в памятниках кулайской культуры Среднего Приобья⁹¹ и хуннских древностях⁹². Близки к прикамским и клинки с уступчиком при переходе к рукояти верхнеобских племен, которые Ю. С. Худяков со ссылкой на М. П. Грязнова относит к IV в. н.э. I–IV вв. он датирует палаши с прямой ручкой и кольчатым навершием⁹³. Аналогичные клинки только с прямым перекрестием Л. А. Чиндина относит к III–IV вв.⁹⁴ Однолезвийный меч найден в позднесарматском комплексе Южного Урала (Альмухаметово, курган 9, погр. 1)⁹⁵. В. А. Иванов отнес данный тип оружия к боевым ножам, считая, что их основное назначение – наносить не рубящие, а колюще-режущие удары⁹⁶. Видимо, это предположение нуждается в уточнении. Во-первых, длина и форма клинков свидетельствуют, что это оружие рубяще-колющее. Во-вторых, оно было распространено на обширной территории и в определенный хронологический период, а именно, в первые века нашей эры. В-третьих, к колюще-режущему оружию могут быть отнесены лишь небольшие клинки, которым функционально соответствует особый тип вооружения – кинжалы. Палаши с бронзовыми перекрестиями и антенными навершиями или с насадными навершиями являются прикамским типом оружия и не находят аналогий в комплексах других культур.

Отдел В. Кинжалы. По форме навершия, перекрестия и клинка выделено четыре типа.

Тип 1. Однолезвийные кинжалы без навершия и перекрестия, клинки которых плавно переходят в ручку (76 экз., табл. 16,7).

Тип 2. Обоюдоострые без навершия и перекрестия, брусковидный черенок плавно переходит в клинок (2 экз., табл. 16,8).

Тип 3. Обоюдоострые с кольчатым навершием и прямым перекрестием (5 экз., табл. 16,6).

Тип 4. Обоюдоострые с кольчатым навершием и без перекрестия (1 экз., табл. 16,11).

Кинжалы типа 3 были широко распространены у южных кочевников и датируются среднесарматским временем⁹⁷. Аналогичные типу 4 кинжалы и мечи встречаются в комплексах рубежа н.э. на Северном Кавказе⁹⁸. Мечи и кинжалы без навершия и перекрестия характерны для позднесарматских памятников⁹⁹. Очевидно, этим временем датируются кинжалы типа 1.

Отдел Г. Накладки ножен. По расположению их на ножнах делятся на верхние, срединные и концевые.

Верхние накладки представлены двумя типами.

Тип 1. Прямоугольные бронзовые обоймы, с прорезью на обороте, орнаментированные с лицевой стороны треугольными прорезями – 2 экз. Вариант А. С петельками на боковых сторонах (1 экз., табл. 17,7).

Тип 2. В виде широкой обоймы из железной пластинки – 1 экз.

Срединные накладки. Изготовлены в виде широкой конической обоймы с прорезью на обороте.

Тип 1. Бронзовые накладки без петель. Вариант А. Орнаментированные мелкими продольными выпуклинами – 2 экз. Вариант Б. С горизонтальным желобчатым орнаментом (7 экз., табл. 17,5). Вариант В. С валиком внизу (4 экз., табл. 17,6).

Тип 2. Бронзовые накладки с петельками на обратной или боковых сторонах (3 экз., табл. 17,9,11).

Тип 3. Бронзовая накладка с крупными выпуклыми полугорошинами (5 экз., табл. 17,4). Вариант А. С двумя параллельными пластинками на обратной стороне (1 экз., табл. 17,12).

Тип 4. Железные накладки, изготовленные из пластин и скрепленные в нижней части кольцом-валиком — 8 экз.

Концевые накладки. Изготавливались из бронзы и железа. По форме и материалу выделено несколько типов.

Тип 1. Бронзовые накладки. Вариант А. Короткие полуовальные (3 экз., табл. 17,2). Вариант Б. Удлиненные полуовальные (9 экз., табл. 17,10). Вариант В. Удлиненные с листовидным концом, орнаментированные треугольными выемками (1 экз., табл. 17,8).

Тип 2. Бронзовые полуовальные спаренные (4 экз., табл. 17,3).

Тип 3. Железные конусообразные накладки с валиком внизу — 4 экз.

Тип 4. Железные рожкообразные накладки из пластин — 5 экз.

Срединные накладки ножен пьяноборских комплексов идентичны кара-абызским, бытовавшим во II в. до н.э. — II в. н.э.¹⁰⁰ Верхние и концевые накладки аналогий не находят.

Отдел Д. Колчанные принадлежности. К ним относятся колчаные крючки и различные костяные предметы, которые в погребениях встречают у бедренных или голенных костей.

Колчаные крючки. Изготавливались преимущественно из железной пластины или круглого дрота. По форме выделено несколько типов.

Тип 1. Крючки из круглого дрота. Вариант А. Верхняя петля расположена под углом к крючку (5 экз., табл. 18,2). Вариант Б. В виде овала, в заушенной части помещен крючок (9 экз., табл. 18,3).

Тип 2. Крючки из пластинок. Верхняя петля направлена в сторону крючка (3 экз., табл. 18,1). Вариант Б. Верхняя петля направлена в противоположную от крючка сторону (1 экз., табл. 18,6).

Тип 3. С трапецевидным или треугольным корпусом. Вариант А. Без петли (1 экз., табл. 18,4). Вариант Б. Петля находится в одной плоскости с крючком. Вариант В. Бронзовый крючок с выемками на корпусе и петлей на обороте (1 экз., табл. 18,5).

Костяные предметы. По форме выделены следующие типы.

Тип 1. Длинные пластинки сегментовидные в сечении с отверстиями на концах. Вариант А. С зооморфными изображениями (3 экз., табл. 18,9,14). Вариант Б. С уступчиками на концах (6 экз., табл. 18,10). Вариант В. Сегментовидные (9 экз., табл. 18,11,12).

Тип 2. Прямоугольная пластинка с отверстием и орнаментом в виде насечек (1 экз., табл. 18,8).

Тип 3. Длинный круглый в сечении предмет с шишечками на концах (1 экз., табл. 18,13).

Отдел Е. Наконечники копий. По форме пера и втулки выделены следующие типы.

Тип 1. С листовидным ромбическим в сечении пером и разъемной втулкой (30 экз., табл. 16,9).

Тип 2. С листовидным ромбическим в сечении пером и цельной втулкой (4 экз., табл. 12,12).

Тип 3. С листовидным ромбическим в сечении пером и разъемной втулкой с валиком (20 экз., табл. 12,10).

Тип 4. С треугольным овальным в сечении пером с жальцами и разъемной втулкой с отверстиями для крепления к древку (1 экз., табл. 12,3).

Тип 5. Массивный наконечник длиной до 60 см. С бипирамидальным пером и со ступенчатой цельной втулкой — 1 экз.

Наконечники типов 1, 3 встречаются в комплексах центральной Башкирии¹⁰¹. Наконечники типа 4 известны в материалах городищ-ской культуры¹⁰².

Группа III. Удила. У прикамского населения были распространены жесткие и мягкие удила.

Жесткие удила. Железные, двухсоставные. По форме и материалу псалий выделены следующие типы.

Тип 1. Простые двухсоставные без псалий (23 экз., табл. 14,19).

Тип 2. Двухсоставные с роговыми псалиями (8 экз., табл. 14,20).

Тип 3. С железными кольчатыми псалиями (12 экз., табл. 14,21).

Тип 4. С прямыми двухпетельными четырехгранными псалиями. Вариант А. Концы псалий ровно обрублены (14 экз., табл. 14,23). Вариант Б. Аналогичные, но дополненные восьмеркообразными трензельными кольцами (4 экз., табл. 14,22). Вариант В. Концы псалий раскованы и им придана ромбическая или овальная форма (6 экз., табл. 14,24,27).

Тип 5. С С-видными псалиями и трензельными кольцами (2 экз., табл. 14,25).

Мягкие удила. Были кожаными. От них в погребениях сохранились роговые псалии и блоки, представляющие собой костяной предмет с отверстиями для псалия и ремня, который при помощи заклепок или полоски кожи крепился к блоку (4 экз., табл. 10,26). Аналогичные узелочные блоки с роговыми псалиями в Сибири происходят из могильника Ильмовой пади, датируемого I в. до н.э. — I в. н.э.¹⁰³ Жесткие удила 1–3 типов известны в комплексах грунтового Шиповского могильника, относящегося к I–III в. н.э.¹⁰⁴ Удила с кольчатыми псалиями были распространены в первые века нашей эры в степях Поволжья и Прикубанья¹⁰⁵. По находке фибулы удила со стержневыми псалиями из сарматского погребения Подонья твердо датируются второй половиной I — началом II в. н.э.¹⁰⁶

III. Орудия труда

Ножи. Широко представлены в материалах могильников. Все они имеют небольшой уступчик при переходе лезвия в прямой черенок.

Тип 1. С выгнутой спинкой (13 экз., табл. 16,2).

Тип 2. С прямой спинкой (302 экз., табл. 16,1). Вариант А. С костяной ручкой (3 экз., табл. 16,5).

Точильные камни. Изготовлены из сланца и имеют овальную или прямоугольную форму, в верхней части у всех есть отверстия для подвешивания (22 экз., табл. 19,4).

Пряслица. Все глиняные, по форме выделено два типа.

Тип 1. Цилиндрические (1 экз., табл. 19,2).

Тип 2. Полуовальные (3 экз., табл. 19,3)

Костяные проколки. Подразделяются на два типа.

Тип 1. С ручкой (4 экз., табл. 19,6).

Тип 2. Без ручки (23 экз., табл. 19,9).

Проколки типа 2 имеют довольно широкий ареал распространения: они встречаются в памятниках центральной Башкирии¹⁰⁷ и Поволжья¹⁰⁸.

Костяные лопаточки (3 экз., табл. 19,8). Назначение этих предметов неясно. Возможно, что они применялись для снятия мездры с кожи. Известны они в памятниках эпохи бронзы¹⁰⁹. В раннем железном веке лопаточки были распространены на широкой территории¹¹⁰.

Шилья. Изготовлены из прямоугольного в сечении железного прута (22 экз., табл. 19,5). На ряде из них сохранились остатки деревянных ручек.

Бронзовые рыболовные крючки. Относятся к числу редких находок. Бронзовый крючок в виде блесны происходит из Котловского могильника ананьинской культуры¹¹¹. Пьяноборские рыболовные крючки изготовлены из круглой в сечении проволоки (3 экз., табл. 15,1).

Железное мотыгообразное орудие. (1 экз., табл. 19,7). Аналогичные предметы встречаются в памятниках азелинской культуры¹¹².

Каменная зернотерка представлена одним обломком.

IV. Посуда

Представлена глиняными и бронзовыми сосудами.

Керамика. Глиняное тесто сосудов содержит растительную примесь, песок или толченую раковину. По форме сосуды делятся на следующие типы:

Тип 1. Чаши с плоским или уплощенным, реже округлым дном, иногда со слабо выраженной шейкой. (21 экз., табл. 20,1-8).

Тип 2. Плоскодонные горшки (10 экз., табл. 20,9,12,13).

Тип 3. Кувшины с раздутым туловом, отогнутым наружу венчиком и с двумя ручками (10 экз., табл. 20,14,15,18,19).

Тип 4. Круглодонные горшки (3 экз., табл. 20,10,11).

Форма сосудов типов 1,4 является местной, прикамской. В различных процентных соотношениях аналогичные сосуды имеются в памятниках гляденовской¹¹³ и кара-абызской культур¹¹⁴. Все сосуды 2 и 3 типов происходят из комплексов Ново-Сасыкульского могильника, самого южного памятника пьяноборской культуры. Появление их свидетельствует о внедрении в прикамскую среду инородного населения, связанного, возможно, с южными районами.

Металлическая посуда представлена одной бронзовой чашей (табл. 20,17).

¹Худяков М. Г. Эполетообразные застёжки Прикамья//Сборник аспирантов/ГАИМК. Л., 1929. Вып. 1. С. 45-50; Смирнов А. П. Могильники пьяноборской культуры (к вопросу о дате)//КСИМК. 1949. Вып. 25. С. 24.

²Генинг В. Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры//ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 4. С. 13-25; Он же. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху//ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 30-88.

- ³Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья//ВАУ. Вып. 10. С. 53.
- ⁴Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху//МИА. 1952. № 30. С. 79.
- ⁵Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры//САИ. М., 1963. Вып. XI-10. Табл. 29, 21-22.
- ⁶Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. — III в. н.э.)//Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 42.
- ⁷Замятин С. Н. Частые курганы//СА. 1946. № 8. С. 37.
- ⁸Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник//АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 66, рис. 6,3.
- ⁹Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.) М., 1977. С. 35, рис. 12,2.
- ¹⁰Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс... С. 42.
- ¹¹Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья//МИА. 1952. № 28. С. 75.
- ¹²Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби//МИА. 1956. № 48. С. 30, рис. 7,8,9; табл. XV, 25-27.
- ¹³Абетеков А. К. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу//КСИА. 1966. Вып. 107. С. 124-125, рис. 50.
- ¹⁴Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс... С. 68.
- ¹⁵Буров Г. М. Древний Синдор. М., 1967. С. 137, табл. 1, 17-19.
- ¹⁶Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. С. 23.
- ¹⁷Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. М., 1975. Вып. XI-12; Она же. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. М., 1978. Вып. XI-12.
- ¹⁸Алексеева Е. М. Античные бусы... 1978. С. 72.
- ¹⁹Там же. С. 63-65, 67, 69, 71-73.
- ²⁰Там же. С. 29-31.
- ²¹Там же. С. 31-32.
- ²²Алексеева Е. М. Античные бусы... 1975. С. 62-65.
- ²³Там же. С. 40, 43, 50, 66.
- ²⁴Там же. С. 47, 54, 60, 69.
- ²⁵Там же. С. 32-33.
- ²⁶Алексеева Е. М. Античные бусы... 1978. С. 446.
- ²⁷Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа... С. 42.
- ²⁸Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. Табл. 24,4,5.
- ²⁹Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник. С. 66, рис. 6,1.
- ³⁰Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977. С. 7, рис. 4,2.
- ³¹Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 133.
- ³²Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. Табл. VIII, 2.
- ³³Анфимов Н. В. Меот-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской//МИА. М., 1951. № 23. С. 185.
- ³⁴Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н.э. — I в. н.э.//СА. 1959. № 1. Рис. 5,56,6,64.
- ³⁵Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени//МИА. М., 1955. № 35. Табл. IV, 3.
- ³⁶Степанов П. Д. Андреевский курган (предварительное сообщение)//Тр. Мордовского НИИ. Саранск, 1969. Вып. 27. С. 223. Рис. 1,24.
- ³⁷Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс... С. 67. Рис. 24.
- ³⁸Ахмеров Р. Б. Могильник близ гор. Стерлитамака//СА. 1955. XXII. Табл. II, 3.
- ³⁹Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник. С. 74; Он же. Шиповский комплекс... С. 56,69,91.
- ⁴⁰Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура//САИ. М., 1965. Вып. XI-14. Табл. 21.
- ⁴¹Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. С. 11. Рис. 6, 7.
- ⁴²Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья//МИА. 1961. № 95. Рис. 27,10.

- ⁴³Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции//КСИИМК. 1954. Вып. 15. Рис. 36, 2.
- ⁴⁴Вихляев В. И. Указ. раб. Рис. 9, 1—8.
- ⁴⁵Генинг В. Ф. Азелинская культура//ВАУ. Свердловск, 1963. Вып. 4. Табл. VIII, 2, 3.
- ⁴⁶Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР//САИ. М., 1966. Вып. Д1—30. С. 26. Табл. 4, 10, 12, 13, 14, 15.
- ⁴⁷Там же. С. 43. Табл. 5, 9, 17, 18.
- ⁴⁸Там же. С. 45. Табл. 5, 14.
- ⁴⁹Там же. С. 40—41. Табл. 8, 7—9.
- ⁵⁰Там же. С. 49. Табл. 9, 7—8.
- ⁵¹Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс... С. 68.
- ⁵²Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. Табл. 19.
- ⁵³Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11. С. 14, 16, 29.
- ⁵⁴Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник. С. 74, рис. 11, 8—9.
- ⁵⁵Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. Табл. 20, 21; 25, 20.
- ⁵⁶Худяков М. Г. Эполетообразные застёжки Прикамья. С. 45—50; Смирнов А. П. Могильники пьяноборской культуры. С. 24.
- ⁵⁷Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 33—34.
- ⁵⁸Там же. С. 40.
- ⁵⁹Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник. С. 79, рис. 13, 12, 17.
- ⁶⁰Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Указ. раб. С. 25. Табл. 21, 11, 13.
- ⁶¹Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки//МИА. М., 1960. № 78. Т. II. Рис. 1, 1, 2; рис. 2, 3.
- ⁶²Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда//МИА. М., 1959. № 60. Рис. 25, 3; Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки. Рис. 1, 4; Пшеничнюк А. Х. Биктимировский могильник//АЭБ. Уфа, 1962. Т. 2. С. 227.
- ⁶³Генинг В. Ф. Азелинская культура. Табл. XXIII, 5.
- ⁶⁴Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки. С. 296.
- ⁶⁵Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс... С. 75—77.
- ⁶⁶Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. Табл. 5; Генинг В. Ф. Азелинская культура. Табл. V, XXIII.
- ⁶⁷Смирнов К. Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское Волгоградской области//МИА. М., 1959. № 60. Рис. 32, 2; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник//Там же. Рис. 41, 24—25.
- ⁶⁸Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. С. 40.
- ⁶⁹Там же. Табл. 32, 8.
- ⁷⁰Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск, 1984. С. 228, рис. 22, 6).
- ⁷¹Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс... Рис. 29, 32.
- ⁷²Мажитов Н. А. Бахмутинская культура... Табл. 6, 22.
- ⁷³Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс... Рис. 23, 6; 25, 32.
- ⁷⁴Абрамова М. П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры//История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 121—132; Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 44—46.
- ⁷⁵Збруева А. В. Указ. раб. Табл. VI, 17; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. Табл. 24, 3, 6—8.
- ⁷⁶Погребова Н. Н. Погребение в Мавзолее Неаполя Скифского//МИА. 1961. № 96. С. 163.
- ⁷⁷Збруева А. В. История населения Прикамья... Табл. IV, 16.
- ⁷⁸Мошкова М. Г. О раннесарматских втульчатых стрелах//КСИА. 1962. Вып. 89. Рис. 27, 28; Она же. Памятники прохоровской культуры. Табл. 14—15.
- ⁷⁹Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе селения Тарки//МИА. 1951. № 23. Рис. 7, 12—14; Он же. Грунтовые могильники аланско-сарматского времени селения Карабудахкент//Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. 2. Рис. 19, 38, 51.

- 80 Пиккуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 145—147.
- 81 Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. Рис. 41, 7.
- 82 Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа, 1973. Т. 5. С. 187.
- 83 Давыдова А. В. Иволгинское городище // СА. 1956. XXV. Рис. 22, г, д, к.
- 84 Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. Табл. 14, тип. IX а.
- 85 Абрамова М. П. Нижне-Джультатский могильник. Нальчик, 1972. Рис. 2, 3, 4.
- 86 Абрамова М. П. Сарматская культура. С. 62; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. С. 32.
- 87 Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 20.
- 88 Рыков П. С. Суловский курганный могильник // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, 1925. Т. 4. Вып. 3. С. 73; Синицын И. В. Археологические памятники по р. М. Узень // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 108.
- 89 Хазанов А. М. Указ. раб. С. 9—10.
- 90 Мерперт Н. Я. Акинак с когтевидным навершием // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 79.
- 91 Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск, 1984. С. 239. Рис. 4—7.
- 92 Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 43.
- 93 Там же. С. 120.
- 94 Чиндина Л. А. Указ. раб. С. 69.
- 95 Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников... С. 125.
- 96 Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984. С. 18—19.
- 97 Хазанов А. М. Указ. раб. С. 9—10.
- 98 Абрамова М. П. Нижне-Джультатский могильник. С. 8.
- 99 Шилов В. П. Указ. раб. Рис. 41, 7.
- 100 Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник. Рис. 14, 13, 7, 8.
- 101 Там же. Рис. 14, 4, 6.
- 102 Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Указ. соч. Табл. 15.
- 103 Давыдова А. В. Иволгинское городище // СА. 1956. XXV. Рис. 22. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. Табл. VI, 13.
- 104 Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс... Рис. 23, 3—4, 11; 33, 5.
- 105 Смирнов К. Ф. Археологические исследования... С. 17. Табл. XXIII, 6.
- 106 Медведев А. П. Погребение воина в I Чертовском могильнике // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 123, 124. Рис. 2, 1.
- 107 Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа, 1973. Т. 5. С. 188.
- 108 Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда. Рис. 22; Мошкова М. Г. Указ. раб. Табл. 23.
- 109 Горбунов В. С. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 33. Рис. 8, 10.
- 110 Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. 1951. № 22. С. 125, Рис. 12, 43; Збруева А. В. Указ. раб. С. 64; Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура... С. 188.
- 111 Збруева А. В. Указ. раб. С. 54, табл. X, 8.
- 112 Генинг В. Ф. Азелинская культура. С. 27, рис. 9.
- 113 Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья... // ВАУ. Вып. 10. С. 159. Рис. 43.
- 114 Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник. С. 85. Рис. 18, 1—2.

Глава 3. ХРОНОЛОГИЯ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Преимущество пьяноборской культуры с ананьинской служила для исследователей основой для ее датировки с III в. до н.э. Наиболее аргументирована эта точка зрения В. Ф. Генингом. Обоснованием для отнесения культуры к III в. до н.э. ему послужили находки меча прохоровского типа на Якимковском I городище и меча с когтевидным навершием на городище Чеганда I, бляхи-застежки с фигурами львов и газелей на Муновском (II Пьяноборском) могильнике, единичные находки бронзовых втульчатых наконечников, сочетающихся в комплексах с железными трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, восьмеркообразные пряжки с неподвижным крючком, встреченные в погребениях 160 могильника Чеганда II и 26 могильника Ныргында II¹.

Меч с когтевидным навершием, по данным А. М. Тальгрена, найден у д. Малая Чеганда. В. Ф. Генинг, ссылаясь на запись в книге учета коллекций Сарапульского музея, пишет, что он был найден в логе Малая Чеганда, в котором расположено городище². А. В. Збруева по аналогичному акинаку с когтевидным навершием, опубликованному Н. Я. Мерпертом, датировала чегандинский меч ананьинским временем³. Н. Я. Мерперт отнес мечи с когтевидными навершиями к V–IV вв. до н.э., а отдельные образцы, по его мнению, могли заходить и в III в. до н.э.⁴ Отсутствие таких мечей в комплексах III в. до н.э. подтверждает мнение А. В. Збруевой об ананьинском возрасте чегандинского меча.

На Якимковском I городище, на котором найден меч с серповидным навершием, судя по данным В. Ф. Генинга, есть культурный слой ананьинской культуры⁵, поэтому он может быть датирован этим временем, хотя по наличию ромбического перекрестия близок к мечам поздней стадии могильника Чеганда II⁶.

Вызывает сомнение правильность датировки пряжки из II Пьяноборского (Муновского) могильника. А. П. Смирнов считал, что сцена на этой пряжке близка изображениям на сибирских пластинках первых веков до н.э., и отнес ее ко времени около начала нашей эры⁷. Технология изготовления пряжки подтверждает точку зрения А. П. Смирнова. Пряжка имеет на обратной стороне два шпенька или „костылька“, которые часто встречаются на бляхах эполетообразных застежек с тремя соединительными жгутами. О позднем характере

пьяноборской (муновской) пряжки говорит и припаянная дужка с неподвижным крючком. Пряжки в виде бляшек с дужкой и неподвижным крючком отнесены В. Ф. Генингом к стадиям В-Г (I-II вв. н.э.)⁸. Однако как мечи, так и пряжка не могут служить доказательством для отнесения начала культуры к III в. до н.э. Первые являются случайными находками, а вторая — подъемным материалом с территории могильника.

Из восьми бронзовых трехлопастных наконечников стрел, приведенных В. Ф. Генингом в качестве доказательства ранней даты культуры, четыре встречены вместе с черешковыми трехлопастными наконечниками из железа (Чиатавский могильник)⁹, а остальные депаспортизированы и не могут быть использованы для датировки. На ряде могильников (Чеганда II, Афонинский, Ново-Сасыкульский и др.) бронзовые наконечники стрел не встречены. 143 наконечника стрел присутствуют в 35 комплексах 11 памятников. Из 35 погребений в 19 бронзовые наконечники стрел сочетались с костяными и железными или только с костяными, либо с железными и лишь в 16 встречены бронзовые наконечники. Обращает внимание, что наибольшее количество их происходит из III Кушулевского, Юлдашевского и I Уяндыкского могильников. В погребении 128 Юлдашевского могильника найдено 20 бронзовых наконечников, а в могиле 38 I Уяндыкского — 31¹⁰. Если в первом погребении сопровождаю-

Таблица Б

Распределение бронзовых наконечников стрел по могильникам

Могильник	Количество погребений		
	с бронзовыми наконечниками стрел	с бронзовыми, железными и костяными наконечниками	в целом с наконечниками стрел
Икский	2 (2)*	—	2
Камышлы-Тамак.	3 (4)	3	13
III Кушулевский	7 (28)	7	88
I Меллятамакский	3 (4)	—	3
Ныргында II	3 (7)	1	5
Ст.-Киргизовский	1 (5)	—	11
Ст.-Чекмак	1 (1)	—	8
Трикольский	1 (1)	—	1
I Уяндыкский	7 (60)	4	14
Юлдашевский	6 (27)	3	27
Чиатавский	1 (4)	1	4
	35 (143)	19	181

щий инвентарь маловыразителен (железный наконечник копья, однолезвийный кинжал, крючок-застежка), то во втором — он состоял из ажурно-прорезных накладок, двух эполетообразных застежек

* В скобках указано количество наконечников стрел.

с одним жгутом и двумя соединительными тягами (табл. 10,5), височных подвесок со спиральновитой и литой конической трубицей (табл. 1,12,27), костяного наконечника с черешком, крупной нагрудной бляхи (табл. 5,13), бронзовой восьмеркообразной пряжки (табл. 11,1), которые не могут быть датированы временем раньше II в. до н.э. Приведенная табл. Б свидетельствует о полном господстве железных наконечников стрел, что может быть отнесено к концу II — началу I в. до н.э.¹¹

К раннему времени В. Ф. Генингом отнесены восьмеркообразные пряжки из погребения 160 Чеганда II и 26 Ныргында II. М. Г. Мошкова относит появление восьмеркообразных пряжек в прохоровских памятниках к рубежу IV—III вв. до н.э., основная их масса отнесена к III—II вв. до н.э. Чегандинская восьмеркообразная застежка, отличающаяся от сарматских, доходящих до 6 см, малыми размерами (2,5 см длиной), была датирована М. Г. Мошковой II—I вв. до н.э.¹² Восьмеркообразные застежки встречены в комплексах II Деуковско-го, Урманавского, III Кушулевого могильников и могильников Чеганда II, Ныргында II и Старый Чекмак. В погребении 8 Урманавского могильника они найдены вместе с тремя бронзовыми кольцевыми пряжками, железными трехлопастными наконечниками стрел и удилами. Две восьмеркообразные застежки в погребении 318 III Кушулевого могильника сочетались с кольцевыми пряжками (Отдел Б, типы 4, 7) и эполетообразной застежкой с одним жгутом. По мнению М. Г. Мошковой, кольцевая форма пряжек наиболее характерна для погребений II—I вв. до н.э.¹³ Кольцевая пряжка, происходящая из кург. 7 Быковского I могильника, К. Ф. Смирновым была датирована этим же временем¹⁴. Близка к пьяноборским застежкам круглая бронзовая пряжка с перекладиной из кург. 1 Быкова II, датирующаяся на основе находки вместе с ней меча с кольцевидным навершием I в. до н.э. — I в. н.э.¹⁵ Видимо, сочетание восьмеркообразных и кольцевых пряжек в пьяноборских комплексах может быть отнесено к концу II — I вв. до н.э.

На материале Камышлы-Тамакского, III Кушулевого и Юдашевского могильников выделен 51 тип бус. Из них семь были распространены в II—I вв. до н.э. — I—III вв. н.э. (отдел А, тип 4, отдел Б, тип 4, отдел В, типы 7, 8, 15, 23, 26), два типа были в III в. до н.э. (отдел Б, типы 5, 6), три — получили распространение в IV—III вв. до н.э. (отдел В, типы 17, 19, 20) и четыре — в I в. до н.э. — I в. н.э. (отдел В, типы 5, 10, 22, 28). Наиболее распространенными на этих могильниках являются бусы отдела А, тип 4 и отдела Б, тип 4 с широкими хронологическими рамками II—I вв. до н.э. — I—III вв. н.э. В целом сочетание бус в ожерельях характерно для рубежа и первых веков нашей эры.

Следовательно, пьяноборская культура может быть датирована со II в. до н.э., фрагментарность и маловыразительность ранних комплексов позволяют отнести время становления культуры к концу II в. до н.э.

Верхняя дата пьяноборской культуры хорошо определяется по материалам Ново-Сасыкульского могильника, в комплексах которого найдено четырнадцать античных фибул. Построенная на их

основе графическая схема датировки дает четко выраженную дату — II–III вв. н.э.* Не противоречат этому бронзовые и железные пряжки (отдел Б, типы 18–21, отдел В, типы 7–10).

За последние годы в Удмуртии исследовано несколько могильников, где хорошо прослеживается преемственность пьяноборских и мазунинских традиций (Тарасовский, Афонинский, Нырғында II и др.). Это дало основание Р. Д. Голдиной датировать их II–V вв. и отнести мазунинские комплексы к поздней стадии пьяноборской культуры. В то же время она считает, что на Средней Вятке и Пижме есть синхронные удмуртским пьяноборские памятники, которые ею объединяются в худяковский вариант** пьяноборской общности. К нему Р. Д. Голдина относит Худяковский, Городищенский могильники и наиболее раннюю (до конца V в.) часть азелинских могильников. Захоронения V–VI вв. Суворовского, Азелинского и других могильников она отнесла к еманаевской культуре¹⁶.

Действительно, на ряде могильников (Чеганда II, Нырғында II, Афонинский, Ново-Сасыкульский и др.) погребальный обряд (положение поясов вдоль костяков, жертвенные комплексы) и инвентарь (височные подвески, некоторые типы застёжек и др.) свидетельствуют о преемственности пьяноборской и мазунинской культур. Это служит доказательством того, что в Прикамье не было притока пришлого населения, как это предполагал в свое время В. Ф. Генинг¹⁷. С другими выводами Р. Д. Голдиной трудно согласиться. Во-первых, комплексы приведенных памятников (Афонинский могильник, часть Нырғында II) идентичны материалу Ново-Сасыкульского могильника, который при отсутствии хорошо датирующихся южных аналогий является эталонным для их датировки. Время же функционирования последнего по фибулам уверенно определяется II–III вв. н.э. Во-вторых, имеются могильники (Мазунинский, Ижевский и др.)¹⁸, содержащие только мазунинские комплексы, что, несомненно, свидетельствует о самостоятельной мазунинской культуре. В-третьих, методически неверно расчленение небольших азелинских могильников, насчитывающих два-три десятка погребений и оставленных одним и тем же населением, что признает и Р. Д. Голдина, к двум различным культурам (худяковский вариант и еманаевская культура).

Таким образом, пьяноборская культура датируется концом II в. до н.э. — III в. н.э.

Хронология В. Ф. Генинга базируется, в первую очередь, на сплошном исследовании могильника Чеганда II, выводы по которому были им проверены на материале Нырғында II¹⁹.

Могильник Чеганда II. Для В. Ф. Генинга основой периодизации послужило развитие эполетообразных застёжек. Этот эволюционно-типологический ряд был им скоррелирован с другими находками по методу П. П. Ефименко. По ряду датирующих вещей В. Ф. Генингом

* Обоснование датировки Ново-Сасыкульского могильника дано в конце этой главы.

** По мнению Р. Д. Голдиной, пьяноборская этническая общность представлена чегандинским, кара-абызским и худяковским вариантами (культурами. — Б. Агеев).

замечено, что площадка могильника заполнялась по направлению с востока на запад. Он разделил ее условно на 4 участка, границы которых проходят примерно с севера на юг. Вещевые комплексы, найденные на этих участках, были внесены в корреляционную таблицу в той же последовательности, как они попадали, по мнению В. Ф. Генинга, на могильник²⁰. Прделанная работа позволила ему выделить четыре стадии (А, Б, В, Г) в развитии пьяноборской культуры и по внешним аналогиям определить их дату в пределах III в. до н.э. — II в. н.э.

Основой работы В. Ф. Генинга является корреляционная таблица. Вещи в ней сгруппированы по категориям, а внутри них — по стадиям²¹. Следовательно, таблица в целом подтверждает выделение стадий. Однако внимательный анализ ее показывает, что внутри каждой категории вещи не одновременны и могут быть отнесены к разным стадиям. Так, для стадии В оказались характерными эполетообразные застёжки с четырьмя и пятью жгутами, хотя большинство последних и основная часть вещей комплексов, в которых они встречены, отнесены к стадии Г. В свою очередь, эполетообразные застёжки с четырьмя жгутами, судя по таблице, встречаются и в более ранней стадии Б. Височные подвески с гофрированной трубицей, листовидные, с припаянной трубицей бытуют на протяжении В—Г. Аналогичная картина наблюдается и в распределении бронзовых пряжек с неподвижным крючком различных типов по стадиям. Чтобы деление предметов сделать нагляднее, все вещи были мною сгруппированы по стадиям (рис. 1). В результате оказалось, что набор их для каждой стадии в корреляционной таблице занимает определенное место. Однако перестройка корреляционной таблицы неизбежно привела к изменению некоторых деталей. Прежде всего из нее надо убрать ряд предметов, встречающихся во всех 4 стадиях (спирально-витые височные подвески, бляшки выпуклые с перекладиной, бляшки плоские, гривны спирально-витые и т.д.). Затем некоторые могилы (179, 167, 89, 92, 13, 52 и т.д.) следует переместить в другую стадию. Вынос из таблицы малопоказательных для периодизации предметов привел к сокращению в ней количества погребений. Из 72 погребений, коррелированных В. Ф. Генингом, в таблице место сохранили только 43. Введение таких важных датирующих вещей, как железные пряжки с подвижным язычком, фибулы, изделия из египетского фаянса и т.д., потребовало добавления в таблицу 8 погребений (139, 157, 77, 185, 201, 117, 206, 202).

Корреляция дает лишь общее направление развития могильника, однако, намеченную ею картину несколько затеняют вещи, просуществовавшие длительное время. Нередко в погребениях, наряду с поздними предметами, встречаются и ранние. Несмотря на это, данные комплексы включены мною в корреляционную таблицу как количественные показатели, то есть на ранних этапах эти вещи преобладают, а на поздних — встречаются в единичных экземплярах как пережиточное явление.

Выше уже отмечалось, что В. Ф. Генингом на общий план могильника были нанесены основные датированные погребения, соединение которых прямыми линиями с севера на юг привело к разделению

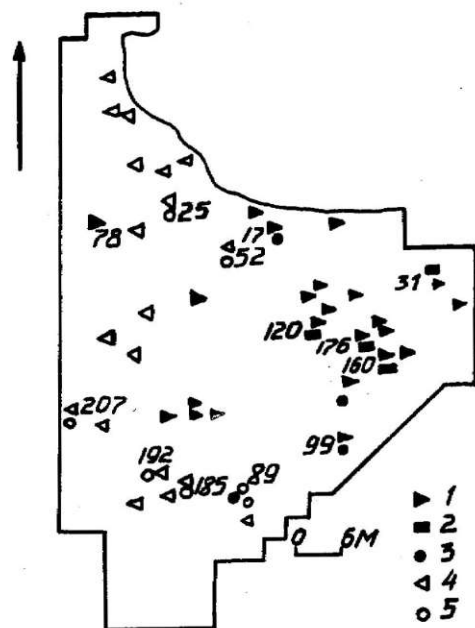

Рис. 2. Распространение в погребениях могильника Чеганда I височных подвесок:

1 — с литой трубицей, 2 — проволочные, 3 — восьмеркообразные, 4 — с гофрированной трубицей, 5 — листовидные

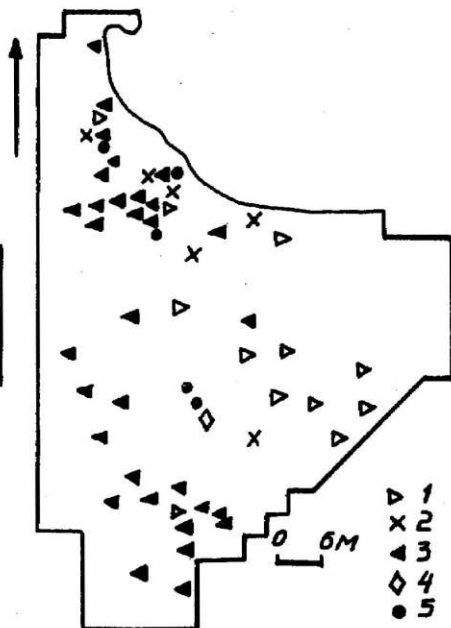

Рис. 3. Распространение пряжек в погребениях могильника Чеганда II:

1 — бронзовые с неподвижным язычком; 2 — бронзовые отдела Б, типа 8; 3 — железные с подвижным язычком; 4 — бронзовые с подвижным язычком; 5 — сюльгамы

ленным набором височных подвесок (рис. 2). Исключение составляют погр. 78 и 82, первое, в котором найдена височная подвеска с литой полый трубицей, расположено в группе могил с подвесками с гофрированной трубицей; во втором с восьмеркообразной подвеской встречена листовидная.

Распределение бронзовых застёжек с неподвижным крючком, железных пряжек с подвижным язычком и сюльгам позволило разделить могильник на две зоны (рис. 3). Все погребения с бронзовыми пряжками сосредоточены в восточной части могильника, а в западной — с железными пряжками с подвижным язычком и сюльгами. В западной зоне располагается и большинство бронзовых пряжек в виде бляшки с припаянной дужкой (отдел Б, тип 8).

На могильнике Чеганда II найдено 20 эполетообразных застёжек различных форм²³. Простейшие из них, в основе которых лежит умбовидная бляха с припаянным к ней стержнем, найдены в погр. 31 и 74. К этой же группе примыкают эполетообразные застёжки с одним стержнем и двумя соединительными тягами (погр. 39, 137). Хронологически, видимо, к ним близки застёжки из погребений 159 и 160;

первая представляет собой подтреугольную пластину со стержнем, у второй — задняя бляха оформлена в виде свернувшегося зверя. Все описанные выше эполетообразные застёжки на общем плане могильника группируются в его восточной части (рис. 4).

Картографирование эполетообразных застёжек с тремя жгутами показало, что они располагаются в четырех точках.

В центральной части могильника на сравнительно большом удалении друг от друга размещаются погребения с четырехжгутовыми застёжками (погр. 179, 167, 139, 9). Особо следует отметить могилу 179, которая как бы прерывает цепь эполетообразных застёжек с тремя жгутами и непосредственно примыкает к группе погребений с одножгутовыми застёжками. Находка застёжки этого типа в погр. 9, расположенном в периферийной части могильника, объясняется запаздыванием вещи, которая, видимо, длительное время была в употреблении. Инвентарь данной могилы (височные подвески, бронзовые пряжки и т.д.) не находит аналогий в погребениях, в которых найдены остальные четырехжгутовые застёжки.

Застёжки с пятью и более жгутами сосредоточены в западной части могильника. Среди них следует выделить эполетообразную застёжку с овальной задней бляхой (погр. 15), которая, по мнению В. Ф. Генинга, является самой поздней в типологическом отношении²⁴.

Исходя из данных распространения эполетообразных застёжек, территорию могильника можно разделить на четыре участка, включающих группы погребений, в которых найдены застёжки 1) с одним жгутом, а также с одним жгутом и двумя соединительными тягами; 2) с тремя жгутами; 3) с четырьмя; 4) с пятью и более.

Таким образом, височные и пряжки позволили установить на площади могильника два больших участка, а эполетообразные застёжки детализировали это деление.

При работе с общим планом могильника выяснилось, что вся его территория разделена лишенными могил интервалами на участки примерно одинаковой величины. Определение их границ позволило установить, что в ряде случаев расстояние между ними доходит до 9 м. Можно предполагать, что существование свободных мест на

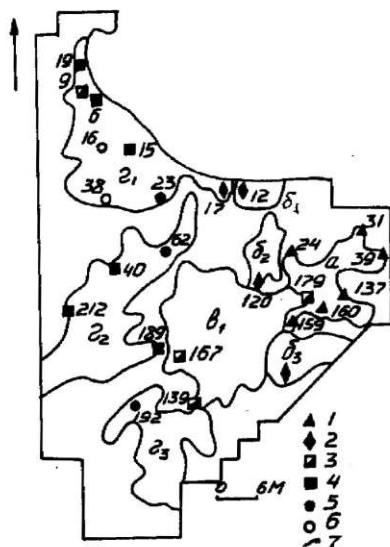

Рис. 4. Распространение в погребениях могильника Чеганда II эполетообразных застёжек:

- 1 — с одним, 2 — с тремя, 3 — с четырьмя,
- 4 — с пятью и более жгутами, 5 — находки бус из египетского фаянса, 6 — фибул,
- 7 — границы групп погребений

могильнике, площадь которого ограничена мысом, вряд ли случайно. При анализе оказалось, что зоны, выделяемые эполетообразными застежками, точно соответствуют расположениям этих групп. Так, все одножгутовые застежки находятся на участке *a*; трехжгутовые, кроме одной (погр. 17) — на участках *б1, б2, б3*; с четырьмя жгутами, за исключением одной из погребения 9, сосредоточены на участке *в1*. Эполетообразные застежки с пятью и более жгутами локализуются на периферийной части могильника — участках *г1, г2, г3* (рис. 4). Большинство погребений с бронзовыми пряжками различных типов с неподвижным крючком располагаются на участках *б1, б2, б3* и *в1*. Исключение составляют две могилы в группе *г1*, по одной на участках *г2, г3*. Все железные пряжки с подвижным язычком, за исключением трех могил, в которых они встречены на участке *в1*, распределяются в погребениях групп *г1, г2* и *г3*. На этих же участках локализуются застежки с умбоновидной бляшкой и припаянной дужкой (отдел Б, тип 8). Проволочные, восьмеркообразные подвески и подвески с литой полый конической трубицей сосредоточены почти все на участках *a, б1, б2, б3*. Одновременность групп погребений *б1, б2* и *б3*, несмотря на скудость инвентаря, не вызывает сомнения. Во всех трех группах найдены трехжгутовые эполетообразные застежки, височные подвески с литой полый конической трубицей. В группах *б1* и *б3* представлены простые кольцевые пряжки с неподвижным крючком (отдел Б, тип 1, варианты А, Б, тип 3), что вшний раз свидетельствует об их синхронности. Это же относится и к участкам *г1, г2* и *г3*, материал которых идентичен — листовидные височные подвески, височные подвески с гофрированной трубицей, эполетообразные застежки с пятью и более жгутами.

На могильнике в нескольких захоронениях встречен ряд хорошо датирующихся предметов, что очень важно для определения хронологии. К ним относятся фибулы из погребений 16, 38 и бусы из египетского фаянса, найденные в могилах 23 (фигурки львов), 62 (фигурка скарабея), 192 (в форме алтарика). Все перечисленные погребения располагаются на участках *г1, г2* и *г3* (рис. 4).

Как видно, 4 участкам или соответственно группам погребений (*a; б1 + б2 + б3; в1; г1 + г2 + г3*), выделяемым по эполетообразным застежкам, характерны определенные типы вещей, свидетельствующие об их разновременности.

Для хронологической группы А характерны эполетообразные застежки с одним жгутом и умбоновидной или арочной формы бляхой, с одним жгутом и двумя соединительными шнурами, височные подвески (отдел А, тип 1, вариант Б; тип 2, вариант А), с литой полый трубицей (отдел Б, тип 6), бронзовые восьмеркообразные пряжки. Для хронологической группы Б характерными являются эполетообразные застежки с тремя жгутами и умбоновидной бляхой, бронзовые застежки типа 2, 3, 7, 16. Продолжают бытовать подвески височные с полый трубицей и проволочные.

Хронологическая группа В представлена четырехжгутовыми эполетообразными застежками, бронзовыми (типы 4, 12) и железными (типы 1, 2) пряжками с неподвижным крючком, трапециевидными подвесками. В мужских погребениях появляются костяные втуль-

чатые пирамидальные (тип 1), черешковые (тип 5) и железные трехлопастные (тип 1) наконечники стрел.

Наиболее богато представлена хронологическая группа Г, для которой характерны эполетообразные застёжки с пятью и более жгутами, височные подвески листовидные (отдел Б, тип 4) и с гофрированной трубицей (отдел Б, типы 8, 9), нагрудные бляхи (тип 5), круглые бляхи с игольчатой застёжкой (типы 1, 2) в центре, лапчатые и сапожковые подвески, прямоугольные поясные накладки (тип 1), шейные подвески (типы 1, 2), железные пряжки с подвижным язычком (типы 5, 9), бронзовые пряжки (тип 8). В мужских погребениях продолжают встречаться железные черешковые трехлопастные, костяные пирамидальные втульчатые и черешковые наконечники стрел. Появляются железные двулезвийные мечи с бронзовыми или железными перекрестиями ромбической формы, либо без перекрестий (типы 1, 4). К этому времени относятся двухсоставные удила с железными двухпетельными четырехгранными псалиями (тип 4).

Наиболее ранняя стадия А, а по нашему хронологическая группа А, была датирована В. Ф. Генингом III в. до н.э. — началом II в. до н.э. Обоснованием для этого послужила находка в погр. 39 вместе с эполетообразной застёжкой с одним жгутом и двумя соединительными шнурами спиральновитой медной гривны (тип 8). Аналогичная гривна в погр. 26 могильника Нырғында II сопровождалась восьмеркообразной пряжкой, близкой по форме застёжке из могилы 160 Чеганда II. На раннюю дату, по мнению В. Ф. Генинга, указывают восьмеркообразная височная подвеска (отдел А, тип 2, вариант А) ананьинского облика из могилы 159 и формы эполетообразных застёжек из погр. 31 и 74, которые близки к застёжке из Уфимского могильника, датруемого А. В. Збруевой концом ананьинской культуры²⁵. О датировке восьмеркообразных пряжек более поздним временем уже отмечалось выше. Распространение спиральновитых гривен и восьмеркообразных подвесок не ограничено тоже ранней эпохой. Так, например, спиральновитая гривна встречена в погр. 17 и 92; в первом она сопровождалась бронзовой пряжкой типа 8 и эполетообразной застёжкой с тремя жгутами, во втором — бусами из египетского фаянса в форме алтарика, которые не могут быть датированы столь ранним временем. Восьмеркообразные височные подвески ананьинского облика из погребений 17 и 99 встречены с трехжгутowymi эполетообразными застёжками, которые отнесены В. Ф. Генингом к следующей стадии Б, датированной им концом II — I вв. до н.э.²⁶ В погр. 89, расположенном на периферии могильника, указанный тип подвесок встречен с листовидными, бытующими в стадии В-Г²⁷. В ряде могил (178, 47, 46, 175, 159, 39) этой хронологической группы встречены стеклянные бусы. Мелкий рубленый бисер светло-зеленого, темно-синего цвета (отдел А, тип 4) был распространен во II—I вв. до н.э. Этим же временем датируются мелкие рубленные золоченые бусы (отдел Б, тип 4)²⁸ из погр. 39, 160. Как видно, для погребений характерно сочетание бус, распространенных в последние века нашей эры. Исходя из этого, начало заполнения могильника (т.е. хронологическая группа А) мной было отнесено к концу II в. до н.э.²⁹

Хронологическую группу Б датируют бронзовые кольцевые пряжки (отдел Б, типы 2, 7) из погр. 21, 81, 82. В могиле 81 проста: кольцевая пряжка (тип 2) сочеталась с круглой цельнолитой с выпуклым ободком и прорезями для ремня пряжкой (тип 7), что позволяет датировать группу Б временем не ранее I в. до н.э.

Хронологическая группа В представлена, как уже отмечалось выше, определенным набором бронзовых (типы 4, 12) и железных (типы 1, 2) пряжек с неподвижным крючком. Она выделяется территориально, занимая промежуточное положение между хронологическими группами Б и Г. Однако инвентарь в большинстве погребений отсутствует или маловыразителен. Бусы найдены в этой группе в четырех погребениях (119, 144, 179, 184). В основном они представлены мелким бисером светло-зеленого, темно-зеленого цветов, который был распространен во II—I вв. до н.э. и в первые века нашей эры. В погр. 144 ожерелье состояло из золоченых округлых бус с продольной структурой с закраинками вокруг отверстий и темно-лиловых двухзвеньевых бус, появление которых относится к I в. н.э.³⁰

Хронологическая группа Г датируется II—III вв. н.э. Не противоречат этой дате железные пряжки с подвижным язычком (отдел В, типы 5, 9, 10), которые на рубеже и в первых веках нашей эры становятся почти единственной формой в сарматских памятниках³¹, продолжая бытовать там во II—IV вв. н.э.³² В трех погребениях этой группы найдены бусы из египетского фаянса: фигурки львов, скарабея, в форме алтарика. Бусы в форме алтарика из могилы 192 могут быть отнесены по классификации Е. М. Алексеевой к типу 93 и датируются I в. н.э.³³ Они сочетались с бусами, изготовленными в форме длинных нерасчлененных цепей, которые бытовали на Боспоре в I—III вв. н.э., а в Танаисе были характерны для III в. н.э.³⁴ Лев, помещенный на прямоугольной подставке, из погр. 23 датируется I—II вв. н.э.³⁵ Фигурка скарабея из могилы 62 датируется I в. н.э., хотя и заходит в I в. до н.э. и II в. н.э.³⁶ На близкую дату указывают фибулы, найденные в погребениях 16 и 38. Из-за дефектности обеих фибул их трудно точно связать с узкодатируемыми вариантами. Но все же они могут быть отнесены к концу I—II вв. н.э.³⁷ Фибулы в этих могилах сопровождалась железной пряжкой с подвижным язычком, серебряной нагрудной бляхой, височными подвесками с гофрированной трубицей и листовидными. Аналогичный инвентарь содержало и погребение 192. В целом датировка группы Г II—III вв. н.э. вполне оправдана, так как ее инвентарь идентичен материалу Ново-Сасыкульского могильника, уверенно датирующегося по фибулам.

Интересно проследить рост могильника по хронологическим группам. Первоначальный могильник как бы состоит из двух небольших частей, которые тянутся цепочкой параллельно друг другу — а₁. На периферии этой группы располагаются погребения, ориентированные на северо-запад и северо-восток, и погребения с эполотеобразными застежками. Постепенно могильник растет к северо-западу и юго-востоку (рис. 5). В хронологический отрезок Б уже существует три участка б₁, б₂, б₃, на которых производились захоронения. Если группы б₂ и б₃ являются продолжениями северного и южного рядов некрополя а₁, то появление на значительном удале-

нии самостоятельного участка б₁ можно объяснить только его принадлежностью ко второму разрушенному рекой участку, одновременного некрополю а₁ – (а₂?). Обращает на себя внимание и примерно равное количество погребений в группе б₂ и б₃ – по 11 могил в каждой, в уцелевшей не полностью части б₁ – 5.

В отрезок времени В могильник разрастался к западу по двум направлениям, а именно с участков б₂ и б₃ (рис. 4, 5). В этот хронологический период могильник представляет собой компактно расположенную группу погребений в₁, ограниченную с востока погр. 179, непосредственно примыкающим к раннему участку а₁, а с запада – погр. 167 и 139. Во всех трех погребениях найдены эполетообразные застёжки с 4 жгутами. Группу погребений в₁ ограничивает с трех сторон двойной ряд детских могил. При анализе выяснилось, что внутри первого круга детских могил располагаются более ранние погребения взрослых (рис. 6). Подтверждается это распространением бронзовых пряжек с неподвижным крючком и железных с подвижным язычком (рис. 3), ареал которых довольно четко перерезается первым рядом детских могил.

В период Г захоронения производились на трех отдельных участках г₁, г₂, г₃. Из них участки г₂, г₃ являются продолжением участка в₁ и связаны с ним погр. 189 и 139 (рис. 4). Участок г₁, видимо, в какой-то мере связан с группой погребений б₁. Отсутствие здесь хронологического промежуточного участка, вероятно, объясняется разрушением террасы рекой.

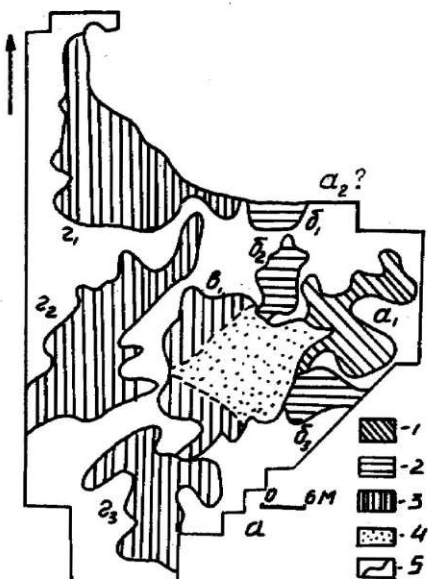

Рис. 5. Рост могильника Чеганда II по хронологически-территориальным группам:

1 – конец II в. до н.э., 2 – I в. до н.э.,
3 – I в. н.э., 4 – II–III вв. н.э.

Рис. 6. Деление погребений могильника Чеганда II по полу:

1 – женское, 2 – детское, 3 – мужское,
4 – пол неизвестен, 5 – границы групп погребений

На всех трех участках детские могилы располагаются по краям (рис. 6).

Таким образом, проведенное исследование позволило детально проследить рост могильника Чеганда II. После переработки корреляционной таблицы В. Ф. Генинга мной также было выделено 4 стадии в развитии могильника³⁸. Такое дробное деление, к сожалению, не подтвердилось на материале остальных пъяноборских памятников. Расположение могильника Чеганда II на мысу, заполнение его площадки с востока на запад, широкие хронологические рамки и наличие в комплексах полного эволюционного ряда вещей (эполетообразные застёжки, бронзовые и железные пряжки, височные подвески и т.д.) позволили выявить лишь на нем группы погребений, которые выделяются очень четко территориально и хронологически. Однако эти хронологические группы вряд ли могут быть названы стадиями. Стадия, на наш взгляд, понятие как хронологическое, так и качественное, и должна фиксироваться по выявлению новых элементов в материальной культуре и погребальном обряде. Корреляция с учетом этого дала деление вещевого комплекса могильника на две стадии (рис. 1). К стадии I относится инвентарь хронологическо-территориальных групп А, Б, В, дата которых определяется концом II в. до н.э. – I в. н.э. Стадия II объединяет инвентарь групп Г и датируется II–III вв. н.э. Деление комплексов на две стадии подтверждаются и данными погребального обряда могильника Чеганда II. Так, практически все погребения, в которых пояса лежали

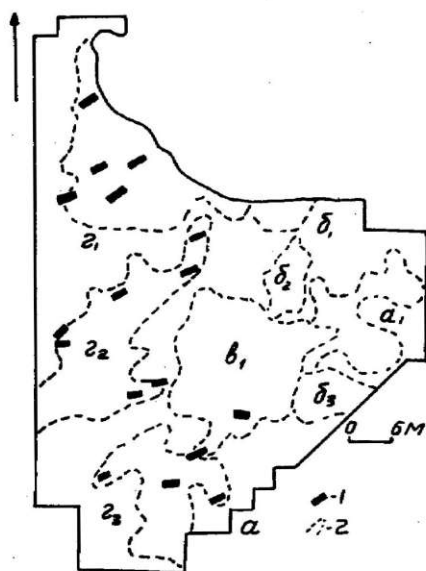

Рис. 7. Расположение на могильнике Чеганда II погребений, в которых пояса находились у корпуса или в ногах костяка (1); границы групп погребений (2)

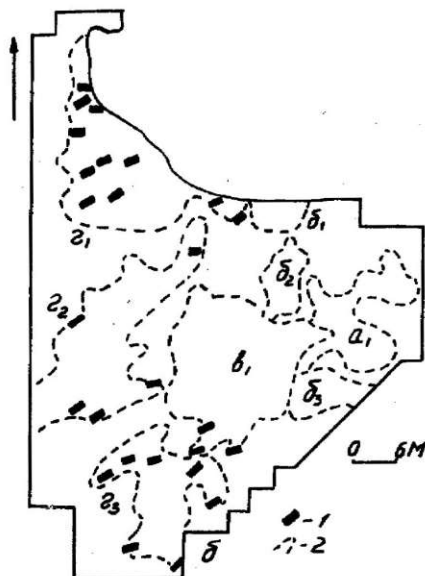

Рис. 8. Расположение на могильнике Чеганда II погребений с «жизненными» комплексами (1); границы групп погребений (2)

вдоль корпуса или в ногах умершего, могилы с „жертвенными“ комплексами оказались сосредоточенными в хронологическо-территориальных группах 21, 22, 23 (рис. 7, 8), относящихся к стадии II. Ни в одном погребении стадии I эти особенности погребального обряда не встречены.

Могильник Ныргында II. Выводы по хронологии Чеганда II В. Ф. Генингом были проверены на материале могильника Ныргында II. На указанном памятнике в общей сложности исследовано 268 погребений. Полностью опубликованы инвентарь и описание 36 погребений из раскопок А. А. Спицына 1898 г.³⁹ В. Ф. Генингом частично введены в научный оборот еще 34 погребения, исследованные им в 1954 г.⁴⁰ Остальные 198 погребений, к сожалению, не опубликованы. М. Г. Худяковым, А. П. Смирновым могильник был датирован I–III вв. н.э. В. Ф. Генинг отнес памятник к III в. до н.э. – II в. н.э. По его мнению, могильник Ныргында II подтверждает деление пьяноборских комплексов на четыре стадии. К сожалению, корреляционная таблица⁴¹ вещей из могильника не дает четкого представления о хронологических стадиях. Ранняя стадия А, по мнению В. Ф. Генинга, представлена двумя погребениями (25, 26). В могиле 25 найдены височные подвески с литой полый трубицей (отдел Б, тип 6), которые характерны для стадии I могильника Чеганда II. Несомненно, наиболее ранним является погр. 26, инвентарь которого представлен восьмеркообразной пряжкой, многовитковым браслетом, спирально-витой гривной. Многовитковые бронзовые браслеты известны в сарматских памятниках I в. до н.э. – I в. н.э.⁴² Довольно длительное время бытовали, судя по материалу Чеганда II, и спирально-витые гривны⁴³. Об общей дате восьмеркообразных пряжек в пьяноборских древностях уже отмечалось выше. К ранним погребениям относятся могилы 124, 128, 156 (раскопки В. Ф. Генинга), в которых найдены бронзовые наконечники стрел. В погр. 124 они встречены с железными черешковыми наконечниками и бронзовой пряжкой типа 2. Обращает внимание отсутствие эполетообразных застежек простых форм. Застежка с двумя соединительными жгутами (табл. 10,2) в погр. 7 (раскопки А. А. Спицына) сочеталась с височными подвесками с гофрированной трубицей (отдел Б, типы 8–9), характерными для стадии II могильника Чеганда II. Хорошо представлены поздние комплексы. Эполетообразные застежки с 5–10 жгутами встречены в девяти погребениях (раскопки В. Ф. Генинга). Часты в них находки сапожковых и лапчатых подвесок, височных подвесок с гофрированной трубицей, шейных подвесок, железных пряжек с подвижным язычком, прямоугольных поясных накладок, бронзовых и железных скульгам, характерных для стадии II могильника Чеганда II. Для датировки поздних комплексов большое значение имеют фибулы, встреченные в пяти могилах (погр. 27 – раскопки А. А. Спицына, погр. 4, 15, 76, 79 – В. Ф. Генинга). Все они относятся к типу пружинных фибул с гладким корпусом и с едва намеченной кнопкой на пластинчатом приемнике, датируемых второй половиной II–III вв. н.э.⁴⁴ Таким образом, время функционирования могильника Ныргында II относится к I в. до н.э. – III в. н.э.

Корреляционная таблица В. Ф. Генинга вещей из погребений мо-

гильника Ныргында II⁴⁵ содержит те же недостатки, что и аналогичная таблица по материалу Чеганда II, и нуждается в доработке. Доработанная корреляционная таблица свидетельствует о двух хронологических стадиях могильника, для которых характерны определенные наборы вещей (рис. 9).

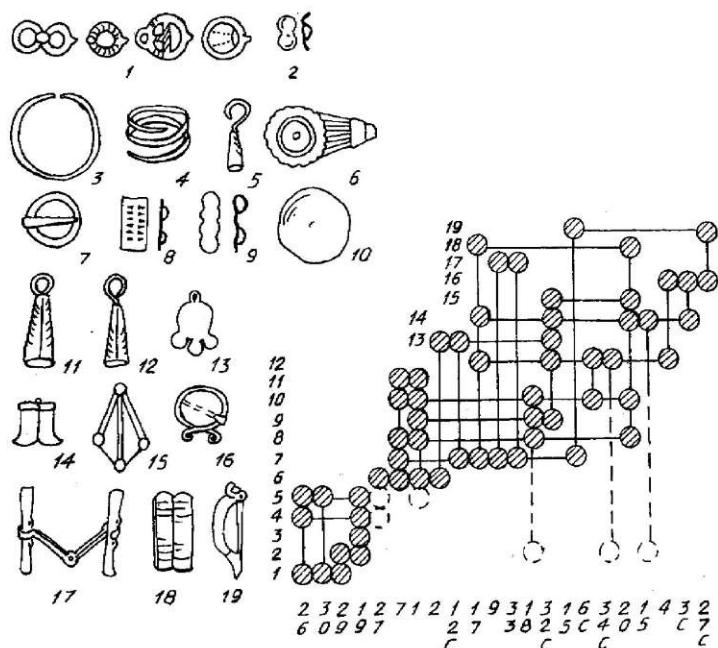

Рис. 9. Корреляционная таблица комплексов могильника Ныргында II. По вертикали даны номера типов предметов, по горизонтали — номера погребений, С — раскопки А. А. Спицына 1898 г.

Икский могильник. На памятнике вскрыто 27 погребений. Исследователи датировали могильник IV в. до н.э. — II в. н.э. и отнесли его к концу ананьинской и пьяноборской культур. Широкие хронологические рамки они объясняют тем, что памятник исследован не полностью, а раскопками, возможно, взяты два противоположных края⁴⁶. Инвентарь могильника представлен тремя бронзовыми наконечниками стрел (погр. 1, 3), шестью железными пряжками с подвижным язычком (погр. 4, 5, 10, 21, 23), сапожковыми подвесками (погр. 22), височными подвесками в виде знака вопроса и восьмеркообразными из тонкой проволоки. Следует согласиться с исследователями, что бронзовые наконечники стрел, называемые ими наконечниками „скифского типа”, в Прикамье анахронизм. В целом инвентарь памятника синхронен стадии II могильников Чеганда II и Ныргында II. Вряд ли можно согласиться с мнением Л. Н. Ашихминой и Г. Н. Ключевой о том, что исследованы два противоположных участка могильника. Судя по общему плану раскопа, погребения, в

которых найдены железные пряжки с подвижным язычком и сапожковая подвеска, расположены на мысу. Ранние погребения, содержащие бронзовые наконечники стрел, находятся с напольной стороны мыса. Такое расположение могил свидетельствует о том, что исследована часть территориальной группы, содержащая как ранние, так и поздние погребения. С учетом находок бронзовых наконечников стрел могильник может быть датирован первыми веками нашей эры.

Афонинский могильник. Памятник исследовался в 1977, 1980 гг. Г. Н. Ключевой, а в 1978–1979 гг. — Т. К. Ютиной. В течение четырех полевых сезонов изучено 215 погребений. В предварительных сообщениях исследователи отнесли памятник к переходному от пьяноборской к мазунинской культуре времени и датировали III–IV вв. н.э.⁴⁷ Р. Д. Голдина датирует могильник II–V вв. н.э.⁴⁸

Вопрос культурной принадлежности памятника может быть решен однозначно. Инвентарь погребений содержит типично пьяноборские вещи: височные подвески (отдел Б, типы 2, 8, 9), шейные (типы 1, 2), сапожковые, лапчатые (отдел В, типы 5, 6, 8) подвески, бронзовые пряжки (типы 6, 7, 8, 15), поясные накладки (типы 1, 6, 8, 9), нагрудные бляхи (типы 5, 11) и застёжки (типы 1, 2), костяные наконечники стрел (типы 2, 5), браслеты (тип 2), гривны (тип 1) и т.д. Правда, в материале могильника отсутствуют эполетообразные застёжки. Близки к мазунинским височные подвески (отдел Б, тип 1), встреченные в ряде могил. Аналогичные подвески имеются в комплексах Чеганда II (погр. 217), III Кушулевского (погр. 323) и Старо-Чекмакского (погр. 12, 19) могильников. В то же время на Афонинском могильнике не найдено ни одной бабочковидной фибулы, характерной для мазунинской культуры⁴⁹. Сближает могильник с мазунинскими погребальный обряд: положение поясов вдоль корпуса умершего, жертвенные комплексы. Однако эти детали обряда прослежены и на остальных могильниках (Чеганда II, Старо-Чекмакский, III Кушулевский и др.) и свидетельствуют о генетической преемственности мазунина с пьяноборьем. Для датировки могильника большое значение имеют бронзовые и железные пряжки с подвижным язычком. По аналогиям в сарматских древностях рубежом I–II–III вв. н.э. датируются железные пряжки 9, 10 типов. На рубеже I–II–IV вв. н.э. были распространены бронзовые (типы 18, 19, 21) и железные (тип 5) пряжки. К концу III в. н.э. относится появление пряжек с прямоугольным или трапециевидным подвижным щитком (отдел Б, типы 20, 21; отдел В, типы 6, 11), массовое распространение которые получают в IV в. н.э.⁵⁰ Однако эти типы пряжек на могильнике представлены единичными экземплярами. Отсутствие бабочковидных фибул ограничивает верхние хронологические рамки могильника. По мнению А. К. Амброза, мазунинские фибулы — дальнейшее развитие сарматских фибул с завитком и датируются не ранее IV в. н.э.⁵¹ В целом материал Афонинского могильника полностью идентичен инвентарю стадии II Чеганда и Ново-Сасыкульского могильника, которые по находке фибул датируются II–III вв. н.э.

Чиатавский могильник. Исследовался в 1957 г. Н. А. Мажитовым⁵². Вскрыто 18 могил. Памятник датирован им II в. до н.э. — II в.

н.э., хотя он и считает возможным отнести исследованные им комплексы ко II—I вв. до н.э. Обоснованием для этого послужили находки спиральновитых височных подвесок, круглых бронзовых блях, бронзовой пряжки с неподвижным крючком, стеклянных бус и перстня со щитком, состоящим из двух восьмеркообразных спиралей. Спиральновитые височные подвески, появившиеся в ананьинское время, бытовали до заключительного этапа пьяноборской культуры, и на ряде могильников они являются одним из распространенных типов украшений. На раннюю дату могильника указывают бронзовые наконечники стрел из погр. 18, где сочетались с костяными типа 1, время появления которых исследователи относят ко времени не ранее I в. до н.э.⁵³ Первыми веками нашей эры датируется погр. 9 по находке браслета со змеиными головами⁵⁴. К этому же времени относится погр. 13, где найдена железная пряжка типа 5⁵⁵. Исходя из этого, могильник может быть датирован I в. до н.э. — I—II вв. н.э.

Камышлы-Тамакский могильник. В 1961 г. Н. А. Мажитовым исследовано 101 погребение. Памятник был отнесен к концу II в. до н.э. — I в. н.э. Дата ранних погребений была определена на основании различия бус Старо-Кишишских курганов и Биктимировского могильника, в комплексах которых основную массу составляют бусы с внутренней позолотой и гешировые. В Камышлы-Тамакском могильнике бусы с внутренней позолотой составляют всего несколько процентов, а гешировые отсутствуют. Если в первых могильниках бронзовые трехлопастные наконечники преобладают, то в Камышлы-Тамакском они представлены всего четырьмя экземплярами⁵⁶. Поздняя дата по мелким бусам красного, зеленого и темно-синего стекла, круглым железным пряжкам с подвижным язычком, бронзовому зеркалу-привеске определена временем около I в. н.э.⁵⁷

Установление нижней даты Камышлы-Тамакского могильника крайне затруднительно. Из могильника происходят три эполетообразные застёжки с одним жгутом и двумя соединительными шнурами. Две из них найдены в погр. 49, 98, третья — подъемный материал. Погр. 49 не датируется, а могила 98 по инвентарю: подвеска (тип 1, вариант Б), бронзовая пряжка (тип 8), золоченые стеклянные бусы (отдел Б, тип 3) — не может быть датирована ранее I в. н.э.

На раннюю дату вроде бы указывают бронзовые наконечники стрел, найденные в трех могилах (4 экз.). Однако количественное соотношение бронзовых, железных наконечников стрел позволяет отнести эти погребения к более позднему времени. Так, набор колчана в могиле 48 состоял из 1 бронзового, 19 железных черешковых, 2 костяных наконечников стрел; в погр. 86 — 10 железных, 7 костяных, 2 бронзовых; в погр. 94 — 1 бронзового, 2 железных, 10 костяных наконечников стрел. Первыми веками нашей эры датируется погр. 86 по находке железных удилищ (тип 4, вариант В) и железной пряжке (тип 5).

Большинство комплексов Камышлы-Тамакского могильника убедительно датируются стеклянными бусами. Полихромные бусы со спиральновидным орнаментом (тип 2), найденные в ряде погребений

ний (4, 10, 11, 16, 18, 72, 75), появляются в конце I в. до н.э. и получают массовое распространение в I–II вв. Первым веком датируются женские могилы (36, 39, 42, 77, 80, 96) по усеченно-биконическим бусам из глухого голубого (тип 5), зеленого (тип 6) стекла, голубому бисеру (тип 4) и округлой ребристой бусине (тип 1) из прозрачного стекла. Из погр. 96 происходит сарматское зеркало-привеска с конической возвышенностью в центре. Аналогичные зеркала в памятниках кочевников датируются рубежом I–II – второй половиной II в. н.э.⁵⁸ По находке железных удил типа 4 второй половиной I – началом II в. н.э.⁵⁹ датируются мужские могилы 2, 21, 86. Ряд погребений датируется в широких пределах (12, 97, 98, 100). В них найдены бусы, изготовленные длинными нерасчлененными цепями, с закраинками вокруг отверстий. Бусы указанных типов Е. М. Алеекеева датирует I–III вв. н.э.⁶⁰ Рубежом I–II–II вв. н.э. датируются железные пряжки 9, 10 типов, на рубеже I–II–IV вв. н.э.⁶¹ были распространены пряжки типа 5.

Однако сопоставление инвентаря памятника с комплексами стадии II Чеганда II, Афонинского и Ново-Сасыкульского могильников показывает, что между ними есть различия. На Камышлы-Тамакском могильнике отсутствуют шейные подвески, височные подвески 4, 8, 9 типов, нагрудные застёжки 1, 2 типа, скульгамы, что, несомненно, свидетельствует и о хронологическом различии. Исходя из этого, Камышлы-Тамакский могильник может быть датирован I в. до н.э. – началом II вв. н.э.

I Уяндыйский могильник. В. Ф. Генингом датирован концом II – началом III вв. н.э.⁶² Обоснованием для этого послужили комплексы 18 погребений, исследованных им в 1958 г. В 1968 г. А. Х. Пшеничнюком было вскрыто еще 40 могил. По преобладанию бронзовых наконечников стрел, присутствующих в 7 комплексах, бронзовым пряжкам, среди которых встречена и восьмеркообразная, он отнес могильник к III–II вв. до н.э., а некоторые могилы (с железными наконечниками стрел), по его мнению, могли заходить и в I в. до н.э.⁶³

Наконечники стрел встречены в 14 погребениях, и только в трех бронзовые наконечники стрел не сочетались с железными и костяными наконечниками, что не свидетельствует о полном господстве первых. В погр. 38, кроме бронзовых наконечников стрел, встречены нагрудная бляха типа 8, бронзовая восьмеркообразная пряжка и две эполетообразные застёжки с одним жгутом. Идентичная бляха, восьмеркообразная пряжка, эполетообразная застёжка с одним жгутом и ажурно-прорезная накладка типа 12 в погр. 160 Чеганда II найдены вместе с двумя многовитковыми бронзовыми и железными браслетами, дата которых исследователями в южных памятниках определяется II в. до н.э. – II в. н.э.⁶⁴ или I в. до н.э. – I в. н.э.⁶⁵ Ажурно-прорезные накладки типа 12, эполетообразная застёжка с одним жгутом и многовитковый бронзовый браслет составляли инвентарь погр. 39 Чеганда II. Оба погребения были выше датированы временем не раньше конца II в. до н.э. Ажурно-прорезные накладки 6, 10 типов погребения 38 I Уяндыйского могильника аналогичны накладкам могилы 178 Чеганда II, которая расположена в

I Уяндыкский могильник

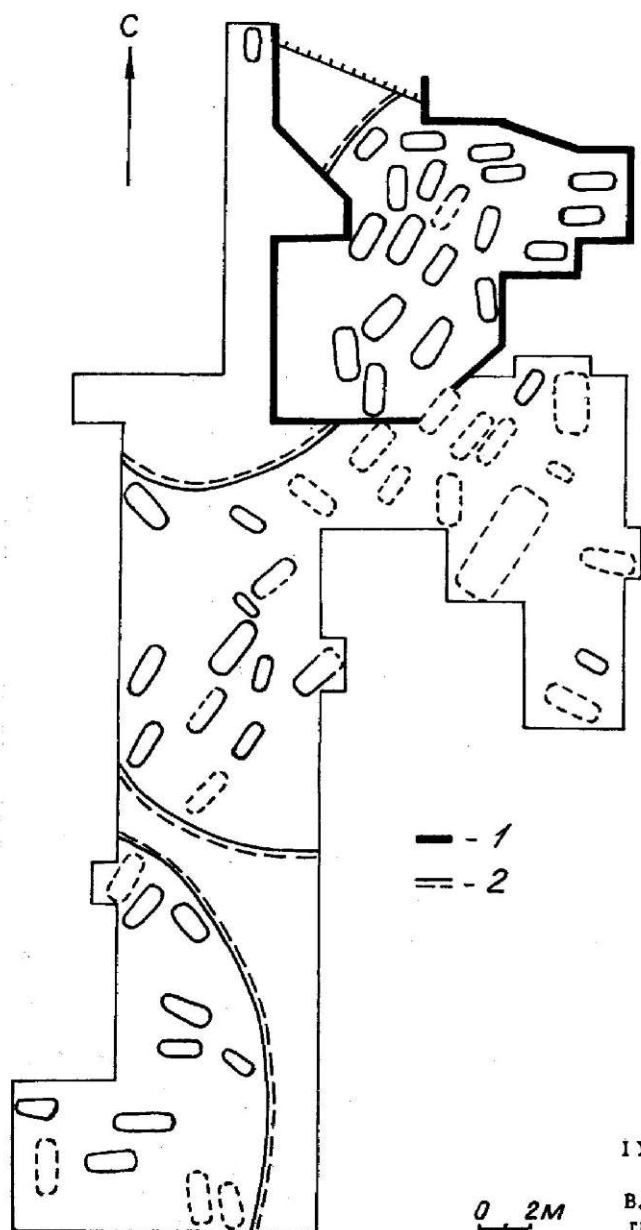

Рис. 10. План раскопа
I Уяндыкского могильника:
1 — границы раскопа
В. Ф. Генинга 1958 г., 2 —
границы групп погребений

непосредственной близости с хронологическо-территориальной группой погребений Б, датированной I в. до н.э. Верхняя дата могильника, предложенная В. Ф. Генингом, не вызывает возражения. Совмещение планов раскопов 1958 г. и 1968 г. показывает, что в северной части памятника вскрыта группа погребений, содержащая как ранние, так и поздние захоронения (рис. 10). Таким образом, могильник относится к концу II в. до н.э. – началу III в. н.э.

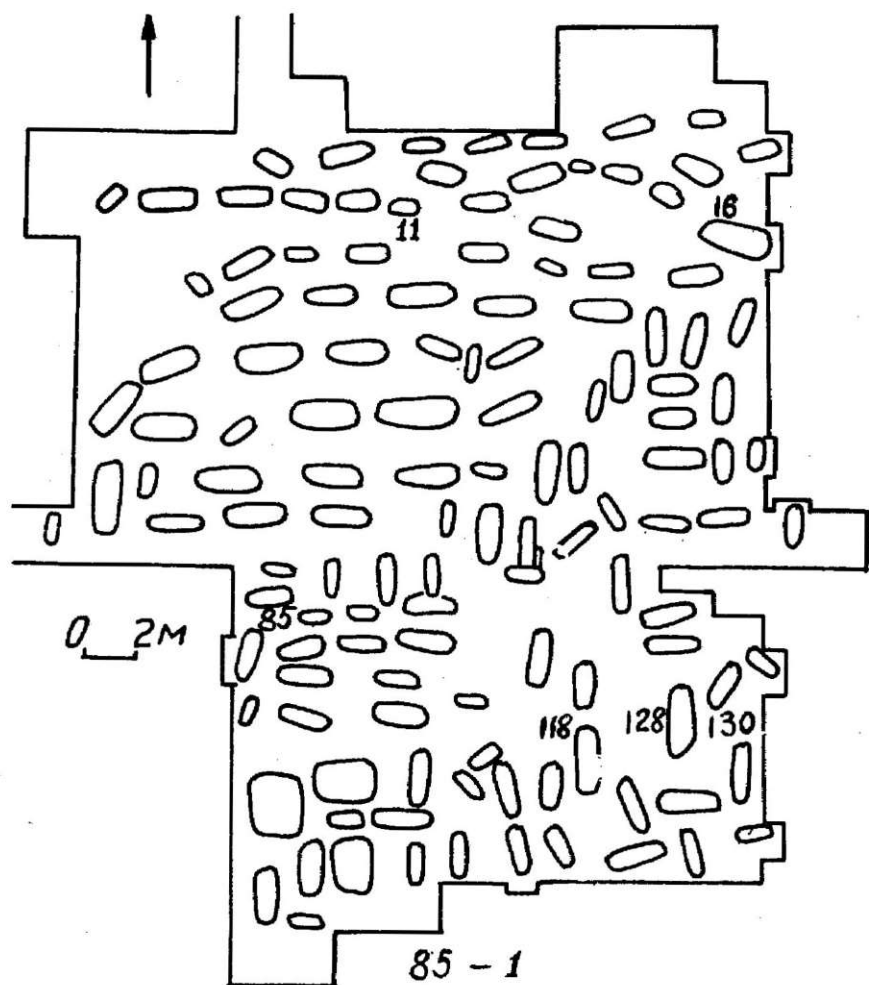

Рис. 11. План раскопа Юлдашевского могильника.
- погребения с бронзовыми наконечниками стрел

Юлдашевский могильник. В течение 1970–1971 гг. А. Х. Пшеничнюком исследовано 131 погребение. Могильник им датирован концом III в. до н.э. – I в. н.э. По его мнению, о ранней дате свидетельствуют бронзовые наконечники стрел, исчезновение которых по

южным памятникам хорошо фиксируется II в. до н.э. Поздняя дата им установлена по кинжалам с кольцевым навершием, ожерельям бус, железным пряжкам с подвижным язычком и железным наконечникам стрел⁶⁶. Самым ранним, видимо, является погр. 128, в котором найдены эполетообразная застежка типа 1 и двадцать бронзовых наконечников стрел. Однако наконечники стрел не датируют могилу 128.

Приведенная ниже табл. В лишний раз свидетельствует о длительном употреблении в Прикамье бронзовых наконечников стрел. Из шести погребений четыре (11, 16, 85, 118) не могут быть датированы ранее I в. до н.э. Погр. 130, судя по его расположению на периферии могильника (рис. 11), тоже относится к числу поздних захоронений. Датирует погр. 128 эполетообразная застежка. Аналогичные застежки встречены в комплексах Чеганда II (погр. 159) и Старо-Чекмакского могильника (погр. 19) с височными подвесками отдела Б, типа 6. На кольцо старочекмакской подвески была напущена бочковидная темная бусина с продольными белыми полосками. По мнению Е. М. Алексеевой, бусы этого типа датируются II—I вв. до н.э. и про-

Таблица В

**Инвентарь погребений с бронзовыми наконечниками стрел
Юлдашевского могильника**

№ погр.	Кол-во стрел	Инвентарь
11	1	Бронзовые пряжки типа 2 вар. Б; типа 12; вис. подвески отд. Б, типа 3.
16	2	Бронзовые пряжки типа 2, 16; нагрудная застежка типа 2, вар. В; удила типа 4, вар. В; железные наконечники стрел.
85	1	Бронзовые пряжки типа 4, 8; кинжал типа 3; удила типа 1; железные наконечники стрел; костяные наконечники стрел типа 1.
118	2	Железная пряжка типа 5; костяные наконечники стрел типа 1.
128	20	Эполетообразная застежка типа 1; наконечник копья.
130	1	—

должают встречаться в I—II вв. н.э.⁶⁷ Учитывая периферийное расположение могилы 128, видимо, ее надо датировать временем не ранее I в. до н.э. Верхняя дата памятника определяется на основании находки железных удил типа 4 в погр. 16, расположенного на периферии могильника. Аналогичные удила по находке фибулы в сарматских древностях датируются концом I — началом II в. н.э.⁶⁸ Не противоречат этому сапожковая (погр. 35) и листовидные подвески, встреченные в ряде могил, железные пряжки типа 5, которые характерны для стадии II могильников Чеганда II и Ныргында II. В целом инвентарь стадии II Юлдашевского могильника немногочислен, более полно представлены погребения стадии I. Исходя из этого, памятник может быть датирован I в. до н.э. — началом II в. н.э.

III Кушулевский могильник. В течение 1969–1971 гг. Б. Б. Агеевым и Н. А. Мажитовым исследовано 324 погребения. Могильник был предварительно датирован I в. до н.э. — III в. н.э.⁶⁹ Определение

нижней даты памятника по бронзовым предметам затруднительно. На первый взгляд, на раннюю дату, кажется, указывают бронзовые трехлопастные наконечники стрел, встреченные в семи погребениях.

Таблица Г

Инвентарь погребений с бронзовыми наконечниками стрел
III Кушудевского могильника

№ погр.	Бронз.	Железн.	Костян.	Прочий инвентарь
205	7	8	12	Бр. пряжка типа 3; жел. пряжки типа 5
275	5	5	—	Бр. пряжка типа 3; жел. пряжки типа 5
288	2	1	—	Бр. пряжка типа 12
306	6	1	—	Меч типа 4, наконечник копья
307	2	2	10	Височная подвеска отд. Б, тип 13, вариант Б
322	5	—	1	—
324	1	—	12	—
Всего...	28	16	35	

Как видно из табл. Г, в трех погребениях они сочетались только с железными трехлопастными черешковыми наконечниками, в двух — с костяными пирамидальными втульчатыми наконечниками, в двух — встречены бронзовые, железные и костяные наконечники. Судя по сопровождающему инвентарю, погребения не могут быть датированы ранее I в. до н.э. Костяные пирамидальные втульчатые наконечники стрел встречены в гуннских и сарматских древностях, где датируются I в. до н.э. — II — началом III вв. н.э. Не противоречат этой дате развитые формы бронзовых пряжек из погр. 205, 275, 288, железные пряжки с подвижным язычком и двулезвийный меч с бронзовым перекрестием из могилы 306. Аналогичные мечи есть в среднесарматских могильниках, дата которых определяется I в. до н.э. — I в. н.э.⁷⁰ Из погр. 318 происходят две восьмеркообразные пряжки и эполетообразная застежка, которые, несомненно, являются ранними предметами. Однако они сочетались с бронзовыми пряжками типа 4, 7, которые бытовали в I в. до н.э. — I в. н.э. К ранним типам относится бронзовая цельнолитая прямоугольная пряжка (тип 15) из погр. 156. Однотипные пряжки в южных памятниках датируются III—II вв. до н.э.⁷¹ Этой дате противоречат находки вместе с ней двух бронзовых пряжек (тип 2, вариант А; тип 8) более позднего времени.

Наиболее многочисленную группу находок составляют стеклянные бусы. Построенная на их основе графическая схема (рис. 12) датировки показывает, что из 29 типов бус только два (отдел Б, типы 5, 6) имеют широкие хронологические рамки — III—I вв. до н.э., I—III вв. н.э. Четыре типа бус появляются во II в. до н.э. и продолжают бытовать в первые века нашей эры. Бусы из египетского фаянса относятся к I в. до н.э. — I—III вв. н.э. I—II вв. н.э. датируются практически все полихромные бусы. Девять типов бус бытовали в I—III вв. н.э., а часть из них и в более позднее время. Следует отметить, что

большинство бус, имеющих широкие хронологические рамки (III в. до н.э. – III в. н.э.), сочетаются в ожерельях с поздними. В целом имеющийся материал не позволяет с уверенностью отнести начало функционирования могильника ко времени ранее I в. до н.э. Наиболее полно представлена ранняя стадия, хронологические рамки которой определяются I в. до н.э. – I в. н.э. Инвентарь ранних погребений представлен небольшими эполетообразными застёжками с одним жгутом, бронзовыми, железными черешковыми и костяными пирамидальными втульчатыми наконечниками стрел, бронзовыми и железными пряжками с неподвижным язычком, простыми двухсоставными удилами и т.д.

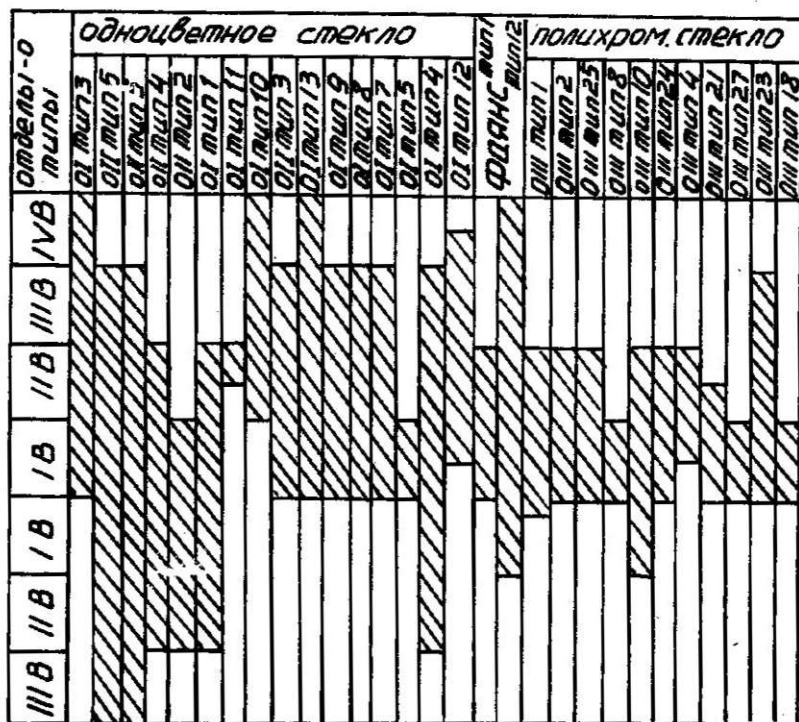

Рис. 12. Графическая схема датировки стеклянных бус
III Кушувельского могильника

Вторая стадия могильника представлена листовидными височными подвесками, прямоугольными поясными накладками, железными пряжками с подвижным язычком, железными удилами со стержневыми псалиями, круглыми нагрудными бляхами из зеркал, прямоугольными нагрудными бляхами, двулезвийным мечом без перекрестия и наконечником. В целом перечисленный инвентарь аналогичен поздним комплексам могильника Четанда II, датируемым II–III вв. н.э. Не противоречат этой дате и круглые нагрудные бляхи

из зеркал. Аналогичные бляхи найдены в Ахтиальском кладе вместе с чашей римской работы и относятся к концу II — началу III вв. н.э.⁷² Круглые бляхи из зеркал в Трошковском кладе встречены с прямоугольными нагрудными бляхами. Время зарытия клада В. Ф. Генинг относит к концу II — началу III вв. н.э.⁷³ В то же время сопоставление инвентаря поздней стадии III Кушулевского могильника с комплексами Чеганда II и Ново-Сасыкульского могильника обнаруживает между ними определенные различия, видимо, хронологического порядка. Исходя из этого, дата III Кушулевского могильника определяется I в. до н.э. — II в. н.э.

Ново-Сасыкульский могильник. В течение 1976–1980 гг. С. М. Васюткиным и В. К. Калининым вскрыто 415 погребений. Памятник исследован полностью. С. М. Васюткин и В. К. Калинин считают, что первоначально захоронения производились на восточной окраине песчаной дюны, а в дальнейшем заполнение шло к западной и северной сторонам. На основании находок 14 античных фибул в 13 погребениях они датировали могильник I–III вв. н.э.⁷⁴ Для выяснения времени попадания фибул в захоронения была построена схема их графической датировки (рис 13). На первый взгляд кажется, что фибулы на могильник попали в два потока: 1) в первую половину I в. н.э. — раннеримские шарнирные фибулы „Авцисса” (погр. 10, 43), 2) в II–III вв. н.э. — пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника (погр. 13, 144, 224, 253, 281), сильно профилированные фибулы с бусиной на головке и с крючком для тетивы (погр. 1, 300, 309) и лучковые подвязные фибулы (погр. 139, 164). Концом I в. — началом II в. н.э. датируется фибула с завитком на конце сложного пластинчатого приемника из погр. 75. Для выяснения обстоятельств попадания фибул в могилы было произведено картографирование на общем плане памятника погребений с фибулами, с эполетообразными застёжками, с бронзовыми пряжками (типы 18, 19, вар. А; 20, 21), с бронзовыми застёжками с неподвижным крючком (тип 2, 3). В результате выяснилось, что могильник заполнялся с востока на запад концентрическими кругами. Погребения с фибулами оказались сосредоточенными в южной части могильника, как бы оконтуривая памятник по периметру с востока на северо-запад (рис. 14). При этом погребения с фибулами „Авцисса” (10, 43) оказались расположенными между могилами, в которых найдены фибулы II–III вв. н.э. Такое расположение возможно при условии роста могильника от погребений с фибулами „Авцисса” в противоположные направления — на восток и запад или при условии, что захоронения в них одновременны погребениям II–III вв. н.э. Однако инвентарь могильника свидетель-

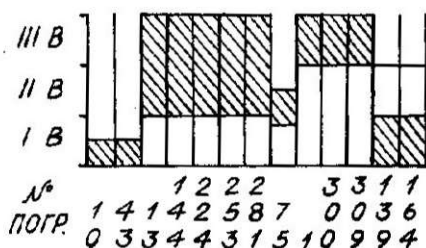

Рис 13. Графическая схема датировки фибул Ново-Сасыкульского могильника

схема датировки фибул Ново-Сасыкульского могильника

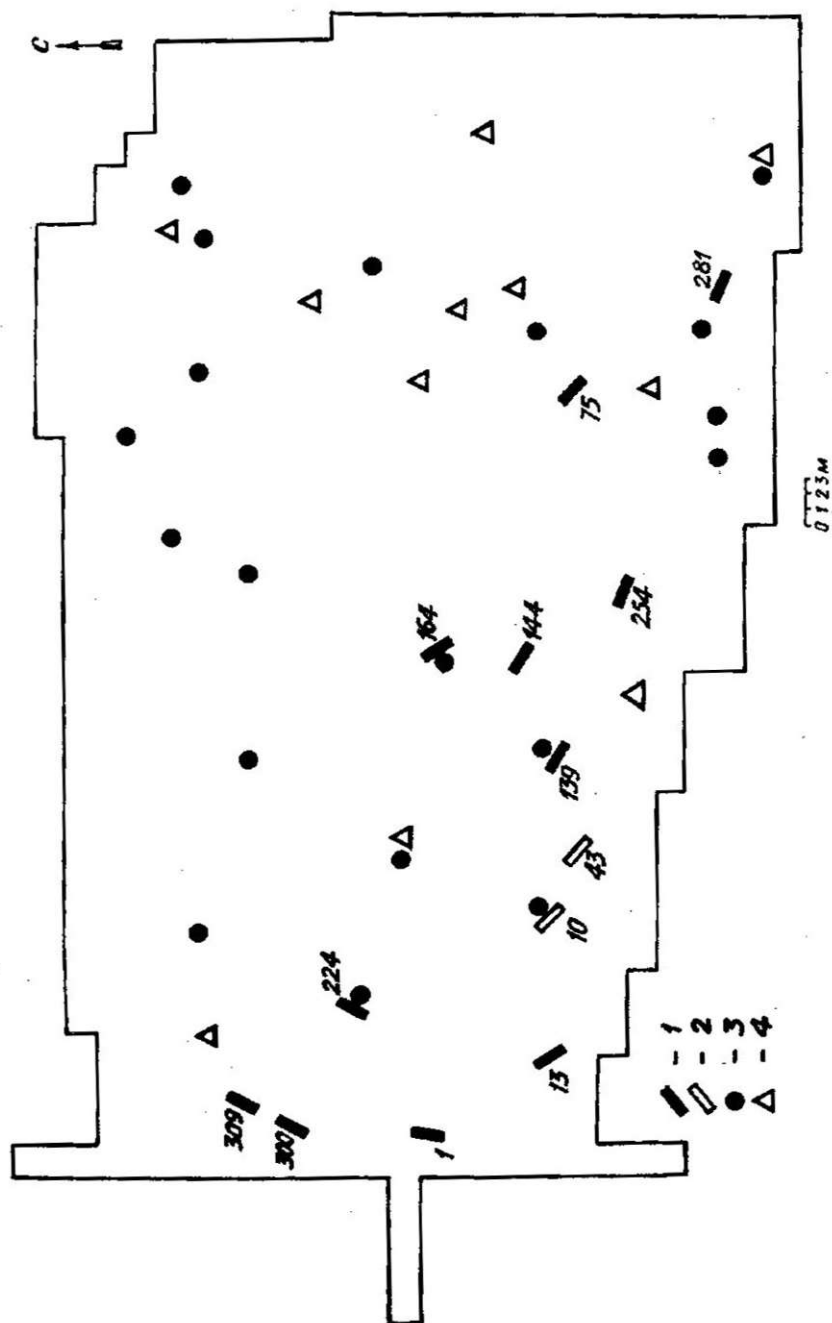

Рис. 14. Расположение на Ново-Сасыкульском могильнике погребений с фибулами и пряжками:

1 — фибулы II—III вв. н.э., 2 — фибулы „Авцисса“, 3 — пряжки с подвижным язычком, 4 — пряжки с неподвижным язычком

стует, что рост его происходил концентрическими кругами и при этом условии фибулы „Авцисса“, датируемые первой половиной I в. н.э., не могли попасть в могилы раньше фибул II–III в. н.э. Приведенные данные говорят о том, что фибулы „Авцисса“ запаздывают и не датируют памятник. Все фибулы на могильник, что подтверждается и остальным инвентарем погребений, попали в одно и то же время – II–III вв. н.э.

* * *

Таким образом, пьяноборская культура датируется концом II в. до н.э. – III в. н.э. и прошла в своем развитии две стадии. Ранняя стадия I (конец II в. до н.э. – I в. н.э.) представлена комплексами Чеганда II, Нырғында II, I Уяндыкского, Камышлы-Тамакского, Юлдашевского и III Кушулевского могильников. Стадия II пьяноборской культуры относится к II–III вв. н.э. Наиболее полно выражены комплексы этого времени на могильниках Чеганда II, Нырғында II, менее выразителен инвентарь поздних погребений I Уяндыкского, Камышлы-Тамакского, Юлдашевского и III Кушулевского могильников. Инвентарь Афонинского и Ново-Сасыкульского могильников полностью относится к стадии II пьяноборской культуры.

¹Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 89.

²Там же. С. 64.

³Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. М., 1952. № 30. С. 104.

⁴Мерперт Н. Я. Акиак с когтевидным навершием // КСИИМК. М., 1948. Вып. 22, С. 79.

⁵Генинг В. Ф. История населения... // ВАУ. Свердловск, 1971. Вып. 11. С. 136.

⁶Агеев Б. Б. К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976. С. 10.

⁷Смирнов А. П. Могильники пьяноборской культуры // КСИИМК. М., 1949. Вып. 25. С. 22.

⁸Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья... // ВАУ. Вып. 10. С. 92. Табл. VIII, 9–13.

⁹Там же. С. 82.

¹⁰Лшеничнюк А. Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 40; Он же. Юлдашевский могильник // Там же. С. 69.

¹¹Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. М., 1959. № 1. С. 62; Мошкова М. Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИИМК. М., 1962. Вып. 89. С. 81.

¹²Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. М., 1960. № 78. С. 297, 301; Она же. Памятники прохоровской культуры // САИ, Д1–10. 1963. С. 40; табл. 25.

¹³Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки. С. 297.

¹⁴Смирнов К. Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78. С. 193.

¹⁵Там же. С. 226.

¹⁶Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск, 1987. С. 13–14, 21, 22.

¹⁷Генинг В. Ф. Памятники мазунинской культуры в Среднем Прикамье // ВАУ. Свердловск, 1967. Вып. 7. С. 49–53.

- ¹⁸ Там же. С. 85—115, 123—115.
- ¹⁹ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 31—33, 88—93.
- ²⁰ Там же. С. 31.
- ²¹ Там же. С. 32.
- ²² Там же. С. 31; рис. 13.
- ²³ Там же. С. 33—40.
- ²⁴ Там же. С. 33—34.
- ²⁵ Там же. С. 34.
- ²⁶ Там же. С. 91.
- ²⁷ Там же. С. 92.
- ²⁸ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. М., 1978. Вып. Г1-12. С. 72, 30—31.
- ²⁹ Агеев Б. Б. К хронологии могильника Чеганда II//СА. 1976. № 3. С. 64.
- ³⁰ Алексеева Е. М. Указ. раб. С. 63.
- ³¹ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. С. 41.
- ³² Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. М., 1959. № 60. С. 508.
- ³³ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. М., 1975. Вып. Г1-12. С. 48.
- ³⁴ Алексеева Е. М. Античные бусы... 1978. С. 62—65.
- ³⁵ Алексеева Е. М. Античные бусы... 1975. С. 44.
- ³⁶ Там же. С. 42.
- ³⁷ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. М., 1966. Вып. Д1-30. С. 40, 43, 44; табл. 5, 9, 11; 8, 6—8.
- ³⁸ Агеев Б. Б. Указ. соч. С. 63—66.
- ³⁹ Худяков М. Г. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г.//Материалы ГАИМК. Л., 1933. Вып. 2. С. 18—19.
- ⁴⁰ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 90. Табл. О.
- ⁴¹ Там же. С. 90.
- ⁴² Шилов В. П. Указ. раб. С. 464. Табл. 51.
- ⁴³ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 32.
- ⁴⁴ Амброз А. К. Указ. раб. С. 44; табл. 5, 9—11.
- ⁴⁵ Генинг В. Ф. Указ. раб. С. 90. Табл. О.
- ⁴⁶ Ашихмина Л. И., Ключева Г. Н. Икский могильник — новый памятник пьяноборской культуры//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 52.
- ⁴⁷ Ключева Г. Н., Ютина Т. К. Исследования памятников железного века в Удмуртской и Татарской АССР//АО 1978 г. М., 1979. С. 180—181.
- ⁴⁸ Голдина Р. Д. Указ. раб. С. 49—53.
- ⁴⁹ Генинг В. Ф. Памятники мазунинской культуры. С. 23, 55.
- ⁵⁰ Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 50, 53—54, 57. Табл. 15.
- ⁵¹ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы//СА. 1971. № 3. С. 108. Рис. 9, 3.
- ⁵² Мажитов Н. А. Чигатевский могильник//БАС. Уфа, 1959. С. 100—109.
- ⁵³ Смирнов К. Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское Волгоградской области//МИА. 1959. № 78. С. 114.
- ⁵⁴ Дашевская О. Д. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского//ВДИ. № 2. 1951. С. 134.
- ⁵⁵ Скрипкин А. С. Указ. раб. С. 57.
- ⁵⁶ Мажитов Н. А., Пшеничник А. Х. Камышлы-Тамакский могильник//АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 38—52.
- ⁵⁷ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 52.
- ⁵⁸ Скрипкин А. С. Указ. раб. С. 49; рис. 13, 6.
- ⁵⁹ Медведев А. П. Погребение воина в I Чертовицком могильнике//История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 123—124.

- ⁶⁰Алексеева Е. М. Античные бусы... 1978. С. 62.
- ⁶¹Скрипкина А. С. Указ. раб. С. 50, 53-54.
- ⁶²Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья... // ВАУ. Вып. 11. С. 131.
- ⁶³Пшеничнюк А. Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур... С. 42.
- ⁶⁴Погребова Н. Н. Погребение в Мавзолее Неаполя Скифского//МНА. М., 1961. № 96. С. 163.
- ⁶⁵Шилов В. П. Указ. раб. С. 464; табл. 51.
- ⁶⁶Пшеничнюк А. Х. Юлдашевский могильник. С. 45-73.
- ⁶⁷Алексеева Е. М. Античные бусы... 1975. С. 43, тип 190 б.
- ⁶⁸Медведев А. П. Указ. раб. С. 123-124.
- ⁶⁹Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. III Кушудевский могильник пьяноборской культуры//Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 94.
- ⁷⁰Рыков П. С. Суловский курганный могильник//Ученые записки Саратовского университета. Саратов, 1925. Т. IV. Вып. 3. С. 73; Силицын И. В. Археологические памятники по р. М. Узень//КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 108.
- ⁷¹Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки. С. 300.
- ⁷²Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья... // ВАУ. Вып. 11. С. 84.
- ⁷³Там же. С. 108.
- ⁷⁴Васюткин С. М., Калинин В. К. Ново-Сасыкульский могильник//Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 97, 106-107, 121-122.

Глава 4. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НАСЕЛЕНИЯ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пьяноборский союз племен

В предшествующей пьяноборской ананьинской культуре существовали лишь кратковременные союзы племен¹. Появление постоянных союзов в Прикамье исследователи относят к рубежу нашей эры. Основным условием для их возникновения было полное вытеснение бронзовых орудий труда и вооружения железными, приведшее, во-первых, к росту производительных сил и концентрации населения на небольших территориях, во-вторых, к углублению процесса распада и появлению тенденций к сохранению первобытно-общинных отношений². В. Ф. Генинг одним из свидетельств сложения пьяноборского племенного союза считает необычайную однотипность вещевого материала всей культуры, происшедшую в результате концентрации и тесного общения населения. Несмотря на общую нивелировку культуры, им выделены сохранившиеся отдельные племенные традиции, заключающиеся в различиях керамики, ориентировки погребенных на могильниках, размерах и формах трубиц спирально-витых височных подвесок в виде знака вопроса. Расположение малых городищ по р. Белой, по его мнению, связано с единой организацией, а именно, союзом племен³. Однако ограниченность материала не позволила исследователю локализовать на определенной территории отдельные племена пьяноборского союза.

В настоящее время на сравнительно небольшой территории известно 32 могильника и 140 поселений. Исходя из имеющегося материала, автор попытался в одной из своих работ локализовать отдельные группы пьяноборского населения⁴. Было обращено внимание, что памятники располагаются „гнездами” или „кустами” (рис. 15). Почти во всех гнездах представлены как поселения, так и могильники. Кусты отделяются друг от друга свободными пространствами, достигающими в некоторых случаях до 20–30 км. Каждое гнездо памятников охватывает в среднем пространство в 30х30 км. Хорошо прослеживается кустовое расположение памятников на р. Ик: одна группа локализована на левом берегу нижнего течения реки, дру-

гая — на правом берегу в ее верховьях. Третья группа расположена в верховьях р. Сюнь, очень компактна группа памятников по нижнему течению р. Куваш. Территориально четко выделяется куст памятников по среднему течению р. Б. Танып. На первый взгляд, нет четкой границы между кустами, расположенными на правобережье р. Камы и нижнему течению р. Белой. Однако между этими группами существует естественная граница, которой является заболоченная камско-бельская пойма шириной 15–25 км. Такое гнездовое размещение памятников, на наш взгляд, вряд ли случайно и, видимо, связано с расселением определенных коллективов пьяноборского общества. Несомненно, что на расселение древнего населения большое влияние оказывал ландшафт — наличие удобных для поселений мест. Однако это не дает объяснения различиям в ориентировке погребенных и деталей женского костюма. Выделенные кусты памятников, состоящие из поселений и могильников, мной были отождествлены с племенными территориями, а различия в их материале с сохранением племенных различий. Расположение памятников отдельными группами для эпохи раннего железа в Прикамье извест-

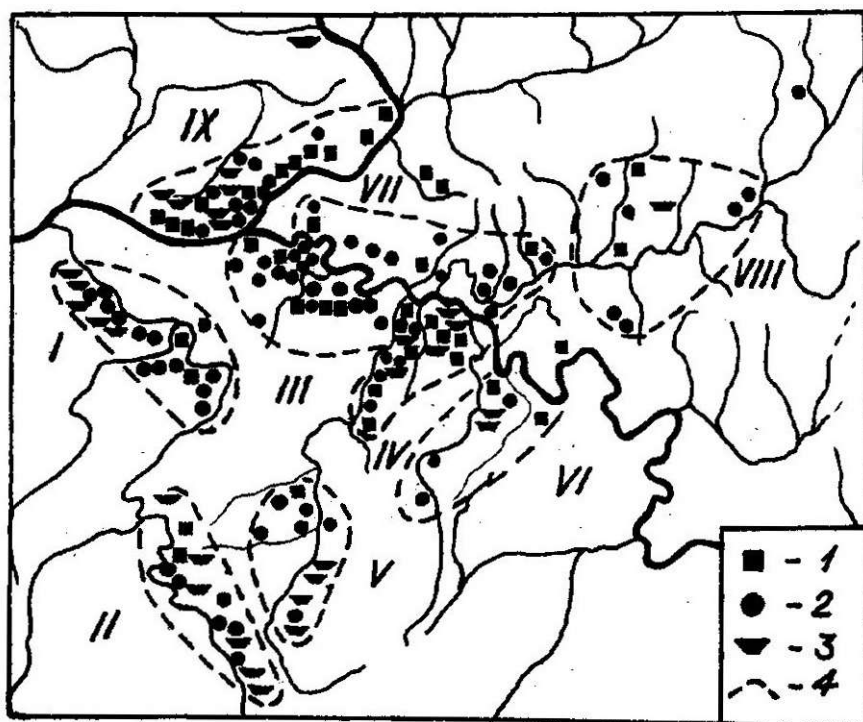

Рис. 15. Памятники пьяноборской культуры:

1 — городище, 2 — селище, 3 — могильник, 4 — границы племенных территорий; римскими цифрами обозначены номера племенных территорий

но в гряденовской культуре. Ю. А. Поляковым были выделены 8 локальных групп, представляющих, по его мнению, племенные территории⁵. Гнездовое размещение по 3–4 поселка, отстоящих друг от друга до 5 км, зафиксировано у восточно-славянских племен VIII – IX вв. н.э.⁶ Б. А. Рыбаков считает, что размеры гнезд, состоящих из 5, 10, 15 поселений-городищ, близки к размерам племен и охватывают площадь 30х60, 40х70 км⁷.

В последние годы В. А. Ивановым высказано сомнение в уровне социально-экономического развития, степени социального расслоения финно-угорского населения и существовании в Прикамье племенных объединений⁸. Однако приведенные им аргументы не представляются убедительными, а поскольку затронутые проблемы имеют важное значение не только для понимания истории племен Прикамья эпохи раннего железа и средневековья, но и для освещения истории финноязычного населения Волго-Уральского региона в целом, ниже мы подробнее рассмотрим некоторые аспекты возникновения союзов племен.

1 демографический аспект. В настоящее время известно 45 пьяноборских городищ⁹. Сведения о размерах (площади) имеются для 36, о мощности культурного слоя – для 32. Площадь 4 городищ до 1000; 9 – 4000; 7 – 6000; 6 – 8000; 3 – 10000; 4 – 15000; 3 – 30 – 40000 кв.м. Культурный слой до 20 см встречен на 9 поселениях, до 30 – на 6, до 40 – на 11, раскопками и разведочными шурфами на 13 городищах зафиксирована его мощность в 40–50 см. На ряде городищ напластования с культурными остатками на их склонах доходили до 100 – 200 см (Быргиндинское II, Верхне-Машкаровское, Верхне-Малиновское). На городище Чеганда I в углублении с внутренней стороны вала культурный слой доходил до 4 м глубины, на площадке он составлял 40–70 см¹⁰. На Серенькином городище (раскопки В. А. Иванова и автора) его мощность в северной части составляла 40–50 см, в южной – 140 см. В целом культурный слой в 30–50 см, видимо, является для пьяноборских городищ значительным. Во-первых, многие из них, по мнению исследователей, не были постоянно обитаемы: население на них появлялось в случае опасности и, видимо, в осенне-зимний период. Это диктовалось чисто практическими соображениями: близость к лесу и охотничьим угодьям. Во-вторых, часто культурный слой использовался для насыпки валов (Чеганда I, Юлдашевское и др.) и засыпки рвов, что замечено В. А. Ивановым при анализе оборонительных сооружений. В-третьих, отходы обычно выбрасывались на склоны городищ, а зола ссыпалась на определенных участках. В весенне-летний период население, видимо, перемещалось в поймы рек: поближе к рыбным угодьям, пастбищам и к участкам обрабатываемой под посевы земли. Это подтверждает сделанная ниже выборка из приведенных В. Ф. Генингом памятников¹¹ по следующим признакам: 1) мощность культурного слоя и его насыщенность находками, 2) площадь памятника, при отсутствии данных – протяженность распространения находок, 3) топография памятника. Памятники, с которых происходят разведочные сборы, но отсутствуют данные по двум из трех признаков, не учитывались. Выяснилось, что мы располагаем достоверными данными по 21 посе-

лению. Большинство из них расположено на *невысоких надлуговых террасах рек или стариц*, преобладают поселения площадью в 4000 – 10000 кв.м и культурным слоем в 30–40 и более сантиметров. Наряду с небольшими поселениями существовали селища площадью в 45000, 150000 и 250000 кв.м с культурным слоем 30–40 см (Тойгузинское II, Актанышское II и Подгорно-Байларское II).

Для освещения демографического аспекта проблемы большое значение имеют факты нахождения рядом синхронных могильников (I и II Пьяноборские, I и II Уяндыкские, I и II Деуковские, II и III Кушулевские, Камышлы-Тамакские), свидетельствующие о том, что они использовались двумя группами населения, обитавшими недалеко друг от друга.

Таким образом, данные поселений и могильников подтверждают мнение исследователей о значительной концентрации населения по среднему течению р. Камы.

II. Природно-хозяйственный аспект. Соответствует ли демографическая емкость ландшафта концентрации населения, наблюдаемой в пьяноборской культуре? Видимо, да.

Во-первых, при ее несоответствии, как известно, происходит сегментация рода или племени и часть населения вынуждена мигрировать в незаселенные районы. На археологическом материале переселение пьяноборских племен в необжитые области в рассматриваемое время не фиксируется. Зато четко прослеживается миграция позднепьяноборского (азелинского) населения в IV в. в Волго-Вятское междуречье. Однако это перемещение было связано не с нарушением демографической емкости ландшафта, а с историческими событиями, связанными с Великим переселением народов¹². Материалы могильников (Чеганда II, Ныргында II, Юлдашевский, II, III Кушулевский, I Уяндыкский и др.) свидетельствуют об их одновременности на всей территории культуры. На всех этих могильниках в различных соотношениях представлены как ранние, так и поздние погребения. Одновременно известны полностью исследованные (Афонинский, Ново-Сасыкульский) могильники, на которых погребения раннего этапа отсутствуют. Этот факт вполне объясним процессом сегментации рода (племени?): выделившееся из него население обосновалось на новой территории и оставило могильники следующего этапа культуры. Однако эти перемещения были на небольшие расстояния, носили локальный характер и, возможно, происходили на территории расселения одного и того же племени. Появление памятников по верхнему течению р. Ик, в которых отсутствуют ранние комплексы, говорит о сравнительно дальних миграциях избыточного населения на территории культуры.

Во-вторых, пьяноборская культура локализуется в благоприятном для жизнедеятельности человека климатическом и географическом районе – зоне смешанных лесов и лесостепи. Занимая сравнительно небольшую площадь, она была окружена большими незаселенными пространствами, что подтверждается отсутствием синхронных ей памятников на западе до р. Волги, на востоке – р. Уфы. По всей вероятности охотничьи угодья пьяноборского населения занимали обширную территорию. Однако охота, по мнению исследова-

телей, имела подсобное значение как средство добычи дополнительных запасов пищи. В питании населения зоны смешанных лесов преобладала продукция животноводства: свинина, затем мясо лошади, далее крупного и мелкого рогатого скота¹³. Возможно, уменьшение в рационе питания мяса лошади по сравнению с более северной таежной подзоной, где оно, по наблюдению А. Г. Петренко, играло главную роль наряду с мясом крупного рогатого скота, связано с применением лошадей в качестве тягловой силы при обработке почвы. К сожалению, орудия земледелия, кроме зернотерок, на пьяноборских поселениях не найдены. Находки злаков известны в двух пунктах Прикамья. На Ново-Кабановском городище ананьино-пьяноборского времени, расположенном в нижнем течении р. Белой, найдены зерна полбы, на Осинском, находящемся в 160 км севернее, — зерна полбы, мягкой и карликовой пшеницы, ячменя, овса. Последний не являлся самостоятельной культурой, а был засорителем посевов. Определенный состав сорных растений, а также весьма широкий набор выращиваемых культурных растений, по мнению Ю. А. Краснова, говорят о наличии старопашотных почв и относительно высоком уровне (выделено мною. — А.Б.) земледельческого хозяйства, что несовместимо с представлением о подсеке как господствовавшей, а тем более единственной системе земледелия¹⁴. По всей вероятности, пьяноборскому населению, кроме подсечно-огневого земледелия, были известны и краткосрочные перелог, когда участок не обрабатывался в течение определенного времени, а затем население возвращалось к нему. Именно этим можно объяснить расположение памятников „гнездами” или „кустами”, которые были интерпретированы на основании материалов могильников как племенные территории¹⁵.

Таким образом, одновременность большинства могильников, наличие поселений со значительным культурным слоем и имеющиеся данные по хозяйству свидетельствуют лишь о небольших перемещениях внутри племенных территорий и культуры, длительном использовании населением природных ресурсов отдельных участков.

III. Социально-экономический аспект. Несмотря на необычайное однообразие материальной культуры, между памятниками левобережья и правобережья р. Камы имеются определенные различия, на основании которых было выделено два варианта пьяноборской культуры¹⁶. Отметим, что два варианта выделены А. Х. Пшеничником и в кара-abyзской культуре¹⁷. Наличие локальных вариантов свидетельствует о более крупном, чем племя, объединении — союзе племен.

Появление постоянных объединений племен в Прикамье было обусловлено самим процессом исторического развития местного населения. Несомненно, что в возникновении их определенную роль играла внешняя опасность. Как правило, при отсутствии угрозы извне они распадались, поэтому объединения прикамского населения следует рассматривать не как политический союз племен, а как конфедерацию, союз или группу племен, имеющих общее происхождение, язык, идеологию, территорию и находящихся на одном социально-экономическом уровне развития. Концентрация и рост населе-

ния привели к усилению кровнородственных отношений, которые диктовались не только общностью происхождения, но и дуально-экзогамными брачными связями, при этом участвующие роды (фратрии?) считались состоящими в тесных родственных отношениях, родственниками, что зафиксировано у многих народов. Согласно этнографическим данным, женщина, перейдя в новый род, кроме атрибутов собственного рода (украшения и т.д.), приобретала и символы нового рода¹⁸. По всей вероятности, ее должны были хоронить по обряду того рода, из которого происходила. Интерес в этом плане представляет Камышлы-Тамакский могильник, антропологический материал которого обработан М. С. Акимовой. На первый взгляд, создается впечатление, что погребения на территории могильника располагаются беспорядочно, хотя в расположении некоторых могил исследователи усматривают ряды¹⁹. Деление погребений по полу и ориентировке показало, что женские могилы ориентированы на юго-восток и северо-восток (рис. 16). Отклонение от этого правила составляют погр. 15, 16, 27, 36, 64, 79, в которых умершие лежали на северо-запад. В двух могилах (15, 36) были захоронения женщины и подростка, женщины и ребенка, погр. 16 содержало захоронение девочки, в могиле 79 у костяка отсутствовал череп, хотя

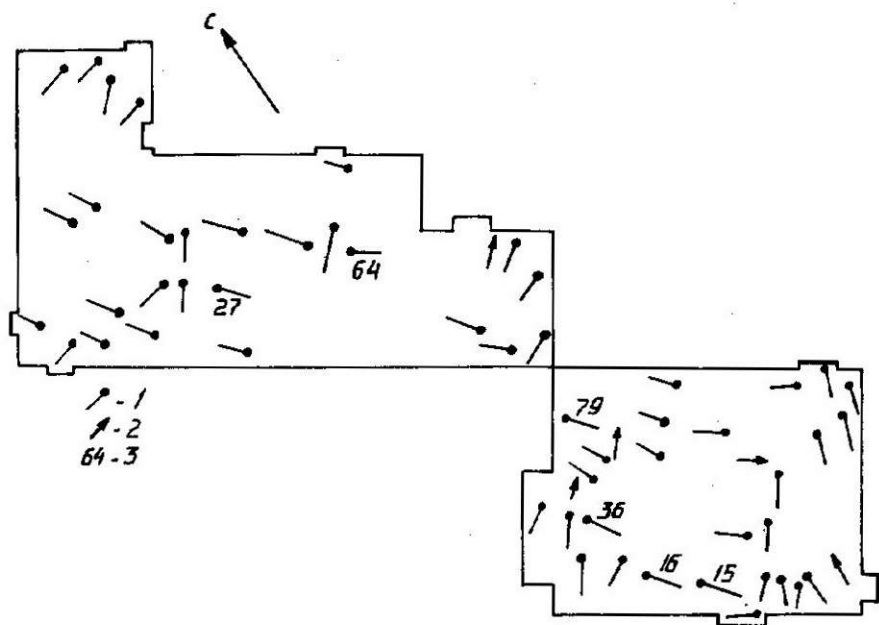

Рис. 16. Расположение на Камышлы-Тамакском могильнике женских погребений:
1 — женские могилы, 2 — пол не определен, предположительно женское,
3 — номера погребений

остальные части скелета лежали в анатомическом порядке. У погребенного в могиле 64 пол не определен, по инвентарю он может быть условно отнесен к группе женских. Лишь погр. 27 по антропологическому материалу и инвентарю является женским. Юго-восточная ориентировка преобладает в мужских могилах (рис. 17). В четырех погребениях (6, 7, 8, 48) прослежена северо-западная ориентировка. При этом одно погребение (48) было парным и костяки в нем были ориентированы в противоположные стороны, могила 6 наряду с женскими вещами (бусы, височные подвески) содержала и мужские (вооружение), в погр. 8 пол умершего не определен, а по инвентарю оно может быть отнесено к мужским. На северо-восток ориентирована могила 43, над которой находилось детское захоронение. В це-

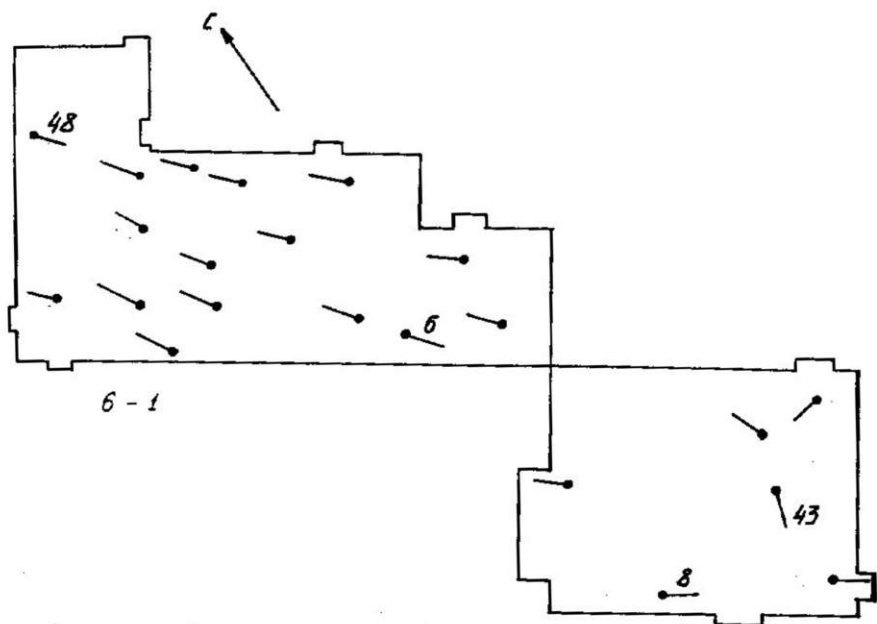

Рис. 17. Расположение на Камышлы-Тамакском могильнике мужских погребений: 1 — номера погребений

дом наблюдаемые отклонения в ориентировке женских и мужских могил были, видимо, продиктованы особыми обстоятельствами (парные, детские захоронения и т.д.) в представлении древнего населения и не затеяют четкой картины расположения погребений на могильнике. Исходя из этого, можно считать, что похороненные на могильнике женщины являются представителями других родов, для которых была характерна северо-восточная и юго-восточная ориентировка, а мужчины — из местного рода (при условии, что брак был патрилокальным). Не исключено, что женские могилы с юго-восточной ориентировкой оставлены представительницами также местного рода.

Концентрация населения привела к усилению экономических связей. Определенную роль в этом процессе играли металлургия и металлообработка бронзы и железа. Сложные технические приемы (литье, пайка и т.д.) свидетельствуют о наличии в пьяноборском обществе узкого круга людей-ремесленников. Однако трудно представить, что крупные клады бронзовых вещей (Чегандинский II, Трошковский и др.) весом до 10 кг и более были изготовлены одним человеком. Трудоемкость операций, связанных с плавкой металла (добыча, доставка сырья, плавка и т.д.), требует участия определенного коллектива: рода или большой семьи, в которых секреты и традиции металлообработки передавались из поколения в поколение. Именно этим объясняется устойчивость форм, орнаментальных мотивов и техники изготовления бронзовых предметов. В то же время массовость и однотипность бронзовых украшений говорят о существовании центров по их производству, работающих на межплеменной рынок и консолидации вокруг них населения. О существовании центров металлургии свидетельствует широкое распространение прикамских украшений в памятниках Среднего Поволжья, что в свое время вызвало оживленную дискуссию об их культурной принадлежности. В развитии экономических связей значительное место отводилось торгово-меновым отношениям с южным миром, в которых не все племена играли одинаковую роль. В контакт с кочевниками, посредниками с античным миром, входило, прежде всего, население, расположенное на границе сарматских кочевий, что хорошо прослеживается на материале ряда могильников, в которых много находок вещей южного происхождения (бусы, фибулы, предметы вооружения). Однако в пьяноборском объединении племен экономическое положение не у всех групп населения было одинаковым. Выделяются богатством инвентаря Камышлы-Тамакский, Юлдашевский могильники. По всей вероятности, они оставлены экономически сильными родами. В то же время внутри родов, судя по материалам могильников, наблюдается сильное имущественное расслоение. Так, на могильнике Чеганда II погребения без инвентаря составляют 36,8%, на III Кушулевском — 23,1%, Юлдашевском — 13%, Камышлы-Тамакском — 20%. В. Ф. Генинг по количеству вещей, их назначению в наряде разделил все погребения могильника Чеганда II на пять групп: богатейшие, богатые, рядовые, бедные и беднейшие. Исходя из этого, он считает, что в пьяноборской родовой общине наблюдается значительная имущественная дифференциация²⁰.

Таким образом, пьяноборское общество было также и экономическим объединением родственных племен, в котором наблюдалась значительная дифференциация как между отдельными племенами и родами, так и внутри рода.

Большесемейные группы в пьяноборском обществе

В предыдущей главе уже говорилось, что могильник Чеганда II рос не как одно целое, а хронологическо-территориальными группами. Для выявления системы в заполнении могил этих групп было произведено картографирование мужских, женских и детских погребений, а также глубина могильных ям. К сожалению, у 15% (34 погребения)²¹ погребенных пол не определен и погребальный инвентарь отсутствует, что создает ряд трудностей в использовании этих данных. Так, например, к группе a_1 по таблице, приведенной В. Ф. Генингом, может быть отнесено 12 женских и 10 неопределенных по антропологическому материалу и инвентарю погребений, которые с большой долей вероятности можно считать мужскими. Трудно предположить, что наиболее ранняя часть могильника, насчитывающая в общей сложности 22 погребения, состояла из одних женских захоронений. В Прикамье ни в ананьинское, ни в более позднее время на могильниках такое явление не прослежено. В других группах мужские, женские, детские и неопределенные по антропологическому материалу и инвентарю захоронения распределяются следующим образом: a_1 — 13 мужских, 28 женских, 20 детских и 13 неопределенных, g_2 — 12, 15, 8 и 2, g_3 — 5, 12, 11 и 1, b_2 — соответственно 4, 3 и 2 (рис. 6). Остальные группы погребений (g_1 , b_1) разрушены рекой, а b_3 — исследована, видимо, полностью. Интересная картина за исключением участка a_1 , где они вообще отсутствуют, наблюдается в расположении детских и подростковых могил. На участках g_1 и g_3 детские и подростковые захоронения совершены вокруг погребений взрослых, как бы ограничивая территорию групп. Тенденция к расположению детских могил на периферии наблюдается и на участке g_2 (рис. 6). Основную массу погребений группы a_1 опоясывают с трех сторон детские могилы, прерывистая цепь которых делит эту группу на две части. Внутри первого ряда детских могил располагаются более ранние захоронения взрослых, инвентарь которых представлен бронзовыми пряжками с неподвижным крючком, височными подвесками с литой трубицей и т.д. Второй круг детских захоронений ограничивает более поздние по времени могилы взрослых. Сопровождающий инвентарь этих погребений существенно отличается от предыдущих и состоит из скюльгам, железных пряжек с подвижным язычком, листовидных подвесок и т.д. В связи с этим можно предположить, что по мере роста группы погребений появлялся новый ряд детских могил. Вряд ли подлежит сомнению, что в этих группах захоронены люди, связанные между собой тесными родственными отношениями. Если это так, то группы погребений отражают структуру пьяноборского коллектива, состоящего из нескольких подразделений, имеющих свое место захоронения на общем кладбище.

Расположение погребений синхронными группами характерно не только для могильника Чеганда II, но и для других памятников пьяноборской культуры. Наиболее хорошо это прослеживается на III Кушулевском и Юлдашевском могильниках, которые исследованы почти полностью.

Картографирование погребений с поздними височными подвесками (отдел Б, типы 4, 10) на общем плане Юлдашевского могильника показало, что в северной части они располагаются по кольцу. Два погребения находятся в южной части могильника. Погребения с прямоугольными поясными накладками и „сапожковидной” подвеской сосредоточены полукругом также в северной части могильника. Картографирование бронзовых застёжек с крючком различных типов и железных пряжек с подвижным язычком показало, что погребения с поздними предметами находятся как в северной, так и в южной половине могильника. Захоронения без инвентаря расположены вокруг какого-то условного центра могильника. Интересную картину дает расположение детских погребений (рис. 18). В северной части

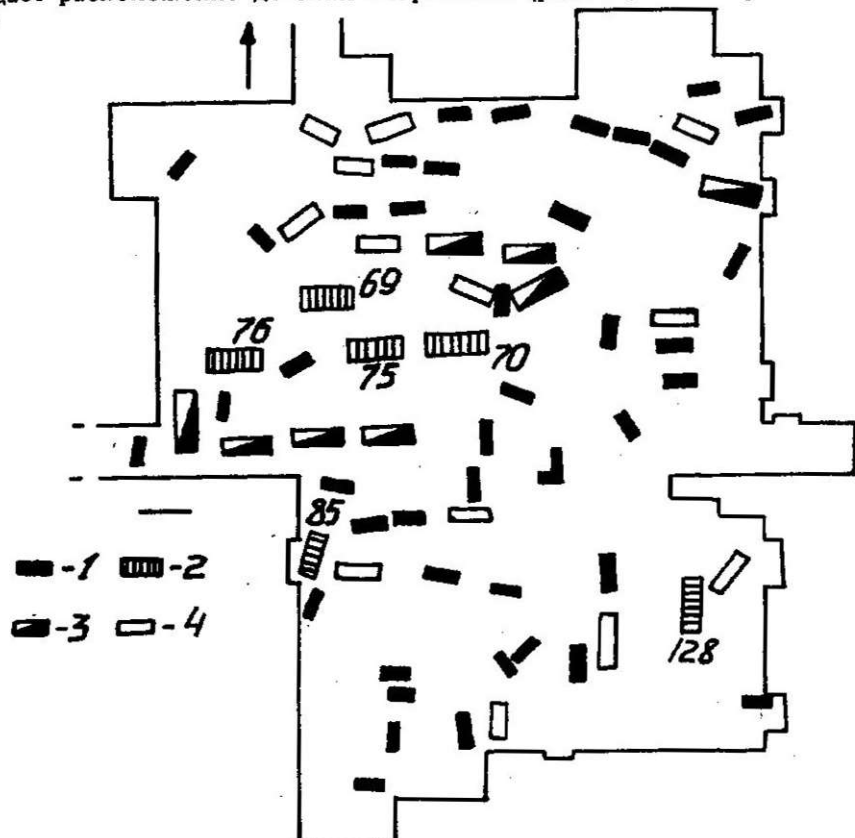

Рис. 18. Расположение на Юлдашевском могильнике детских погребений и могил с различными комплексами вооружения:

- 1 — детские, 2 — с палашами, кинжалами, копьями, стрелами и удилами, 3 — с кинжалами, копьями, стрелами и удилами, 4 — со стрелами

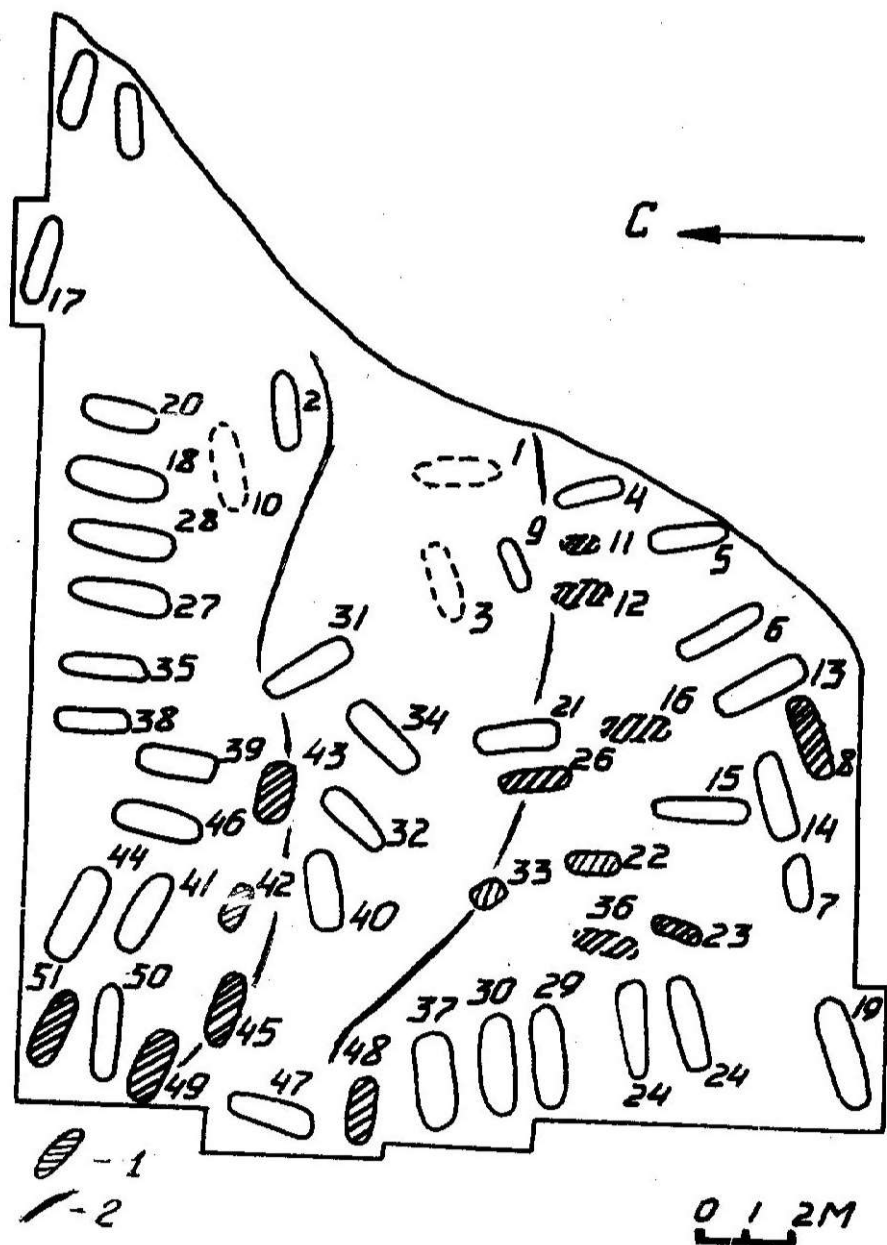

Рис. 19. Общий план Старо-Киргизовского могильника:
1 — детские могилы, 2 — границы групп погребений

они располагаются тремя концентрическими полукругами, в южной — одним полукругом. Благодаря проведенной работе на Юлдашевском могильнике выявлена полностью исследованная группа погребений, в которой 22 мужских, 17 женских, 32 детских и 6 неопределенных по инвентарю захоронений. Остальные две группы находятся в южной половине могильника и раскопаны частично. Все три скопления погребений, как показывает их инвентарь, одновременны. Детские могилы как и на могильнике Чеганда II располагаются по краям групп.

Пространства, свободные от захоронений, есть и на Старо-Киргизовском могильнике (рис. 19). Детские могилы (погр 42, 43, 45, 49, 51) располагаются полукругом у одной группы и ограничивают прерывистым рядом (погр. 11, 12, 16, 26, 22, 23, 33, 36, 48) другую. Обе группы погребений, судя по инвентарю, одновременны.

Аналогичная картина наблюдается на могильнике Старый Чекмак (раскопки П. Н. Старостина). На нем выделяется четыре хронологическо-территориальные группы, которые содержат как ранние, так и поздние захоронения. Между группами I и II расположены детские погребения 9, 10, 11. В группе I, хотя она исследована частично, могилы в отличие от группы II имеют другую ориентировку. Группы II и III отделены друг от друга детскими погребениями 4, 14, 15 и 16.

Несколько иная картина наблюдается на III Кушулевском. В расположении детских могил выявить определенный порядок не удалось. Возможно, это объясняется тем, что памятник длительное время распахивался и детские захоронения, обычно совершенные в почвенном слое, разрушены. Сохранившиеся же погребения не дают четкой картины, хотя в их расположении можно усмотреть ряды или отдельные группы. В южной части могильника находится двойной ряд детских захоронений, прерывистая их линия тянется в восточной, и сплошным рядом они расположены в центре. На первый взгляд, в распространении эполетообразных застеек на площадке памятника также нет определенной системы. Погребения с эполетообразными застеечками с одним жгутом расположены прерывистой линией в центре могильника. В северо-восточной части находятся два погребения с эполетообразными застеечками с одним жгутом и двумя соединительными шнурами и две могилы с трехжгутовыми застеечками. Одно погребение с застеечкой с тремя жгутами зафиксировано в юго-восточной части памятника. Картографирование железных пряжек с подвижным язычком и бронзовых типа 8 показало, что они сосредоточены в нескольких местах (рис. 20). Фиксация на плане некоторых распространенных типов украшений позволило выявить две большие группы. Это хорошо видно из расположений могил с поздними типами височных подвесок (типы 1, 4, 12), которые перерезают могильник в центральной части с востока на запад, образуя полукруг. Вторая группа погребений с подвесками сосредоточена в северной половине памятника. Выявленная картина показывает, что III Кушулевский могильник представлял первоначально два самостоятельных кладбища, заполнение которых с юга на север привело к их слиянию.

Таким образом, почти на всех могильниках выделяются хрооло-

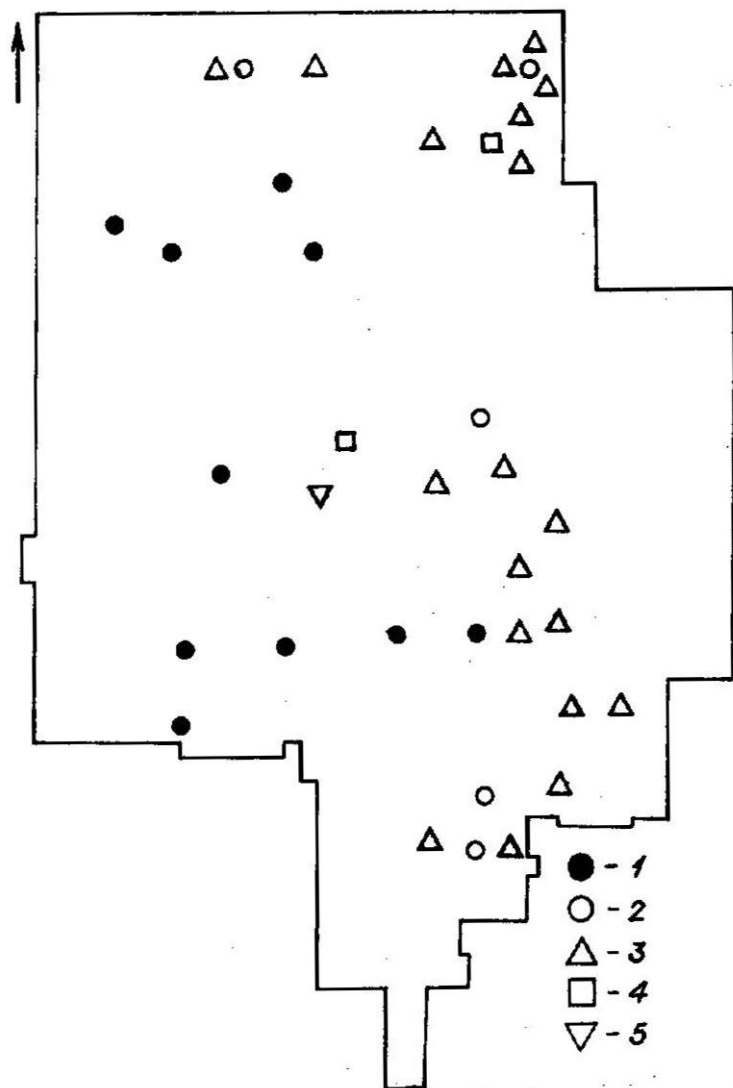

Рис. 20. Распространение на III Кушувлевском могильнике бронзовых, железных пряжек и поздних типов височных подвесок:

1 — железные пряжки с подвижным язычком, 2 — бронзовые пряжки типа 8, 3 — височные подвески отдела Б, типа 1, 4 — отдела Б, типа 12, 5 — отдела Б, типа 1

гическо-территориальные группы. На наш взгляд, эти группы на коллективном кладбище отражают структуру рода в повседневной жизни.

В наиболее хорошо сохранившейся группе погребений g_2 могильника Чеганда II насчитывается 34 могилы. Зная время использования этого участка (около 100 лет) и принимая предложенную В. Ф. Генин-

гом смертность населения в пьяноборском обществе (3–4%), нетрудно подсчитать количество людей в коллективе. Из-за отсутствия захоронений детей до 4–5 лет, смертность которых составляла около 50%, что хорошо прослеживается на ряде средневековых памятников, где количество детских погребений иногда больше числа взрослых захоронений, количество погребений надо удвоить (68 погр.). По формуле, предложенной В. Ф. Генингом для определения количества членов пьяноборского рода²², оставившего могильник ($\frac{\text{количество умерших}}{\text{количество лет}}$: % смертности), количество людей, которым принадлежал участок 22, определяется в 17–23 человека. На Юлдашевском могильнике в северной группе захоронено 77 человек. Захоронения производились примерно в течение 250 лет. Подсчеты показывают, что численность коллектива составляла 14–19 человек. Как видно, чегандинский и юлдашевские коллективы были немногочисленны. По всей вероятности, могильники оставлены крупными объединениями-родами. Группы погребений, выделяемые на них, следует отнести к мелким родовым подразделениям – большим семьям. Численность прикамской большой семьи исследователями определяется в 20–25 человек²³. Полученные данные по Юлдашевскому могильнику и Чеганда II не противоречат этому.

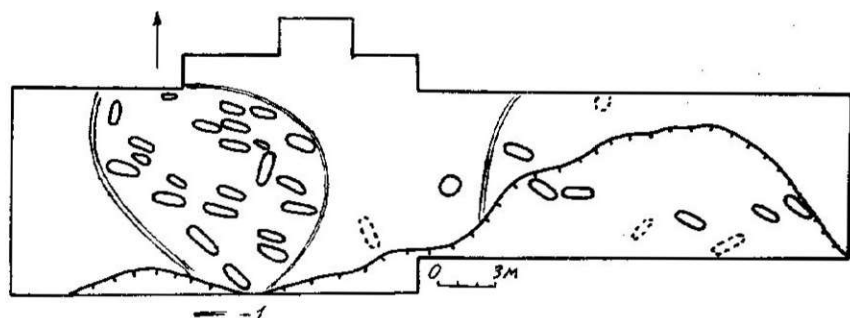

Рис. 21. Общий план раскопа Меллятамакского могильника;
I – границы групп погребений

Большесемейные группы прослежены и на других могильниках. Так, на I Меллятамакском могильнике захоронения располагаются компактной группой (рис. 21). Аналогичная картина фиксируется и на I Уяндыкском могильнике, что хорошо видно при совмещении планов раскопов 1958 (В. Ф. Генинг) и 1968 гг. (А. Х. Пшеничнюк). Первым исследователем была вскрыта поздняя часть группы погребений, а вторым – ранняя (рис. 10). Несомненный интерес представляют II и III Деуковские могильники²⁴. Первый расположен на небольшом мысу, отделенном от коренного берега небольшой ложбиной. Могильник исследован полностью. Из 48 погребений по инвентарю 10 детских, 15 женских, 8 мужских и 15 неопределенных. Вторым могильник находился на соседнем мысу, в 50 м от первого. Судя по инвентарю, оба могильника одновременны. Возможно, что две

большие патриархальные семьи, входящие в один род, хоронили своих представителей на соседних мысах-отрогах.

Выявление большесемейных групп на пьяноборских могильниках не является в определенной степени неожиданностью. Их формирование к концу пьяноборской эпохи относит и В. Ф. Генинг²⁵. В более позднее время семейные группы в Прикамье прослежены на могильниках мазунинской и бахмутинской культур²⁶, которые сложились преимущественно на пьяноборской основе. Выделенные семейные группы находят археологические и этнографические аналогии. Групповое расположение могил было характерно для марийцев и их предков²⁷. М. Т. Маркелов отмечает, что у поволжских финнов на кладбище каждая фамилия имеет свой угол²⁸. По сообщению З. П. Соколовой, у обских угров в одном ряду хоронились однофамильцы²⁹. К сожалению, отсутствие половозрастной градации не позволяет более детально проанализировать выявленные группы. Возможно, что различные возрастные группы хоронились с определенным набором. Этнографические данные свидетельствуют, что у народов севера Западной Сибири они существенно отличались по инвентарю одна от другой³⁰. Несомненно, что внутри выделенных большесемейных групп такая градация существовала. Например, полностью отсутствуют захоронения детей до 4–5 лет, встречаются погребения без инвентаря, детские могилы в ряде памятников располагаются по краям семейных участков.

В. Ф. Генингом уже отмечалось, что имущественное положение членов пьяноборского общества было далеко не одинаковым. По количеству вещей, преимущественно из женских могил, по их назначению и ценности все погребения могильника Чеганда II им условно разделены на пять групп: богатейшие, богатые, рядовые, бедные и беднейшие³¹. Несомненно, такое деление в какой-то мере отражает имущественное расслоение. Однако при таком формальном подходе все же трудно учесть различия в инвентаре не социального, а обрядового характера. Выше уже отмечалось, что в зависимости от половозрастной градации инвентарь погребения может быть различным (могила замужней женщины, невесты, ребенка, подростка, мужчины и т.д.). На мой взгляд, для определения различий социального порядка большое значение имеет анализ оружия мужских погребений, т.е. тот набор вооружения, которым сопровождался погребенный. В ряде погребений он состоит только из стрел, в других, кроме них, помещали копьё, в-третьих — мечи, копья, стрелы, кинжалы и удила. Несомненно, что все это тоже носит обрядовый характер, но тем не менее, видимо, подчеркивает положение умершего в обществе. Проведенный анализ позволил выявить на Юлдашевском могильнике и на Чеганде II мужские могилы с полным набором вооружения (мечи или палаши, кинжалы, ножи и наконечники стрел), которые на памятниках занимают особое положение. Нами был сделан вывод о выделении в родах сильных больших патриархальных семей и о сложении института военных дружин³². Представители сильных больших семей были, видимо, предводителями в военных походах и столкновениях, из них формировалась родовая и племенная знать.

По мнению В. А. Иванова, на пьяноборских могильниках воин-

ские погребения не выделяются и говорить о наличии у послепалеолитического населения региона привилегированного слоя воинов (военной знати), могилы которых отличались бы от основной массы захоронений богатством инвентаря (оружия) и которые могли бы рассчитывать на особые места захоронения на общеродовом кладбище, нет оснований. Причина этого, на его взгляд, кроется в уровне социально-экономического развития финно-угорского общества, не способного создать необходимую материальную базу для глубокого социального расслоения³³.

Однако материалы пьяноборских могильников свидетельствуют об обратном. К числу наиболее богатых погребений В. Ф. Генинг отнес 8 женских и 4 мужских могил. Из них 7 (погр. 7, 15, 17, 25, 26, 36, 156) располагаются в одной, выделенной мной, семейно-территориальной группе $г_1$, 2 — в группах $г_2$ и $г_3$ (погр. 40, 139) и относятся к позднему этапу могильника. Остальные могилы (39, 160, 189) находятся на других семейных участках $а_2$ и $в_1$. Таким образом, имущественное расслоение в родовой общине наблюдается между большими патриархальными семьями, происходит выделение экономически сильных семей, что ярко иллюстрируют материалы могильника Чеганда II.

О социальной дифференциации говорит тот факт, что все погребения (7, 26, 33, 36, 156), в которых найдены мечи, кинжалы, ножи, наконечники стрел, а в одном случае и удила (погр. 156), расположены в одной семейно-территориальной группе $г_1$ (рис. 22). В целом погребения содержат одинаковый набор вещей (сьюлгамы, пряжки с подвижным язычком, „сапожковые“ подвески, втульчатые и черешковые наконечники стрел) и, видимо, компактны во времени, хотя можно предположить, что погр. 156 является наиболее поздним, так как оно расположено на периферии семейного участка. На остальных семейных участках мечи не встречены, предметы вооружения представлены только наконечниками стрел и изредка однолезвийными кинжалами.

Аналогичная картина наблюдается на Камышлы-Тамакском могильнике, где все погребения, в которых найдено оружие, оказались сосредоточенными в его северо-западной половине (рис. 23).

Мной уже указывалось на особое расположение некоторых пог-

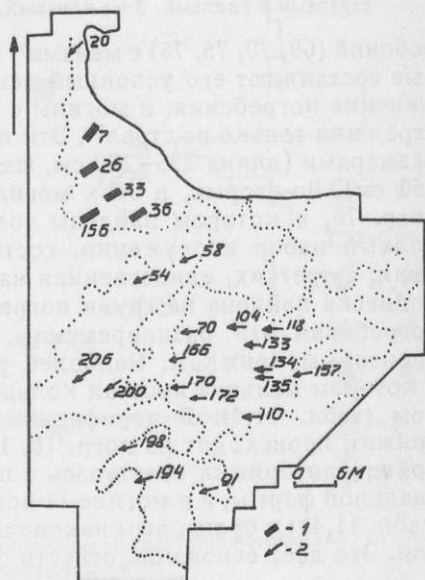

Рис. 22. Расположение на могильнике Чеганда II погребений:
1 — с мечами, кинжалами и наконечниками стрел, 2 — с наконечниками стрел

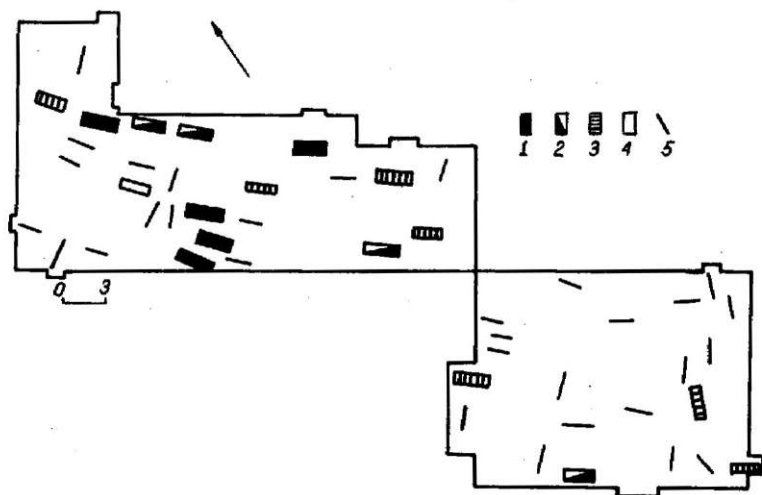

Рис. 23. Расположение на Камышлы-Тамакском могильнике погребений:
1 — с мечами, кинжалами, копьями и стрелами, 2 — с кинжалами, копьями,
стрелами и удилами, 3 — с копьями, 4 — со стрелами, 5 — женские могилы

ребений (69, 70, 75, 76) с мечами* Юлдашевского могильника, которые составляют его условный центр, вокруг которого группируются женские погребения, и могилы с инвентарем, состоящим из копья и стрел или только из стрел³⁴. Эти погребения выделяются, во-первых, размерами (длина 235–280 см, ширина 90–110 см) и глубиной (135–150 см). Во-вторых, в этих могилах (2, 69, 70, 75), за исключением погр. 76, в котором найдены только палаш и стрелы, представлен полный набор вооружения, состоящий из палаша, копья, стрел и удила. В-третьих, единственная на весь могильник золотая височная подвеска найдена на груди погребенного в могиле 70. В-четвертых, погребения эти разновременны, что хорошо устанавливается по бронзовым пряжкам. Наиболее ранним из них является погр. 76, в котором найдена простая кольцевая пряжка с неподвижным язычком (табл. 11,4). В периферийной части могильника однотипные пряжки происходят из погр. 10, 11, 47, 113, 124 (рис. 24). В погр. 10 кольцевая пряжка сочеталась с пластинчатой пряжкой (табл. 11,41) овальной формы, а в могиле 11 встречена вместе с овальной пряжкой (табл. 11,40) и бронзовым наконечником стрелы с выступающей втулкой. Это дает основание отнести оба погребения ко времени захоро-

* Исследователь могильника А. Х. Пшеничнюк первоначально называл их мечами, затем в статье «Юлдашевский могильник» — однолезвийными кинжалами. В. А. Иванов в монографии «Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа» относит их к боевым ножам. Наибольшая длина сохранившихся клинков 45–48 см. Несомненно, они являлись боевым оружием — палашами.

нения 76. Погр. 47 по овальной рамчатой пряжке развитой формы (табл. 11,45) и ажурно-прорезной подвеске относится к группе поздних могил. Спустя некоторое время было совершено захоронение 69, в котором найдено 6 пряжек. Если костяная и овально-рамчатая застёжки (табл. 11,39) могут быть отнесены к кругу ранних вещей, то крупная пластинчатая (табл. 11,44) и круглые пластинчатые пряжки (табл. 11,28), несомненно, относятся к более позднему

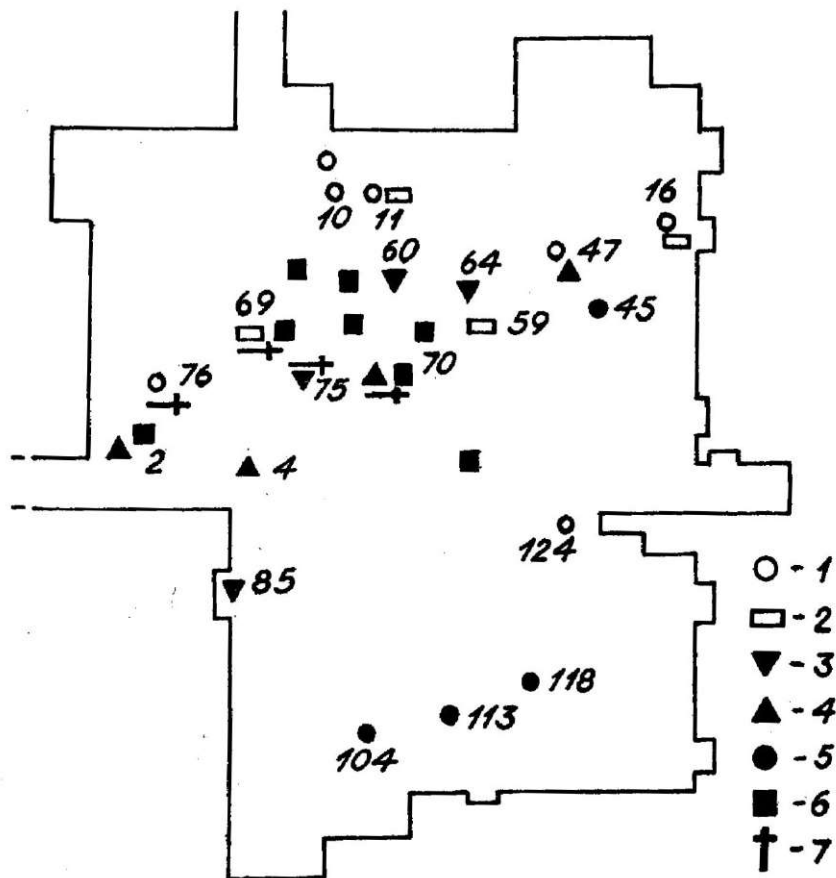

Рис. 24. Расположение на Юлдашевском могильнике погребений с различными типами пряжек:

1 — отд. Б, тип 2; 2 — отд. Б, тип 13; 3 — отд. Б, тип 4; 4 — отд. Б, типы 16, 17;
5 — отд. В, тип 5; 6 — отд. Б, типы 8, 9; 7 — погр. с палашиами

времени, чем простые кольцевые застёжки из погр. 10, 11 и 76. Аналогичные пластинчатые пряжки встречены в погр. 4, 16. В погр. 4 пластинчатые пряжки сочетались с застёжкой в форме умбоновидной бляшки с припаянной дужкой (табл. 11, 34), а в погр. 16 с сьюлгамой (табл. 11,6) и простой кольцевой пряжкой. Следующим по времени является, видимо, погр. 75, в котором найдена большая кольцевая

пряжка (табл. 11,21) с „перекладинами” и умбоном внутри. Аналогичная пряжка встречена в погр. 60 и 64, в последнем она сочеталась с кольцевой пластинчатой застежкой (табл. 11, 28). Наиболее поздними в этой группе являются погр. 2 и 70, отделенные друг от друга значительным пространством, но содержащие одинаковый набор кольцевых пластинчатых застежек (табл. 11,28) и эполетообразных пряжек (табл. 11,31). Такое сочетание пряжек встречено в могилах 66, 68, 71. В целом выделенная группа погребений (2, 69, 70, 75, 76) с полным набором вооружения весьма компактна во времени и только по появлению новых типов пряжек, по их распределению на территории могильника можно выявить хронологическое различие между захоронениями этой группы и определить направление роста семейного участка могильника. Разновременность погр. 69, 70, 75, 76 свидетельствует о том, что в центре семейного участка была оставлена свободная площадь, на которой производилось захоронение людей, занимающих особое положение в обществе. После заполнения площади, но опять-таки в непосредственной близости к этой группе могил, было совершено захоронение 2. Очевидно, материал Юлдашевского могильника в наиболее ярком виде отражает реальную картину процесса имущественного и социального расслоения пьяноборского общества. Несомненно то, что люди, похороненные с полным набором вооружения на специально отведенных участках общеродового кладбища, не были рядовыми членами рода, которых хоронили только со стрелами и копьями, а занимали привилегированное положение в социальной иерархии.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о значительном имущественном и социальном расслоении, в пьяноборском обществе.

¹Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху//МИА. 1952. № 30. С. 163.

²Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья//МИА. 1952. № 28. С. 109; Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху//ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 135 — 139.

³Генинг В. Ф. Указ. раб. С. 137—138.

⁴Агеев Б. Б. Пьяноборский союз племен//Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 101—109.

⁵Поляков Ю. А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в верхнем и среднем Прикамье//УЗПГУ. Пермь, 1967. № 148. С. 201—202.

⁶Дяпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. С. 128.

⁷Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблемы генезиса феодализма на Руси//Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 25—28.

⁸Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984. С. 74—75, 79.

⁹Агеев Б. Б. Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя: Автореф. ... канд.ист.наук. М., 1983. С. 15—16.

¹⁰Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Свердловск, 1971. Вып. 11. С. 36—37, 89, 91, 108—109.

¹¹Там же. С. 84—140.

¹²Генинг В. Ф. Азелинская культура III—IV вв.//ВАУ. Свердловск, 1963. Вып. 5. С. 14—16.

- ¹³Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1984. С. 129.
- ¹⁴Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 57.
- ¹⁵Агеев Б. Б. Пьяноборский союз племен. С. 105–106.
- ¹⁶Агеев Б. Б. Локальные варианты пьяноборской культуры//Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976. С. 5–8.
- ¹⁷Пшеничник А. Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. — III в. н.э.// Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 123.
- ¹⁸Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975. С. 49.
- ¹⁹Мажитов Н. А., Пшеничник А. Х. Камышлы-Тамакский могильник//АЭБ. Уфа, 1968. Т. 2. С. 28.
- ²⁰Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 122 — 124.
- ²¹Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11. С. 30 — 34.
- ²²Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 116.
- ²³Там же. С. 117.
- ²⁴Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Деуковский II могильник//ОНКАЭ. М., 1972. Вып. 1. С. 105–119; Казаков Е. П., Косменко М. Г., Старостин П. Н. Археологические разведочные работы Татарского отряда Нижнекамской экспедиции в 1968 г.// Там же. С. 145.
- ²⁵Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья... // ВАУ. Вып. 10. С. 117.
- ²⁶Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV — VII вв.//Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 44–45; Останина Т. И. Нивский могильник III–IV вв.//Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 96.
- ²⁷Архипов А. Г. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973. С. 11, 12.
- ²⁸Маркелов М. Т. Кулы умерших в похоронном обряде волгокамских финнов//Религиозные верования народов СССР. Л., 1931. Т. II. С. 280.
- ²⁹Соколова Э. П. Пережитки религиозных верований у обских угров//Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. М., 1978. С. 229.
- ³⁰Грачева Г. Н. Погребальные сооружения ненцев//Религиозные представления и обряды народов Сибири... С. 138–140.
- ³¹Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 10. С. 121–125.
- ³²Агеев Б. Б. Большевесемейные группы в пьяноборском обществе//Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 138–145; Он же. Погребальный обряд племен Западного Приуралья в эпоху раннего железа (реконструкция общественного строя финно-угорского населения на рубеже н.э.//Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979. С. 80–81.
- ³³Иванов В. А. Вооружение и военное дело... С. 82.
- ³⁴Агеев Б. Б. Большевесемейные группы... С. 138–145.

Глава 5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Преемственность в развитии ананьинско-пьяноборских племен общепризнана¹. Наиболее убедительно это положение освещено В. Ф. Генингом. По его мнению, стратиграфия поселений, керамика, типы бронзовых изделий и их орнаментация свидетельствуют о генетической связи пьяноборской культуры с ананьино². Подтверждают это и данные погребального обряда. Устройство ряда могильных ям Чиатавского могильника напоминает погребения Котловского, которые в верхней и нижней части были выложены диким камнем³. В одном из погребений Зуевского могильника череп умершего покоился на двух небольших каменных плитах. Аналогичный обряд прослежен в Чиатавском и Урманавском могильниках пьяноборской культуры. Почти на всех пьяноборских памятниках представлены коллективные захоронения, которые нередкость и в ананьинских могильниках. Возможно, что с ананьинскими традициями связаны обряд частичных и вторичных захоронений, проявление культа огня (угольки в засыпке, прокаленность дна могильных ям, кострища), зафиксированные на ряде могильников.

Однако ананьинские памятники на Средней Воле и в Прикамье в конце VI в. до н.э. прекращают свое существование⁴. Наиболее ранние пьяноборские могильники относятся к концу II в. до н.э. Таким образом, между ананьино и пьяноборьем наблюдается хронологическая лакуна, которая требует объяснения. По мнению А. Х. Пшеничнюка, основная причина заключается, видимо, в том, что в определенные, иногда довольно значительные, промежутки времени некоторые территории оказывались незаселенными. Так, наиболее ранние ананьинские могильники VIII–VII вв. до н.э. сосредоточены в Среднем Поволжье, в устье Камы, большинство могильников развитого ананьино, VI–V вв. до н.э. — на Нижней Каме и в устье р. Белой, а позднеананьинское время, IV–III вв. до н.э., представлено лишь раннекара-абызскими могильниками течения р. Белой⁵. В связи с этим интерес представляют данные таблиц Б и В, приведенных В. Ф. Генингом⁶. Так, по таблице Б 10 городищ из 22 содержат культурные слои ананьино-пьяноборского времени. Судя по описанию и

приведенному материалу, из 10 памятников не все могут быть отнесены к этому времени. Отсутствует ананьинский культурный слой на Верхне-Малиновском городище. Городище Ирмаш по двум фрагментам керамики, один из которых со шнуровым орнаментом, а другой — с ямочным, отнесен В. Ф. Генингом к ананьинской и пьяноборской культурам, хотя в целом памятник по этим находкам можно отнести только к ананьино. Нельзя считать двуслойным и городище Каменный Лог (Быргында II), на котором, по наблюдению В. Ф. Генинга, слой с находками пьяноборского времени на площадке памятника не прослежен⁷. Раскопки А. Х. Пшеничнюка на Ново-Кабановском городище показали, что на нем также отсутствует слой с пьяноборской керамикой⁸. Таким образом, из 10 городищ три содержали слой ананьинского, одно — пьяноборского и шесть ананьино-пьяноборского времени. Из этих шести городищ на одном (Ныргында I) пьяноборский слой представлен фрагментарно (6 шеек и 15 стенок сосудов)⁹, а два памятника были заселены повторно. Так, на склоне Верхне-Машкаровского городища в траншее между ананьинским и пьяноборским слоями прослежена прослойка стерильной глины в 7–13 см¹⁰. На городище Ныргында II вал у конца мыса был насыпан в пьяноборское время из ананьинского культурного слоя¹¹. Судя по приведенным данным, из 22 ананьинских городищ 15 были необитаемы в пьяноборское время. Из оставшихся 7 поселений одно городище (Верхне-Малиновское) было основано, а два — повторно заселено в пьяноборье и только четыре, видимо, были обитаемы в течение всей эпохи раннего железа (I Зуево-Ключевское, Ныргында I и Какры-Куль и Аначевское).

В таблице В. В. Ф. Генингом приводятся сведения о 36 пьяноборских городищах, среди которых есть данные о тех же 10 памятниках, отнесенных им к ананьино-пьяноборскому времени. Сопоставление таблиц Б и В с учетом сказанного свидетельствует, что в пьяноборское время возникло 25 новых городищ, 2 ананьинских поселения были заселены повторно, 3 содержали слой только ананьинской культуры и 6 являются ананьино-пьяноборскими (I Зуево-Ключевское, Ныргында I, Какры-Куль, Аначевское, Уяндыкское и Юлдашевское).

Таблица В. В. Ф. Генинга может быть дополнена еще рядом памятников, исследованных в последние годы. Городища Тра-Тау (раскопки Н. А. Мажитова), Трикольское (раскопки В. А. Иванова) являются ананьинскими, а Камышинское (раскопки Б. Б. Агеева) и Серенькино (раскопки Б. Б. Агеева, В. А. Иванова) — ананьино-пьяноборскими.

Таким образом, можно считать установленным, что большинство ананьинских городищ (16) в пьяноборское время пустовало, повторно было заселено два памятника, а на остальных пьяноборская керамика представлена фрагментарно. Большинство же пьяноборских поселений, как уже отмечалось выше, было основано на новом месте. Картографирование городищ с ананьинско-пьяноборскими культурными слоями показало, что они располагаются в трех точках: два памятника (I Зуево-Ключевское, Ныргында I) — на правом берегу Камы, напротив устья р. Белой, пять городищ (Юлдашевское, Какры-Куль, Уяндыкское, Аначевское и Серенькино) располо-

жены компактной группой по нижнему течению р. Белой и одно (Камышинское) — по ее среднему течению. Если же исходить из того, что на Ныргында I пьяноборье представлено, как уже отмечалось выше, фрагментарно, а на Зуево-Ключевском городище исследователи выделяют визуально позднеананьинский или переходный от него к пьяноборью слой, то компактная группа памятников по нижнему течению р. Белой, на наш взгляд, очерчивает первоначальную территорию расселения пьяноборского населения. Именно в этом районе находятся и наиболее ранние могильники (I Уяндынский, III Кушулевский, Юдашевский) пьяноборской культуры. Приведенные выше данные по поселениям и отсутствие могильников IV–III вв. до н.э. свидетельствуют, что пьяноборская культура не имеет истоков на Нижней Каме и вряд ли можно говорить о преемственности пьяноборья и нижекамского варианта ананьина. Формирование пьяноборской культуры было сложным этническим процессом, в котором приняло участие несколько групп населения.

Одним из основных компонентов в сложении пьяноборской культуры явилось раннекара-абызское население центральной Башкирии. Это подтверждается материалами поселений и типами бронзовых украшений. Сходство керамики различных районов Прикамья отмечено В. Ф. Генингом. Различия, по его данным, имеются в преобладании тех или иных ее форм и в элементах, приемах нанесения орнамента¹². Судя по данным В. Ф. Генинга, в коллекции городища Чеганда II, в которой отсутствует ананьинская керамика, 98% сосудов орнаментированы только ямочным и 2% — резным узором¹³. Для ананьинских же сосудов Нижнего Прикамья IV–III вв. до н.э., выделенных Л. И. Ашихминой, характерен узор из 2–6 горизонтальных линий отпечатков шнура в сочетании с рядом ямок¹⁴. Керамика с ямочным орнаментом этого времени характерна для раннекара-абызских памятников. По сравнению с пьяноборской, кара-абызская керамика более груба, толстостенна; ямки по шейке, как правило, гораздо крупнее, часто заменены небрежными вдавлениями¹⁵. Встречаются сосуды и с узором из маленьких ямок¹⁶. В большинстве своем керамика центральной Башкирии, как и пьяноборская, содержит примесь толченой раковины¹⁷. По данным А. Х. Пшеничнюка, 92,9% кара-абызской керамики Бирского городища украшены только ямками по венчику, Бирского II — 77, Биктимировского — 87,4, IV Уфимского — 82,3, II Охлебининского — 52,6 и Воскресенского — 52,6%. Остальная часть орнаментирована ямками в сочетании насечек или оттисков крупно-гребенчатого штампа¹⁸. Обращает внимание, что южнее г. Уфы удельный вес керамики с ямочным орнаментом становится меньше.

На Средней Каме ананьинская культура сменяется гляденовской, преемственность между которыми хорошо прослеживается на археологическом материале. На всех известных гляденовских поселениях и кострищах присутствует керамика с ямочным орнаментом. На Федотовском и Осинском городищах соответственно 21,4 и 10%, на Култаевском селище — 20,8, на Гляденовском и Юго-Камском кострищах — 12 и 46,7%¹⁹. Как видно из приведенных данных, удельный вес керамики с ямочным орнаментом, за исключением Юго-Камского

костица, дата возникновения которого относится к IV, а возможно, и к V в. до н.э.²⁰, незначителен. Остальная часть посуды этих памятников орнаментирована гребенчатым, резным и шнуровым узором. Судя по наблюдениям А. Д. Вечтомова, характерным элементом орнамента для ананьинской керамики Среднего Прикамья V–IV вв. до н.э. является ямка, которой украшены до 60%, а в IV–III вв. до н.э. — более 60% сосудов²¹. Таким образом, выявляется два района распространения сосудов с ямочным узором, где они генетически восходят к ананьинской культуре — Среднее Прикамье и центральная Башкирия. Однако, судя по приведенным данным, в первом районе на рубеже нашей эры происходит резкое уменьшение доли сосудов с ямками, в то время как в центральной Башкирии этот элемент орнамента остается преобладающим в течение раннего железного века. Исходя из этого, истоки пьяноборской керамики надо искать в раннекара-абызской среде. Подтверждает эту мысль и инвентарь погребений могильников раннего этапа культуры, который представлен кольцевыми и восьмеркообразными височными подвесками, подвесками со спиральновитыми трубицами, гривнами, браслетами и различными бляшками. Здесь же встречены поясные крючки²², послужившие образцами для пьяноборских застёжек. Волутообразный орнамент, веревочный шнур, характерные для пьяноборских украшений, представлены на накладках и поясных крючках Уфимского и Биктимировского могильников.

А. Х. Пшеничнюк считает, что появление в IV в. до н.э. гафурийских племен привело к смене ананьинской культуры в центральной Башкирии кара-абызской, которая является синтезом местного и пришлого населения. По его мнению, местное население, потомки ананьинцев, частью было ассимилировано, а частью отеснено, как свидетельствуют материалы памятников, к северу. К III в. до н.э. сложились основные черты кара-абызской культуры²³. На наш взгляд, часть местного населения, не участвовавшего в формировании кара-абызской культуры и отесненного к северу, послужила основой пьяноборской культуры. Возможно, что в перемещении потомков ананьинцев (раннекара-абызцев) сыграли роль и демографические факторы. Об этом свидетельствуют размеры кара-абызских могильников. Так, по данным А. Х. Пшеничнюка, площадь Охлебининского могильника составляет около 50000, Шиповского — около 64000, Ново-Уфимского — 140000 кв.м. Не исключается, что одним памятником являются I и III Биктимировские могильники, — разделяющий их участок протяженностью в 600–700 м, занятый постройками и огородами, не раскапывался. По мнению А. Х. Пшеничнюка, на каждом из этих крупнейших в Волго-Камье могильниках количество погребенных исчисляется в 7 000 – 10 000 и более человек²⁴. Следует отметить, что все указанные памятники практически одновременны. Очевидно, где-то в III–II вв. до н.э. численность населения на сравнительно небольшой территории центральной Башкирии пришла в противоречие с демографической емкостью ландшафта и избыточное население вынуждено было мигрировать вниз по течению р. Белой. Здесь они вступили в контакт с малочисленным и изолированным населением, потомками нижекамских ананьинских племен,

район локализации которых можно ограничить нижними течениями рек Ик и Белой. Именно на могильниках этого района прослеживаются ананьинские традиции в погребальном обряде. Так, на Трикольском могильнике, как и у ананьинцев, зафиксировано проявление культа огня — трупосожжения в могильных ямах. Видимо, к ананьино восходят вторичные и частичные захоронения Старо-Киргизовского, II Деуковского, I Меллятамакского, Камышлы-Тамакского и Ново-Сасыкульского могильников. Правда, на двух последних памятниках у погребенных отсутствуют только черепа, что может быть объяснено и другими обстоятельствами: расположением этой группы пьяноборского населения на границе со степью. Не исключено, что парные и коллективные захоронения на пьяноборских могильниках имеют также ананьинские истоки. Обращает внимание, что преобладающее большинство таких захоронений сосредоточено на левобережье Камы в междуречье Ика и Белой. На правобережье зафиксировано их всего семь: Ныргында II — 2, Чеганда II — 5.

Таким образом, на наш взгляд, на раннем этапе формирования пьяноборской культуры приняли участие потомки позднеананьинских племен Нижнего Прикамья и раннекара-абызское население среднего течения р. Белой. Однако решающую в ней роль сыграли среднебельские племена, что подтверждается элементами материальной культуры (керамика и типы бронзовых предметов). Доля участия нижнекамского населения в этом процессе остается неясной и слабо прослеживается в погребальном обряде. Видимо, это была небольшая группа позднеананьинского населения, обитавшего в междуречье Ика и Белой, и сравнительно долго сохранившего свои традиции в погребальном обряде.

На стадии II (II—III вв. н.э.) пьяноборская культура испытывала сильное влияние уже позднекара-абызских племен. Это хорошо прослеживается, прежде всего, в погребальном обряде. Появляется обычай положения пояса развернуто с умершим, а иногда сверху, на погребенном, в изголовье или в ногах. В могилах фиксируются также жертвенные комплексы. Во всех этих погребениях инвентарь состоит все же из типично пьяноборских вещей. Об инфильтрации кара-абызского населения в пьяноборскую среду свидетельствуют материалы Ново-Сасыкульского и Юлдашевского могильников, на которых вскрыты погребения с вещами, характерными только для кара-абызской культуры женскими поясами, украшенными конькообразными накладками.

Материалы Ново-Сасыкульского могильника свидетельствуют еще об одном компоненте в составе пьяноборской культуры. Судя по плоскодонным горшкам и кувшинам с двумя ручками (табл. 20, 14, 15, 18, 19), которые не употреблялись населением Прикамья, этот компонент имеет, видимо, южное происхождение (сарматы?). Подтверждают это и находки на могильнике обоюдоострых мечей с прямым перекрестием или без них и кинжалов с кольцевым навершием, которые находят аналогии в южных памятниках. Однако инвентарь погребений, в которых найдены сосуды, состоит из прикамских вещей: височных подвесок, ромбических накладок, гривен и т.д. Очевидно, это отражает процесс ассимиляции пришлой этни-

ческой группы пьяноборским населением.

Генетически с пьяноборьем связана азелинская культура, памятники которой локализируются в Волго-Вятском междуречье. Эта связь прослеживается, прежде всего, в сходстве бронзовых украшений и керамики. По мнению В. Ф. Генинга, характер украшений женских костюмов азелинского и пьяноборского времени почти совершенно одинаков²⁵. Следует отметить, что в большинстве своем азелинские украшения продолжают развитие пьяноборских как по форме, так и по элементам орнамента. Об этом свидетельствуют эполетообразные застёжки, височные подвески, лапчатые подвески, круглые бляхи с игольчатой застёжкой, различные бляшки, обоймицы, перстни и др. В целом это культура позднепьяноборского населения на новом этапе его развития и на новой территории²⁶.

Однако, по мнению Р. Д. Голдиной, выводы В. Ф. Генинга о смещении позднепьяноборского населения в Волго-Вятское междуречье не подтверждаются материалом последних лет. На ее взгляд, на Средней Вятке и Пижме обитало население, сложившееся на местной ананьинской основе. Исследованные в этом районе памятники, как уже отмечалось, она объединяет в худяковский вариант пьяноборской общности, синхронный собственно пьяноборской культуре, верхние хронологические рамки которой ограничивает концом V в. н.э. К этому же варианту отнесены и ранние погребения азелинских могильников. Памятники V–IX вв. бассейнов Нижней и Средней Вятки, Пижмы отнесены Р. Д. Голдиной к еманаевской культуре, которая является дальнейшим развитием худяковского населения. К этой культуре отнесены захоронения V–VI вв. Азелинского, Суворовского и других азелинских могильников²⁷. С данными положениями Р. Д. Голдиной трудно согласиться. Во-первых, существует хронологическая лакуна в несколько столетий. В Волго-Вятском междуречье отсутствуют могильники рубежа нашей эры. Вряд ли можно считать население, оставившее Городищенский могильник, сложившимся на местной ананьинской основе. Исследователи памятника датировали его III–IV вв. и, несмотря на большую оторванность от основной территории расселения, связали его происхождение с пьяноборским населением²⁸. Таким образом, на наш взгляд, речь может идти только о времени появления позднепьяноборских племен в Волго-Вятском междуречье. Во-вторых, хронологически азелинские комплексы можно расчленить, но вряд ли правомерно отнесение ранних погребений Суворовского, Азелинского и других могильников к худяковскому варианту, а V–VI вв. – к еманаевской культуре. В-третьих, переселение позднепьяноборского населения не привело к моментальной смене материальной культуры, наряду с новыми типами вещей продолжали бытовать как пережиточное явление в течение одного-двух поколений старые украшения и принадлежности костюма. Однако и старые, и новые типы предметов нередко встречаются в комплексах вместе, правда, они и создают видимость синхронности ранних азелинских и позднепьяноборских комплексов, что наглядно иллюстрирует материал Городищенского могильника. В-четвертых, данные Р. Д. Голдиной о том, что в Удмуртском Прикамье исследовано несколько могильников с числом

захоронений более несколько сотен, датирующихся II–V вв. н.э., где явно ощущается преемственность пьяноборских и мазунинских традиций (Тарасово, Афонино, Нырғында II и др.), и это якобы дает основание рассматривать мазунинские комплексы как позднюю стадию пьяноборской культуры²⁹, свидетельствуют о переселении в Волго-Вятское междуречье только части позднепьяноборского населения.

Видимо, следует согласиться с мнением Р. Д. Голдиной о том, что появление в IV в. н.э. в Приуралье значительной группы пришлого населения, оставившего Бродовские, В-Саинские, Харинские, Веслянский I и другие курганные могильники, привело к сдвигу населения³⁰. Продвигаясь вдоль Камы, пришлая группа населения распалась на две части пьяноборский союз племен. Часть пьяноборского населения вынуждена была мигрировать на запад, в Волго-Вятское междуречье, где она оставила памятники азелинской культуры, генетическая связь которой с пьяноборьем общепризнана³¹. Материалы удмуртских могильников (Тарасово, Афонино, Нырғында II и др.) свидетельствуют о смене пьяноборской культуры мазунинской. Однако рассматривать мазунинские комплексы как позднюю стадию пьяноборской культуры и датировать ее II–V вв. не следует. Во-первых, есть чистые мазунинские могильники, на которых отсутствуют пьяноборские комплексы. Это является важным аргументом в пользу выделения мазунинской культуры. Во-вторых, раскопки последних лет Бирского могильника привели к открытию на нем группы погребений с жертвенными комплексами и мазунинскими фибулами³². Таким образом, можно считать, что памятники мазунинской культуры были распространены на территории как Удмуртии, так и Башкирии. К ним относятся ранние комплексы Бирского, инвентарь Ангасякского³³ и других могильников. Сходство удмуртских и башкирских памятников хорошо фиксируется и в погребальном обряде (жертвенные комплексы, положение поясных ремней вдоль костяка) и в материальной культуре (бабочковидные фибулы, височные подвески в виде кольца и стержня с напущенной бусиной, бляхи из раковины, нагрудные бляхи с игольчатой застежкой и т.д.). Датируется мазунинская культура IV–V вв. Основными компонентами в сложении мазунинской культуры, по мнению исследователей, явились племена пьяноборской и кара-абызской культуры³⁴.

¹ Спицын А. А. Древности бассейна рек Оки и Камы // МАР. СПб, 1901. № 25. С. 7; Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28. С. 68; Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 170–174.

² Генинг В. Ф. Указ. раб. С. 170–174.

³ Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. // МАВГ. М., 1899. Т. 3. С. 7.

⁴ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977. С. 258.

⁵ Пшеничник А. Х. Археологические поиски // В научном поиске. Уфа, 1982. С. 77.

- ⁶Генинг В. Ф. Указ. раб. С. 14, 16.
- ⁷Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Свердловск, 1971. Вып. 11. С. 89, 102, 118.
- ⁸Пшеничный А. Х. Памятники ананьинской и льяноборской культур в низовьях р. Белой//Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 29—31.
- ⁹Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья...//ВАУ. Вып. 11. С. 92.
- ¹⁰Там же. С. 107.
- ¹¹Там же. С. 98.
- ¹²Там же. С. 182.
- ¹³Там же. С. 160, рис. 44.
- ¹⁴Ашихмина Л. И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье//Серия препринтов "Научные доклады" (К VI Международному конгрессу финно-угроведов, 12). Сыктывкар, 1985. Вып. 119. С. 23.
- ¹⁵Пшеничный А. Х. О периодизации кара-абызских памятников//УЗПГУ. Пермь, 1967. Вып. 148. С. 168.
- ¹⁶Пшеничный А. Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии как на рубеже нашей эры)//АЭБ. Уфа, 1973. Т. 5. С. 200, рис. 22, 6, 7, 9; рис. 23, 2.
- ¹⁷Там же. С. 199.
- ¹⁸Там же. С. 203.
- ¹⁹Поляков Ю. А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье//УЗПГУ. Вып. 148. С. 214.
- ²⁰Там же. С. 210.
- ²¹Вечтомов В. Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья//УЗПГУ. Вып. 148. С. 141—142.
- ²²Пшеничный А. Х. Охлебининский могильник//АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 63; Он же. Кара-абызская культура... С. 173, рис. 7, 1.
- ²³Пшеничный А. Х. Кара-абызская культура... С. 232.
- ²⁴Пшеничный А. Х. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры//Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 93—94; Он же. Кара-абызская культура... С. 167.
- ²⁵Генинг В. Ф. Азелинская культура//ВАУ. Свердловск, 1963. Вып. 5. С. 18—21.
- ²⁶Там же. С. 18.
- ²⁷Голдина Р. Д. Проблема этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам)//Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 13—14.
- ²⁸Наговицын Л. А., Семенов В. А. Городищенский могильник III—IV вв.//Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 123.
- ²⁹Голдина Р. Д. Указ. раб. С. 13.
- ³⁰Там же. С. 14.
- ³¹Генинг В. Ф. Азелинская культура. С. 18—21; Смирнов А. П., Генинг В. Ф. Азелинская культура. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов (рецензия)//СА. 1964. № 4. С. 244—246.
- ³²Глубоко признателен Н. А. Мажитову за разрешение использовать неопубликованные материалы.
- ³³Васюткин С. М. Ангасякский могильник — ранний памятник бахмутинской культуры//Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 72—91.
- ³⁴Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 60; Пшеничный А. Х. Кара-абызская культура... С. 240—241.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
БАС — Башкирский археологический сборник
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ИГАИМК — Известия Государственной Академии материальной культуры
КА УдГУ — Кабинет археологии Удмуртского Государственного университета
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МАВГ — Материалы по археологии восточных губерний
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей Антропологии и этнографии
МАЭ БНЦ УрО АН СССР — Музей археологии и этнографии Башкирского научного центра Уральского отделения Академии наук СССР
ОНКАЭ — Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
УЗПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПОВ ВЕЩЕЙ ПО МОГИЛЬНИКАМ

1. УКРАШЕНИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОСТЮМА

Группа 1. УКРАШЕНИЯ ГОЛОВНОГО УБОРА. Кокошники. *Нр* — 3(С), 51, 65, 94, 125, 204; *Чг* — 17, 28, 39, 139, 176. **Височные подвески.** **Отдел А. Тип 1.** **Вариант А:** *Аф* — 119, 154(2); *Ик* — 3, 4, 5, 12, 15(2), 16; *Куш II* — 9; *Куш III* — 97, 103; *Нр* — 30(С), 8; *Нс* — 13(4), 91, 107, 158, 162, 179, 198, 207(2), 226(2), 229, 236, 253, 279, 293, 302, 308, 317, 341, 342, 351, 392; *СК* — 50(3); *Уд I* — 2, 4, 10; **вариант Б:** *Чг* — 17. **Тип 2:** **Вариант А** — *Ик* — 15(3); *Куш III* — 69; *Чг* — 17(2); 89(2), 99; **вариант Б:** *НС* — 66, 81, 124, 131, 256, 377(6). **Отдел Б. Тип 1.** *Аф* — 5(2), 23(2), 33(2), 59, 72, 76(2), 77, 140, 141, 153, 160(2), 184; *Куш III* — 323, *СЧ* — 12, 19; *Чг* — 217. **Тип 2:** *Аф* — 23, 28, 46, 63, 68, 79(3), 81, 82, 84, 142(2), 146, 183(4), 191; *Нр* — 1, 11(2), 17(3), 18(3), 19(4), 27, 36(2), 49(2), 51(4), 63(5), 72(4), 75(2), 94(6), 125(4), 126(3), 150, 156. **Тип 3:** *Дк* — 10, 15, 30; *КТ* — 3, 9, 11(2), 18, 35(3), 36, 39, 41(2), 42(5), 44, 49(10), 51(3), 56(5), 57(2), 70(6), 72(5), 73(4), 74, 79(2), 91(3), 96(5), 98(6), 100(4); *Куш II* — 10(4); *Куш III* — 5(3), 6(5), 10(5), 11(8), 13(2), 31, 35, 41, 53(9), 54(8), 58(2), 59(4), 62(4), 64, 67(3), 68(5), 69(9), 70, 74, 75, 84(2), 94(10), 97(4), 98, 106(2), 107(2), 127(2), 131(4), 132(5), 133(4), 139(4), 141(9), 142(6), 144, 145, 146(4), 149, 152(4), 153, 154(8), 157, 172(8), 177(2), 178(2), 179(4), 180(12), 182(7), 183(5), 184(5), 185(7), 187(8), 191, 195, 196(2), 201, 202(2), 204, 211(4), 214, 215(3), 218(4), 221(3), 225(3), 229, 236(4), 238, 244, 253, 268(4), 272(4), 285, 294(4), 311(6), 317(7), 323(6), 327, 329(8), 333(2), 338(4), 353(4), 359(10); *Мл* — 1, 9(2), 16(2), 17, 22(4); *НС* — 81, 87, 97(2), 99, 101(2), 124, 131, 135(2), 142(2), 174, 226, 239, 256(2), 263, 267, 289, 330(3), 357(4), 359, 365, 392; *СЧ* — 12, 28; *Сн* — 2(2); *Уд I* — 4(2), 6(3), 10(5), 14, 19, 20(4), 23(2), 38(2); *Чт* — 6(2), 8(6), 9(3), 16(2); *Юлд* — 5(5), 6(4), 9, 12(6), 17(11), 25, 26, 29(3), 30(6), 34(2), 35(16), 39(5), 41(4), 44(2), 46(4), 50(5), 51(6), 52, 53(9), 55(2), 56(9), 58(8), 65(5), 67, 71(12), 72(9), 74(13), 77(12), 82(4), 83(3), 87, 89(4), 92(8), 94, 95, 102(2), 106(4), 121(4), 125(3), 129. **Вариант А:** *Куш III* — 144. **Тип 4:** *КТ* — 46а(2), 97; *Куш II* — 4(4); *Куш III* — 41(2), 53(2), 54, 58, 60(2), 68(4), 75(2), 84(2), 97(2), 107, 124, 127(2), 131(2), 139(2), 142, 146(2), 147, 154(2), 178(2), 180(2), 182, 185(2); *НС* — 9(6), 13(9), 24(4), 39, 54(2), 57(2), 66(2), 68, 81, 84(2), 85, 87(5), 111, 121, 124(2), 133(2), 135(3), 142(8), 146(6), 158, 159, 161, 162, 165(3), 166, 179(2), 197, 213, 214(4), 216(2), 218, 226(4), 227, 228(2), 231, 238(4), 240, 242, 243, 251(3), 253(2), 254, 263, 265(10), 267(4), 272(2), 275(4), 291, 294, 303(2), 304, 305, 310, 316, 318(2), 320(3), 322(6), 325, 326(2), 329, 330(2), 332(5), 336(3), 341, 342, 351(7), 353, 359(7), 365, 376(10), 377(3), 387(4), 390, 391, 392(2), 395, 399, 407, 408, 411(2), 412(6), 515(3); *Нр* — 1, 73(2), 82, 117, 202, 204; *Ур* — 17(2); *Чг* — 25(2), 52, 90(4), 185(4), 192(+), 207(+); *Юлд* — 6, 52, 56(2), 65, 74(2), 97(+). **Тип 5:** *Дк* — 1, 22, 30(+), 37, 45; *КТ* — 3(14), 6(2), 9(7), 11, 12(2), 13, 15(2), 18(8), 24, 26, 32(3), 33(4), 35, 36(7), 39(4), 41(5), 42(4), 45(2), 46а, 47, 51, 61, 63, 64, 67(4), 70, 72, 73(6), 75, 80, 93(2), 96(7), 97(4), 98(9), 99, 100(4); *Куш III* — 282; *Кр* — 2(2); *Мл* — 1, 26; *НС* — 87, 97(2), 101(2), 105(2), 107(2), 112(1), 122(5), 123(5), 135, 142(2), 146, 197(2), 208, 239(3), 242(5), 256(4), 319(1), 329(1), 357(8), 377, 381(9), 382, 402(3), 407, 408(2), 415(2); *Нр* — 51(6), 99(3); *СЧ* — 8, 12, 18(2), 19(2), 21, 23; *Урм* — 1(2), 2(2); *Уд I* —

1, 6, 30, 39; Юлд. — 11, 17, 19, 29, 30(2), 35(2), 44, 47, 56, 97. Тип 6: Нр — 1, 19, 25(2), 26(5), 27(8), 36(2), 49(3), 50(2), 53(3), 65(2), 82(3), 122(3), 161(6), 197(3), 209; Чг — 14(8), 17(7), 31(+), 39(6), 62, 64(+), 65(13), 68(+), 73(8), 74(2), 78, 99(3), 120(10), 137(2), 159(10), 160, 167, 175(5), 176, 178(2), 184, 189(5), 190. Тип 7: НС — 124(2), 130, 135(3), 153, 173, 213, 214(6), 253(4), 256, 259, 314, 323, 330(3), 336, 415; Нр — 73(3). Тип 8. Вариант А: Аф. — 48, 49, 90(2), 91(3), 93(2), 96(2), 99, 100(4), 102(2), 121(3), 129, 131, 137(12), 183(3), 186(2), 201(5), 205(2); НС — 279; Нр — 4(4), 5(6), 17(3), 20(10), 34(5), 88, 98(6), 107, 114(3), 117(2), 118(2), 119, 202(3), 204(3); Чг — 6(3), 8(3), 16, 19, 25(7), 28(2), 38(8), 40(3), 52(+), 92(2), 185(4), 192(2), 193(5), 207(+), 208(+); вариант Б: Нр — 7(2); Чг — 9(4), 15(3), 10(+), 213(+); вариант В: Аф — 46, 47, 121; Нр — 70(2), 73(10), 204; Чг — 38, 201(+), 208(+). Тип 9: Куш III — 41, 81, 142(2), 214(2), 214(2), 238(2), 300(13), 318, 330(6). Тип 10: КТ — 4, 27, 32, 35(7), 46а(4), 57, 62(2), 73, 79; Куш III — 10, 215, 309; Уд I — 1, 3, 10, 23, 37; Юлд. — 25(2), 109(2), 115(2). Тип 11: Дк — 1; Чг — 31(+), 120(2), 160(2), 176(2). Тип 12: КТ — 70; Куш II — 10(2); Куш III — 141, 333; Уд I — 4(2). Тип 13. Вариант А: Куш III — 5(2), 41, 142(2), 143, 183, 184, 185, 196(2); вариант Б: Куш III — 13, 67, 68, 75, 144, 145, 228, 243, 307, 351; СК — 9; Чг — 159; Чт — 10, 12(2), 18(2); Юлд — 19, 41, 55; вариант В: Куш III — 183(2). Тип 14: НС — 135(2), 142, 178, 259(2), 377(2).

Группа II. ОЖЕРЕЛЬЯ. Отдел А. Одноцветные стеклянные бусы. Тип 1: КТ — 72; Куш III — 10, 329. Тип 2: КТ — 4, 11(28), 12(29), 15(55), 18(23), 36(11), 42(35), 44(2), 45(23), 51(14), 70(6), 72(26), 74(25), 77(9), 98(12); Куш III — 5(8), 33(4), 41(12), 53(15), 58, 59(3), 64(7), 68(25), 98(5), 106(3), 135, 141(3), 145(12), 146(68), 176, 178(6), 182, 311, 326; Юлд — 17(24), 19(2), 35, 46, 55(4), 63(3), 71(11), 77(47). Тип 3: КТ — 3(52), 9(2), 11, 15(5), 16, 32(8), 36(9), 39(17), 41(56), 42, 44(12), 46а, 56(5), 74(4), 91(8), 96(5), 98(10), 100(7); Куш III — 5(8), 6, 10(5), 11(7), 33(3), 41(10), 44(2), 46, 53(15), 62(2), 64, 75, 94(6), 98(3), 107, 113, 139(3), 141(28), 143(15), 145(12), 146(15), 153(8), 154, 157(7), 162(4), 163, 172(4), 178, 179, 180(5), 185(8), 196(4), 211(3), 214(5), 215, 216(3), 217(3), 225, 245(4), 247(3), 253(8), 268(2), 270(3), 282(2), 308, 309(8), 311(13), 317(9), 327(9), 332(2), 338(11), 341(13), 353(2); Юлд — 5(8), 6(10), 19(2), 25, 33, 35(11), 44(74), 52, 55(3), 58(13), 63(6), 71(11), 72(28), 77(9), 83(2), 86, 89(18), 95(4), 109, 125. Тип 4: КТ — 6(1), 32(2), 33(20), 36, 39(4), 44(9), 56(14), 70(10), 74, 77(8), 80(10), 91(30), 96(45), 100(13); Куш III — 5(5), 6(3), 41(8), 53(25), 94(20), 106(4), 133(25), 141(17), 145(4), 146(9), 161, 185(13), 214(6), 247(4), 322(3); Юлд — 17, 19(7), 33(2), 39(4), 44(5), 63(12), 71(2), 72(26). Тип 5: КТ — 4(12), 6, 41(160), 42(3), 77, 79(5), 100; Куш III — 41(10), 46, 131, 141(3), 146; Юлд — 5, 58(2), 75, 77(15). Тип 6: КТ — 51(46). Тип 7: КТ — 39, 42, 44(11), 97(16), 100; Куш III — 11(2), 64(9), 67(9), 106(9), 126(13), 127, 139(2), 141(5), 146(7), 147(6), 154(3), 178(7), 180(20), 185(25), 196, 202(10); Юлд — 19, 39(4), 44(13), 72, 77(80). Тип 8: КТ — 89(3); Куш III — 40(3), 185, 218, 225(3), 338(5), 341(4); Юлд — 41, 97. Тип 9: КТ — 97(6), 100(2); Куш III — 127, 139(3), 225(2), 311; Юлд — 39(2), 77. Тип 10: КТ — 44(6); Куш III — 41(2), 127, 141(9), 178(7), 215(4), 311(8); Юлд — 77(8), 89. Тип 11: Куш III — 247. Тип 12: Куш III — 10, 218. Тип 13: КТ — 97(4), 100(5); Юлд — 125. Тип 14: КТ — 12(2), 97(4); Куш III — 185; Юлд — 6(3), 35(3).

Отдел Б. Золоченные стеклянные бусы. Тип 1: КТ — 100. Тип 2: КТ — 75; Куш III — 218(3); Тип 3: КТ — 98(2), 100; Куш III — 146, 180; Юлд — 17(2), 19, 35, 46(2), 77(2). Тип 4: КТ — 32(2), 33(20), 70(6), 91(45), 97(20), 98; Куш III — 6(2), 41(4), 53(15), 94(10), 106(4), 127(8), 141(12), 145, 146(9), 147(15), 247(4), 270(2), 332(19), 338(3); Юлд — 19(3), 25(14), 35(5), 39, 52, 58, 63(12), 89(3), 94(5). Тип 5: КТ — 16, 32, 45; Куш III — 10, 33, 67, 270; Юлд — 26, 55. Тип 6: КТ — 3(36), 10(2), 11(2), 32(12), 33, 39, 44(7), 45(2), 56(10), 72, 74(6), 77(8), 91(23), 96(45), 97(23), 98(10), 100(13); Куш III — 5(2), 6, 7, 10(22), 11(10), 41(8), 44, 46(7), 53(16), 54(4), 62, 67(7), 94(10), 98(3), 106(4), 113, 127(6), 131, 139(10),

141(12), 142(2), 143(17), 145(8), 146(8), 147(15), 154, 157(8), 166(60), 172(60), 178(10), 180(9), 185(15), 187(2), 202(25), 211(33), 218(3), 221(6), 225(6), 247(13), 253(4); 270(2), 282(5), 285(7), 308(3), 309(19), 311(28), 317(10), 326(5), 327(2), 338(7), 341(13), 353(4); Юлд — 6, 17(3), 19, 25(11), 33(2), 35(9), 39(8), 44(64), 46(6), 52(3), 55, 63(7), 71(13), 72(24), 77(17), 78, 83, 86(4), 87(3), 89(9), 95(9), 106(2), 109(2).

Отдел В. Полихромные стеклянные бусы. Тип 1: Куш III — 39(5); Юлд — 6, 89(2). Тип 2: КТ — 4, 10, 11(4), 16, 18(2), 72(2); Куш III — 41(3), 67(2); Юлд — 15, 64. Тип 3: Юлд — 6(3). Тип 4: Куш III — 268(11); Юлд — 6(4), 17, 77. Тип 5: Куш III — 332. Тип 6: КТ — 6. Тип 7: Куш III — 11, 211, 217, 268. Тип 8: Куш III — 11, 333. Тип 9: Юлд — 26. Тип 10: Куш III — 132, 225. Тип 11: КТ — 97(3). Тип 12: КТ — 6. Тип 13: КТ — 48. Тип 14: КТ — 6. Тип 15: КТ — 26. Тип 16: КТ — 15. Тип 17: КТ — 42. Тип 18: КТ — 18. Тип 19: Юлд — 63. Тип 20: Юлд — 83. Тип 21: Куш III — 127. Тип 22: КТ — 11. Тип 23: Куш III — 353. Тип 24: Куш III — 145, 143. Тип 25: Куш III — 26. Тип 26: КТ — 6. Тип 27: Куш III — 139. Тип 27: Куш III — 246.

Отдел Г. Бусы из гагата. Тип 1: Куш III — 46(2), 353.

Отдел Д. Бусы из египетского фаянса. Тип 1: КТ — 4(12), 18(6), 36, 39, 41(160), 42(3), 77, 80(3), 96(7); Куш III — 41(10), 46, 106(4), 131, 147(12), 180(2), 183, 185; Юлд — 17(4), 19(3), 35(17), 39, 52(2), 71(5), 78(2). Тип 2: КТ — 39(4), 41(27), 98(8); Куш III — 5(3), 39(17), 53(18), 106(3), 139, 141(20), 143(3), 146(8), 214(6); Юлд — 19(3), 35(5), 39, 44(8), 71(2), 77(28). Бронзовые шейные подвески. Тип 1: Аф — 139(2); НС — 13(4), 29, 280; Нр — 76(2), 88(3), 98(4); Чг — 15(4), 90(4), 185. Тип 2: Аф — 108(8), 140, 142(5), 183; НС — 20(+), 22, 30, 140, 214(11), 231, 267, 391(2), 411(4); Нр — 2(С), 32, 88(4); Чг — 8, 15(5), 34. Гривны. Тип 1: Аф — 28, 149, 161; НС — 39, 243; Нр — 6, 13, 19, 70, 75, 88, 94, 98, 181, 196, 204; Чг — 11, 77, 85, 192, 201, 202, 208, 213. Тип 2: Аф — 99. Тип 3: Куш III — 40; НС — 22, 133; Нр — 60, 202; Чг — 33. Тип 4: НС — 260, 288, 282. Тип 5: НС — 21, 126, 138, 139, 144, 228, 239, 257, 258, 265, 284. Тип 6: НС — 249, 332. Тип 7: НС — 84. Тип 8: Чг — 17, 39, 192; Нр — 26, 51, 53, 81, 117, 209. Тип 9: НС — 135. Тип 10: Аф — 5(2).

Группа III. НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ. Отдел А. Нагрудные бляхи. Тип 1. Вариант А: Куш III — 185(2); вариант Б: Куш III — 53(2); вариант В: Куш III — 143(2); вариант Г: Куш III — 154; вариант Д: Куш III — 323. Тип 2: Нр — 204. Тип 3: Юлд — 127. Тип 4: Аф — 131; Чг — 190. Тип 5: Аф — 17, 55, 66(3), 121, 161, 195; Куш III — 53, 154, 180, 247; Нс — 2(2), 16, 112(2), 153(2), 180, 197, 255(2), 273, 284(2), 294(2), 296, 303, 313, 320, 322, 365, 415; Нр — 1, 7, 18, 20, 51, 75, 79, 94, 107, 110(5), 111, 116, 119, 131, 142, 195, 203, 204(2), 218; СЧ — 9, 29; Чг — 5, 9, 15(3), 16, 52, 192, 219(2). Тип 6: Аф — 28, 31, 37, 41(3), 43(2), 46, 48, 49(2), 56, 59, 69(2), 85, 87, 94(4), 100, 103(2), 104, 110, 117, 129, 131(4), 138(2), 142, 153(8), 159, 161, 201, 203(2), 208, 210; Дк — 26(+); КТ — 35(2), 56, 72, 74, 98; Куш III — 143, 180, 218(2), 253, 272(2), 359(2); Мл — 23; Нр — 1(С), 4(С), 21(С), 2(17), 4(2), 5(7), 9(3), 13, 17(9), 20(4), 28, 33, 38, 48(2), 49(2), 51, 57(2), 60(2), 70, 75(2), 78, 79(3), 85(2), 88(8), 98(4), 101, 107, 108, 110(2), 114(3), 119, 122, 139, 195, 202(6), 203(5), 204(2), 206(5); СК — 2(2), 18(2); СЧ — 29; Уд I — 4(2), 18(7), 34(2), 38(7); Чг — 6(2), 13, 15(14), 19, 25(+), 33(3), 34, 40(+), 59, 113(2), 117, 120(2), 139, 173, 190(+), 207(+), 211(+), 219(2); Чт — 9(3); Юлд — 10, 12, 13, 51(4), 55(2), 65, 71(2), 83(2), 92(2). Тип 7: Аф — 5(2), 23(2), 56(2), 66(2), 72, 74(3), 76, 155; КТ — 91; Куш II — 10(3); Куш III — 73(2), 39(2), 45, 53(10), 62, 136, 141(2), 143(6), 149, 154, 166, 172(4), 196(2), 201(2), 225, 245(2), 247(7), 270(2), 272(2), 303, 311(13), 327; Мл — 6; Нр — 4(С), 20, 26(2), 51(2), 75(3), 76, 88(2), 94(2), 125, 131(2), 204, 206; СК — 35; СЧ — 13(2), 18(2), 29(2); Уд I — 27, 38(4); Чг — 16, 33, 38, 39(2), 73(2), 159(2), 207, 208(+), 211(2), 219; Чт — 9(2), 10, 16; Юлд — 25(5), 55(+), 71(2), 77(2). Тип 8: Куш III — 303; Кр — 5; СК — 51; Уд I — 38; Чг — 160(2). Тип 9: Нс — 16, 135(3), 197(2), 273(3); Нр — 110; Чг — 15(2), 192(2). Тип 10: Нр — 146, 152; Чг — 189(2); Юлд — 77(2),

85. Тип 11: *Аф* — 70; *НС* — 124, 133; *Чг* — 25(2). Тип 12: *Дк* — 15; *СК* — 50. Тип 13: *Куш III* — 53(2), 94, 338. Вариант А: *Юлд* — 34.

Отдел Б. Нагрудные застежки. Круглые бляхи. Тип 1: *Аф* — 24, 72, 76, 183, 207; *Нр* — 13, 108, 110, 204; *Чг* — 11, 55, 89, 122, 201, 207. Вариант А: *Аф* — 80; *Нр* — 13. Тип 2. Вариант А: *Аф* — 5, 56, 206; *Чг* — 27, 117, 129, 202; *НС* — 12, 21, 41, 216, 255(2), 260, 268(2), 269, 284, 321; *Чг* — 211. Вариант Б: *Аф* — 31; *Нр* — 79; *НС* — 33, 222, 224, 256, 291. Вариант В: *НС* — 29, 36, 130, 132, 133, 253, 255, 266, 270; *Чг* — 15; *Юлд* — 16. Тип 3: *Куш III* — 66. Сюльгамы. Тип 1: *Аф* — 110; *Мл* — 4; *НС* — 10, 21, 25, 129, 140, 214, 258(2), 262, 273, 313, 318, 320, 328, 329, 380, 391; *Нр* — 3(С), 4, 73, 115, 192, 196, 207, 313. Тип 2: *Аф* — 32, 38, 61, 176; *НС* — 392, 103, 163, 169. Тип 3: *Аф* — 57; *Ик* — 19; *НС* — 13, 26, 92, 98, 103, 163, 169, 255, 321, 365, 376. *Нр* — 1(С)*, 27(С), 54, 60, 81, 85; *Чг* — 7, 10, 36, 40, 144, 166. Фибулы. Тип 1: *НС* — 10, 43. Тип 2: *НС* — 13, 144, 224, 253, 281; *Нр* — 27(С), 4, 15, 76, 79; *Чг* — 16. Тип 3: *НС* — 75. Тип 4: *НС* — 1, 300, 309(2); *Чг* — 38. Тип 5: *НС* — 139, 164.

Отдел В. Подвески. Тип 1. Вариант А: *Куш III* — 96, 103, 115, 143(2), *Нр* — 13; *Чг* — 8. Вариант Б: *КТ* — 98. Тип 2. *Куш III* — 68, 81, 122, 147; *Юлд* — 47. Тип 3: *Куш III* — 270(2); *СЧ* — 29. Тип 4: *Куш III* — 157; *НС* — 9(5); 13, 142, 242, 253, 267(3), 305(2), 317, 319, 399; *Нр* — 20(19), 51(2), 88(2), 94, 98(2), 111(2), 202(3), 204(4); *СЧ* — 29; *Чг* — 15(15); 40, 100, 167; *Юлд* — 55, 77, 97. Вариант А: *Куш II* — 17(3). Тип 5. Вариант А: *Аф* — 43, 45(3), 46, 109, 110, 117, 139, 144, 145(2), 149, 169, 210; *Ик* — 22; *НС* — 22, 29; *Нр* — 17, 20(2), 76, 79, 86(4), 107(2); *Чг* — 7, 26, 36, 40(2), 213, 206. Вариант Б: *Юлд* — 35. Тип 6: *Аф* — 120(2), *Нр* — 78. Тип 7: *Нр* — 20, 49(2), 51(4), 94(3); *Чг* — 39(2). Тип 8: *Аф* — 45, 126, 167(2), 214; *Нр* — 20(3), 101, 111, 203; *НС* — 357; *Чг* — 8, 100, 209. Тип 9: *Аф* — 99, 108; *Нр* — 101. Тип 10: *Аф* — 45, 126, 167(2), 214; *НС* — 267, 357; *Нр* — 20(3), 101, 111, 203; *Чг* — 8, 100, 209.

Отдел Г. Пронизы. Тип 1. Вариант А: *Аф* — 24; *НС* — 13(2). Вариант Б: *Аф* — 91(2), 155; *Куш III* — 10(2), 62(3); *Юлд* — 16, 29(30), 35. Тип 2: *Куш III* — 11, 41, 53(4), 57(2), 67(4), 105, 115(20), 116, 127, 141, 146, 147, 176, 177, 220(2), 223, 240, 263, 272(3), 317; *Нр* — 5(16), 77(8); 107(2), 146(18), 152(6), 156(15), 204; *Уд I* — 38(6); *Чг* — 6(3), 9(+), 15(76), 16(10), 19, 23(18), 24(+), 38(+), 40, 89(+), 97(3), 113(25), 185(+), 206, 215. Тип 3: *Аф* — 56, 61, 67, 68, 190; *НС* — 13(2), 322(8). Тип 4: *Аф* — 43, 46, 47(3), 87, 95(2), 97, 109, 117, 120, 143, 144(3), 145, 210; *НС* — 22, 44; *Нр* — 17, 20(7), 78, 86, 101, 160, 203(2), 206; *Чг* — 1, 8(3), 16(2), 40, 190, 213(+).

Отдел Г. Ажурно-прорезные накладки. Тип 1: *Куш III* — 53(3), 57, 141(10); *СК* — 27; *Чг* — 39(5). Тип 2. Вариант А: *СЧ* — 12; *Юлд* — 52, 77; вариант Б: *КТ* — 33(2), 35; *Куш III* — 53(3), 172(5), 218, 262, 303(2); *Нр* — 110, 125(3); *Ур* — 18; *Уд I* — 20; *Чг* — 39; *Юлд* — 77(6). Тип 3: *Куш III* — 143, 180, 185(3), 211(5); *НС* — 208; *Нр* — 19, 209; *СК* — 27; *СЧ* — 11, 13, 17; *Чг* — 39, 176(+); *Юлд* — 92(2). Тип 4: *Дк* — 37, 42; *Ур* — 1; *Куш III* — 143, 311(2); *НС* — 242; *Нр* — 20, 49, 123(2), 147(2); *СК* — 4(2); *Чг* — 65(+), 179(2); *Юлд* — 44(3), 89(2), 92(2). Тип 5: *КТ* — 23, 35, 56(3), 73; *Ур* — 20; *Чг* — 8. Тип 6: *КТ* — 56, 96(2); *Куш III* — 46(2), 67; *Нр* — 49(11), 51(3), 72(9), 82, 110(2), 125(3), 203, 204; *СК* — 4, 35, 40; *Уд I* — 38(3); *Ур* — 5; *Чг* — 6(3), 73(?), 181; *Юлд* — 34(2); вариант Б: *Куш III* — 143, 311; *СК* — 50; *Урм* — 17. Тип 7: *КТ* — 35; *Куш III* — 154; 311(3); *Нр* — 51(2), 125(2); *СЧ* — 28, 29; *Чг* — 167; *Юлд* — 35, 74, 77(2). Тип 8: *Нр* — 53; *СЧ* — 23(2); *Юлд* — 55; Вариант А: *Нр* — 209. Тип 9: *Дк* — 42. Тип 10: *Куш III* — 218, 359; *Нр* — 125(2); *Уд I* — 38(2); *Урм* — 5; *Чг* — 178(2); *Юлд* — 109. Вариант А: *Дк* — 42. Вариант Б: *Нр* — 13. Тип 11: *НС* — 197(4); *Урм* — 6. Тип 12: *КТ* — 23(3), 24, 35, 37, 39, 46а; *Куш III* — 53, 67; *Мл* — 6; *НС* — 351; *Нр* — 156; *СК* — 50; *Чг* — 17; *Юлд* — 92(2). Тип 13: *Юлд* — 70(2). Тип 14: *Дк* — 22; *Куш III* — 13(2), 53(7), 311; *Нр* — 49, 125(2), *СК* — 6(3); *Юлд* — 77, 125(3).

* С — раскопки А. А. Спицына 1898 г.

Группа IV. УКРАШЕНИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОЯСА. Отдел А. Эпопето-образные застежки. Тип 1: *СЧ* — 19; *Уд I* — 4; *Чг* — 159, 160; *Юлд* — 92, 128. **Тип 2:** *КТ* — 56. **Тип 3:** *КТ* — 49; *Куш II* — 1; *Куш III* — 96, 150; *СЧ* — 8, 18, 23; *Ур* — 5; *Уд I* — 37, 38(2); *Чг* — 39, 137; *Юлд* — 55, 106. **Тип 4:** *Дк* — 24; *КТ* — 98; *Куш III* — 53, 141, 185, 318; *НС* — 100, 142, 181, 375; *СК* — 35; *СЧ* — 13; *Урм* — 6, 17; *Чг* — 31, 74; *Юлд* — 51, 53, 56. **Тип 5:** *Юлд* — 44. **Вариант А:** *Нр* — 11(С). **Тип 6:** *Дк* — 43; *Куш III* — 143, 144; *НС* — 197; *Нр* — 2, 11, 53; *Чг* — 12, 17, 99, 120; *Юлд* — 72, 77. **Тип 7:** *НС* — 332; *Нр* — 70, 99; *Чг* — 9, 40, 139, 167, 179, 189. **Тип 8:** *НС* — 228, 313, 319, 322; *Нр* — 1, 7, 20, 27, 51, 146, 203; *Чг* — 6, 19. **Тип 9:** *НС* — 238, 329; *Чг* — 15, 218. **Тип 10:** *Куш III* — 180, 187, 201, 332; *Юлд* — 77.

Отдел Б. Бронзовые застежки. Тип 1: *Куш III* — 318(2); *Нр* — 26; *СЧ* — 12; *Урм* — 8; *Уд I* — 38; *Чг* — 160. **Вариант А:** *Дк* — 43. **Тип 2:** *Аф* — 179; *Дк* — 44; *КТ* — 10, 23, 33, 58, 77, 83, 87, 90; *Куш II* — 10; *Куш III* — 4, 68, 84, 96, 181, 202, 230, 284, 298; *Мл* — 12; *НС* — 79, 237, 323, 358, 406; *Нр* — 65, 84, 124, 158; *СК* — 6; *СЧ* — 9(2), 11, 17; *Урм* — 8(3), 13; *Уд I* — 2, 18(11); *Чг* — 21; *Чт* — 17; *Юлд* — 113. **Вариант А:** *Дк* — 26; *Куш III* — 71, 76, 103, 104, 143, 156(2); *НС* — 401; *Уд I* — 6, 14(2)Г*; *Чг* — 21(2), 25(2); *Юлд* — 10, 16, 47(2), 76. **Вариант Б:** *Куш III* — 115, 141(2); *Юлд* — 11. **Вариант В:** *КТ* — 23, 48(2), 90; *НС* — 95, 109; *Чг* — 81. **Вариант Г:** *Куш III* — 122. **Вариант Д:** *Куш III* — 96(2); *Уд I* — 13; *Урм* — 16. **Тип 3:** *Дк* — 44; *КТ* — 16, 48(2), 58, 68, 86; *Куш III* — 103(2), 116, 122, 173, 205(4), 223, 251, 255, 263, 267, 300, 304, 347; *НС* — 203, 214, 259, 288; *СК* — 18, *Урм* — 8; *Уд I* — 25, 34; *Чг* — 121, 134; *Юлд* — 124. **Вариант А:** *КТ* — 8(2), 68(3), 86(2), 92; *Куш III* — 259(2); *Нр* — 26(С), 82; *Чг* — 82. **Вариант Б:** *Куш III* — 304. **Тип 4:** *КТ* — 2, 23, 48, 68; *Куш III* — 2, 57, 122, 165, 222, 223(2), 243, 315; *НС* — 67, 113, 200, 320, 416; *СК* — 28; *Юлд* — 60, 64, 75, 85. **Тип 5:** *Куш III* — 26; *Нр* — 82. **Тип 6:** *Аф* — 28; *НС* — 29(2), 43(2), 98(2), 215(2); *Нр* — 49; *Уд I* — 7(2)Г. **Вариант А:** *Чг* — 168(2); *Юлд* — 38(2). **Тип 7:** *Дк* — 6; *КТ* — 21(2), 72, 90, 91; *Куш III* — 69, 318; *НС* — 91, 195; *Нр* — 29(2), 97(2); *Чг* — 9(2); 81(2), 82(2); *Юлд* — 2(2), 4, 25, 64(2), 66, 68(2), 69(2), 70(2), 79. **Вариант А:** *Аф* — 138(2); *Нр* — 15(2)С. **Тип 8:** *Аф* — 120; *Дк* — 43; *КТ* — 1(2), 2, 8, 21, 23, 27(2), 35(2), 47, 49, 50, 56, 87, 98; *Куш III* — 38, 64, 67, 156, 183; *НС* — 14; *Нр* — 202; *СЧ* — 10, 13(2), 18(2), 21; *Урм* — 13, 14, 17; *Уд I* — 15(Г); *Чг* — 15(2), 17(2), 52(2); *Юлд* — 2, 4, 55, 59(2), 66, 68, 70, 85(2). **Вариант А:** *Аф* — 106, 120, 139; *Нр* — 18(Г), 75; *СК* — 17; *Урм* — 17; *Чг* — 11, 13, 110. **Тип 9:** *НС* — 29, 242, 265; *СЧ* — 10; *Юлд* — 69. **Тип 10:** *Дк* — 6; *Куш III* — 2; *НС* — 81, 119; *Нр* — 18(С), 26(С), 69, 160, 222; *Уд I* — 6; *Чг* — 157. **Тип 11:** *Куш III* — 156; *Чг* — 61, 104. **Вариант А:** *Мл* — 23. **Тип 12:** *КТ* — 13; *Куш III* — 2, 122, 165, 288; *НС* — 344; *Юлд* — 69. **Тип 13:** *Куш III* — 20, 22, 26, 72, 94, 141, 155, 158, 344; *Юлд* — 11, 59. **Тип 14:** *КТ* — (2), 72, 90, 91; *Куш III* — 2, 68(2), 105(2); *НС* — 12, 135(2), 330(2); *Уд I* — 10(2)Г; *Юлд* — 10. **Вариант А:** *НС* — 169(2). **Тип 15:** *КТ* — 21; *Куш III* — 156. **Вариант А:** *Нр* — 152, 169. **Тип 16:** *НС* — 415; *Нр* — 69; *Чг* — 82; *Юлд* — 2, 69. **Тип 17:** *Дк* — 26; *НС* — 97(2), 268, 284, 320; *Чт* — 17; *Юлд* — 47, 70. **Тип 18:** *Аф* — 209; *НС* — 284, 285, 288(3), 320, 346(2), 377(2); *Нр* — 98, 181; *Чг* — 77, 168. **Вариант А:** *Чг* — 168. **Тип 19:** *Аф* — 89(2), 120, 139, 163, 177, 209; *Нр* — 10(С), 15, 32, 52, 75, 86; *Чг* — 26, 33, 91. **Вариант А:** *НС* — 120, 214, 406. **Тип 20:** *НС* — 399(2), 405. **Тип 21:** *НС* — 21(2), 89, 139(2), 164, 224, 268, 288, 326(2), 346, 404. **Вариант А:** *Нр* — 204. **Тип 22:** *НС* — 75. **Тип 23:** *Аф* — 5(2).

Отдел В. Железные застежки. Тип 1: *Куш III* — 1, 8; *Чг* — 118. **Тип 2:** *Куш* — 175. **Тип 3:** *Чг* — 61, 104. **Тип 4:** *Дк* — 4. **Тип 5:** *Аф* — 7, 8, 9, 13, 14, 17, 25, 26, 28, 31, 33, 35, 37(2), 38(3), 40(2), 41(5), 43, 45(4), 46(3), 51, 52, 55(2), 57, 61, 65(2), 66(2), 67(2), 69(2), 70(2), 72, 74, 86, 107(2), 109, 120(2), 126, 129, 139, 143(2), 145, 148(2), 152(2), 153, 157, 159, 160, 165, 167, 169, 172(3), 174(2), 176(2), 177(2), 178(2), 183, 184, 185, 186, 187, 190, 195(2),

* — раскопки В. Ф. Генинга 1958 г.

198, 200(2), 202, 211(2), 214, 215; Ик — 5, 10, 21(2), 23; КТ — 6, 34, 37, 61, 64, 82, 94; Куш III — 18, 128, 203, 207, 257, 325(2), 344; Мл — 23; НС — 6(?), 10, 13(2), 18(2), 19(?), 21(?), 22, 24, 29(?), 36(?), 37(?), 49(?), 53, 61, 75, 86, 98(?), 105(?), 109, 119(?), 121, 128, 129, 135, 140, 143(2), 151, 154(2), 156, 162, 163(?), 165, 175, 286(?), 201, 213(?), 219, 223, 224, 227, 235, 241(?), 246, 249(2), 251, 253, 255, 256, 258, 264, 266, 268, 269(2), 282, 291(3), 295, 298(?), 299, 301(2), 309, 314(?), 316, 317(?), 318(2), 321, 325, 327, 329, 335(?), 342(?), 343, 345, 351, 354(3), 361, 363, 365(3), 371(?), 376, 377, 386, 387, 388, 390, 391, 411, 413(?), 418(?); Нр — 9, 17, 33, 44, 47, 57, 66, 79(2), 90, 109, 114, 115, 116, 131(2), 150, 181, 189, 196(2), 207, 218; Чг — 7, 10, 16, 20, 24, 32, 34, 43, 91(?), 97, 108(2), 142, 156(2), 192(2), 200(2), 201, 202, 206(2), 209, 214(2), 219; Чт — 13; Юлд — 45, 79, 104, 118, 121. Тип 6: Аф — 4(2), 13; НС — 196, 321; Тип 7: Аф — 5, 26, 27, 55, 65, 66, 200. Тип 8: Аф — 56; Чг — 92. Тип 9: КТ — 62; Куш III — 18, 51, 148(2), 255, 337; НС — 117, 362. Вариант А: Аф — 150; Чг — 92. Тип 10: Аф — 13; НС — 114, 119, 120, 188. Тип 11: НС — 168, 268.

Отдел Г. Костяные застёжки. Тип 1: Куш III — 296, 302. Тип 2: Аф — 87; КТ — 16; Куш III — 156; НС — 21, 130, 131, 196, 285(2); Чг — 26, 111; Юлд — 59, 69, 70.

Отдел Д. Поясные крючки. Тип 1: Куш III — 45, 55, 142, 225, 256, 308, 311, 353, 356; Юлд — 15, 82, 84. Тип 2: Куш III — 224. Тип 3: Куш III — 166.

Отдел Е. Ремённые накладки. Тип 1: Аф — 99(2); КТ — 33, 50(10), 83(2), 87, 96(28); Куш III — 39(21), 53(26), 67, 141(6), 143(33), 180(17), 185(22); НС — 13, 123(3), 138, 227(4), 399(4); Нр — 1(2), 7(4), 18, 20(28), 51(13); Уд I — 20(5); Чг — 8(15); 19(21), 52(24), 77(+), 169(2), 189(+), 190(12); Юлд — 36, 52(3), 53(10), 55(11), 77. Вариант А: Нр — 94(8), 146(7). Вариант Б: Аф — 144. Тип 2: НС — 322(2); Юлд — 51(18). Тип 3: Аф — 36; КТ — 18, 30; Куш III — 67(2), 150(9); НС — 29(6), 133(3), 264(2), 265(4), 376(27); Нр — 19(3), 69(18); Уд I — 4(5)Г; Чг — 12(7), 164; Юлд — 16, 55(6), 59, 85. Вариант А: Аф — 167; Нр — 204(33). Вариант Б: НС — 265(4), 291, 399. Тип 4: Аф — 3(2), 16, 23(2), 31(2), 37(3), 38(3), 41(4), 45, 46, 47(4), 49, 56, 58, 61, 63(8), 69(4), 77(2), 79(3), 80, 82, 84(2), 85(2), 87(2), 89(2), 94(52), 96(3), 99(9), 102(4), 103(2), 106(7), 107(3), 108, 109, 110, 112, 117, 121(2), 124(2), 126, 129(5), 131(6), 134, 137, 139(63), 142(3), 143(6), 145, 146(5), 152, 153(83), 155(3), 156, 159(5), 166, 168, 167(3), 171(2), 183, 187, 190, 195(4), 198(2), 201(5), 203, 205(13), 208, 210, 215(2); Дк — 6(2), 40(2), 45; КТ — 3, 6(2), 16, 48, 90; Куш III — 2, 5, 7, 41(2), 53(20), 57(5), 64, 66(3), 71, 103, 104, 115, 116(3), 139(2), 141(3), 143(4), 145(3), 157(12), 172, 205, 263(6), 272, 306, 353; НС — 13(5), 22(2), 29, 43, 68, 76, 85, 101, 107(10), 132, 135, 139, 144, 152(+), 169, 196, 208, 221, 228, 240, 256, 268, 286(2), 296(5), 315(2), 317(3), 322(2), 326(12), 330(4), 332(30), 350(4), 357(3); Нр — 1(2), 2(7), 5(7), 9(3), 11(2), 13(2), 17(44), 18(16), 19(17), 20(16); 22(2), 39(4), 41(4), 49(12), 69(4), 7(7), 75(5), 76(2), 79(8), 85(2), 88(18), 94(16), 107, 114(7), 115(4), 139, 146(3), 160, 169, 181(3), 203(5), 204(4), 206(2), 212(2); СК — 7, 24(2), 26, 29; Уд I — 20(3), 38(2); Чт — 9(3); Чг — 1, 6(+), 7, 8, 9(+), 15(+), 16(4), 17, 21(7), 25(+), 26, 27(4), 34, 36(+), 39(+), 40(+), 55, 61, 62(+), 72, 73(8), 89(8), 90(2), 92, 97(4), 100(3), 104, 110, 120(2), 134, 139, 142, 156(2), 158, 159(3), 163(3), 166, 167, 168(2), 185(7), 190(+), 193(+), 196(+), 201(8), 206(+), 209, 211(+), 213(+), 214(+), 219(+); Юлд — 2, 10, 16(5), 19, 29, 32, 34(3), 35, 42, 47, 51(12), 52, 53, 59(3), 70(13), 75, 76(3), 124, 125, 128(6). Вариант А: Аф — 5(2), 63(2); КТ — 1(2), 4, 35, 49, 50(2), 56, 68, 72, 98; Куш III — 139(2), 157(3), 166(2), 180; 185; Нр — 5, 6, 13, 36, 44, 48, 51(34), 57(2), 63, 70, 71, 75, 114(2), 146, 192(2), 204(4), 206; Чг — 11(2), 27(2), 33(4), 34, 38, 89(+), 193(+), 202, 207(2), 208, 219(+); Юлд — 51, 56(2), 59, 70, 77(5), 79. Вариант Б: Куш III — 218, 291; Нр — 32; Юлд — 77(7), 85, 114, 128. Тип 5: Аф — 90, 109; Дк — 6, 26, 38, 42; КТ — 1, 23, 27(2), 50(8), 56(20), 68(8), 72, 83, 87, 94, 96(2); Куш III — 10; НС — 72, 119(3); Нр — 19(4), 26(С), 29(3), 51(6); СЧ — 17; Чг — 17(+), 21, 39(2); 52(9), 189(+); Юлд — 19, 55(10), 59, 70(2), 76. Тип 6: Аф — 126; НС — 59, 322(15), 412(14); Нр — 6, 51(25), 83(3), 94(19), 117(8), 136, 203; Чг — 15(3), 167, 169, 207(+). Вари-

ант А: Аф — 69, 108; Нр — 72(4), 111(2). Тип 7: Нр — 18, 19, 23. Тип 8: Аф — 68(2), 69, 163; КТ — 64, 68; Куш III — 141; Чг — 206. Тип 9: Аф — 63(2), 108(2), 131(20); Дк — 6; КТ — 18, 35(48), 56(+), 64, 71, 90(+), 98(+); Куш III — 2(7), 10(3), 11, 53(15), 67(4), 103, 113, 115, 116, 141, 143, 155, 157(2), 166, 176, 223(5), 272, 359(3); НС — 43, 74, 83, 96, 107(4), 200, 202, 214(12), 246, 253(2), 267(24), 268(5), 319(7), 320, 365(+), 368(2); Нр — 20(28), 43(8), 108(2); Юлд — 3(2), 19, 22, 47, 53(2), 55, 66, 70(5), 77(38), 84(16), 92(32). Вариант А: КТ — 18; Куш III — 359; Нр — 206; Чг — 15(+), 52. Тип 10: Аф — 28; Нр — 125(9), 212. Тип 11: Тип 11: Куш III — 122(2).

Отдел Ж. Поясные подвески. Тип 1: Куш III — 53(2), 157; Чт — 7; Юлд — 55. Тип 2: Куш III — 127; НС — 357; Нр — 19; Чт — 9. Тип 3: Куш III — 141. Тип 4: КТ — 96; Нр — 203.

ГРУППА V. НАРУЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ. Отдел А. Железные браслеты. Тип 1: Аф — 49, 93; КТ — 41; Куш III — 39, 106, 145, 146, 180; НС — 12(?), 48(?), 68, 204, 305(2), 332, 376; Урм — 6, 7; Чг — 5, 6; Чт — 1(2); Юлд — 5, 53. Вариант А: Аф — 131; Куш III — 58. Тип 2: Аф — 121, 142; Куш III — 94; НС — 300; Нр — 94; Чг — 17, 160(2), 192.

Отдел Б. Бронзовые браслеты. Тип 1: Дк — 43; Ик — 12, 24, 25(2); КТ — 50(8); Куш III — 68; НС — 2, 54, 68, 82, 91, 107(2), 112, 124, 133(2), 135, 231, 237, 253, 255, 256, 262, 273, 275, 282, 300, 320, 351, 372, 399, 409, 411; Нр — 19, 43, 110, 202, 204; Урм — 6, 7; СЧ — 23; Чг — 189; Юлд — 30. Тип 2: НС — 216(2), 309, 332, 415; Нр — 19, 25, 27, 51, 88, 98, 117, 204; Чг — 89, 179; Юлд — 35(2). Тип 3: Аф — 5; Чт — 9. Тип 4: Куш III — 311(2). Тип 5: Чг — 12.

Отдел В. Перстни. Тип 1: НС — 309, 313; Нр — 26; Урм — 1, 6. Тип 2: КТ — 41(2); НС — 62, 91(2), 124(2), 253, 256, 303, 313(2), 402. Тип 3: НС — 399; Нр — 26. Тип 4: НС — 332, 372, 415(2); Чг — 12. Тип 5: КТ — 27, 50(4); Куш III — 53, 185; НС — 332, 351, 359, 395, 411, 416; СК — 6; СЧ — 13; Урм — 7; Юлд — 34, 53, 65, 77. Вариант А: НС — 404. Тип 6: Куш III — 53, 136, 172, 211; Чт — 9; Чг — 31. Вариант А: Дк — 42; Куш III — 218; Чт — 9; Юлд — 35, 51, 92. Тип 7: НС — 417. Тип 8: Уд I — 4; Урм — 6. Вариант А: Чт — 1. Тип 9: НС — 291; Нр — 49, 51. Тип 10: Юлд — 77. Тип 11: Уд I — 4(Г); Юлд — 19, 51. Тип 12: НС — 214. Вариант А: Юлд — 55. Тип 13: Куш III — 39, 143. Тип 14: Куш III — 338. Тип 15: СК — 50.

II. ВООРУЖЕНИЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

ГРУППА I. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ. Отдел А. Бронзовые наконечники стрел. Тип 1: КТ — 48, 86(2), 94; Куш III — 205(7), 275(3), 288(2), 306(6), 307(2), 322(5), 324; Мл — 12, 15; Нр — 124(2), 128, 156(2); СК — 50(5); СЧ — 27; Уд I — 1(8), 31, 35(6), 38(31), 39(2); Уд II — 2; Чт — 18(2); Юлд — 16, 118(2), 128(20), 130. Тип 2: Ик — 1(2), 3; Куш III — 275(2); Мл — 12, 24; Нр — 156(2); Уд I — 1(2), 2, 27(2), 35(5), 38(5). Тип 3: Чт — 18(2); Юлд — 11, 16, 85.

Отдел Б. Костяные наконечники стрел. Тип 1: Аф — 4, 7(4), 29, 30, 43, 88(2), 151, 155(3), 199; Дк — 6(+), 20; КТ — 7(2), 34(13), 43(4), 47, 48(2), 60(4), 86(7), 87(9), 90(2), 94(4); Куш II — 2(2); Куш III — 1(3), 2(8), 4, 7(4), 22(2), 28(4), 29(9), 32(2), 36(6), 37(8), 38(5), 51(3), 52(8), 57(11), 72(4), 99, 104(5), 108(8), 111(4), 114(2), 115(3), 116(2), 117(19), 118(8), 120(9), 122, 128(10), 133, 134(2), 136(9), 137(11), 148(9), 158(4), 159(28), 161(4), 168(2), 169(10), 170(11), 173(8), 175(9), 199(5), 205(12), 207(3), 208(4), 219(5), 220(9), 228(19), 237(3), 251(9), 255(6), 257(9), 269, 274(10), 276(4), 284(10), 296(2), 302(3), 307(10), 316(11), 321(3), 322, 324(12), 330(3), 334(4), 337(3), 351(2), 352(4), 361; НС — 6(2), 10(3), 30(2), 32(2), 33(2), 46, 49, 98(2), 106(+), 110(2), 113, 126(4), 128(6), 138(5), 144(4), 191(2), 194(+), 196, 200(6), 221(3), 234(4), 255, 260(2), 264(4), 266(2), 268(14), 273(4), 282(5), 283, 284(3), 292(5), 300, 406(3); СК — 3, 15, 18, 20, 26, 29, 31; СЧ — 9(+), 14(14); Уд I — 18(17),

39(6), 40(5); Чт — 5(3), 7(2), 18(8); Чг — 7(+), 20(5), 26(+), 36(4), 54, 55, 70(4), 76, 91, 104(11), 110(11), 118(20), 133(2), 134(9), 135(3), 152, 157(13), 166(2), 168(+), 170(5), 194, 198, 206(+); Юлд — 4(4), 9(4), 32(5), 36(15), 38(4), 42(3), 47(10), 59(5), 66(20), 68(13), 69, 70(3), 75(4), 76(4), 85(7), 91(8), 99, 100(14), 107(6), 118(4). Вариант А: Аф — 7(6); Дк — 6(+), 20; Куш III — 121(9), 148, 181(2); СК — 18(+). Тип 2: Аф — 199(2); Куш II — 14; Куш III — 29, 302; НС — 5(9), 22(2), 92, 93(2), 129(5), 132(2), 139, 143(5), 178(3), 191(4), 241(12), 249, 255(2), 257(3), 258(4), 260(2), 262, 266(2), 279, 281, 283(2), 285(4), 287(3), 301(2), 337, 345, 354, 361, 368(2); Юлд — 68, 71. Тип 3: Аф — 6(2), 130, 202; НС — 43; Чг — 25, 172. Тип 4: Аф — 202; КТ — 34; Куш III — 29, 122, 148, 228, 257, 324; НС — 201, 414(+); Уд I — 39; Чт — 18; Юлд — 91. Тип 5: Аф — 36, 38(3), 89(2), 132(3), 202; Дк — 18, 20(+); КТ — 7(9), 43(10); Куш II — 10; Куш III — 48; НС — 110(2), 255; Нр — 21(С.4); СК — 15, 20(2), 29(2); Уд I — 27(4); Чг — 7, 25, 26(+), 33, 58, 152, 172(2), 200, 206(+), 211(3); Юлд — 9.

Отдел В. Железные наконечники стрел. Тип 1: Куш III — 46. Тип 2: Аф — 66; Дк — 6(+), 48; КТ — 2, 7(4), 21(30), 34(4), 43(12), 17(6), 48(19), 60(2), 86(10), 87(21), 90(10), 94(2); Куш III — 1(2), 7, 18(3), 22(3), 32, 51, 52, 57(5), 66(7), 72(4), 76, 81, 96, 97(3), 99, 103, 104(5), 108, 115(2), 118(7), 121(8), 134(10), 136(9), 158(2), 165(+), 181(5), 188(16), 199(2), 205(8), 207(3), 208(2), 212, 219(2), 220(6), 222(3), 223(4), 231(5), 251, 255(7), 257(2), 259(+), 269, 274(2), 275(5), 293, 296(2), 298(+), 302(4), 306, 307(2), 318(2), 321(15), 331(3), 334, 337(3), 344(+), 347(11), 351(3), 361(4); НС — 21(2), 32(3), 33(4), 43(2), 49(4), 63(4), 78(3), 79(11), 94(5), 98(14), 103(2), 106(+), 109(4), 110(6), 113(13), 117, 120(3), 126(3), 143, 154(3), 163(13), 164(44), 188(17), 191(11), 194(8), 196(10), 200(12), 202(21), 223(4), 235, 251(4), 255, 257(6), 258(3), 260(3), 264(2), 268(2), 273, 282, 284, 285(2), 317, 335, 338, 345(5), 346(19), 354(4), 361(4), 363(14), 369(2), 370, 371(4), 389, 404, 406; Нр — 97(6), 124(2); СК — 8, 14, 12; СЧ — 7(+), 9(+), 10(+), 14(4), 17(+), 18; Уд. I — 1, 18; Чт — 1(3); Чг — 36(2), 118, 135, 168(+); Юлд — 2(23), 3(2), 16(2), 38(7), 17(3), 59(13), 66, 70(12); 79, 85(3), 107(7), 118. Вариант А: Куш III — 128(2), 316(7), 330(2). Вариант Б: Куш III — 122.

Группа II. РУБЯЩЕЕ И КОЛЮЩЕЕ ОРУЖИЕ. Отдел А. Мечи. Тип 1: Аф — 15; Куш III — 66; НС — 144, 264, кв. 18/и, кв. 22/ж; Нр — 181, 195, 196; Чг — 33(?), 156. Тип 2: Нр — 152. Вариант А: НС — 361. Тип 3: Аф — 169. Тип 4: КТ — 68; Куш III — 306; НС — кв. 19/с. Вариант А: Чг — 26. Тип 5: НС — 260.

Отдел Б. Палаши. Тип 1: КТ — 6, 8, 21, 23, 87, 90; Урм — 8; Юлд — 69, 70, 75, 76; Чг — 36(?). Тип 2: Аф — 167. Вариант А: Нр — 78, 79. Вариант Б: Аф — 133, 143. Тип 3: Нр — 71; Чг — 7.

Отдел В. Кинжалы. Тип 1: Аф — 14, 41, 61, 88, 106, 110, 139, 144, 146, 187, 198, 199, 202; КТ — 2; Куш III — 18, 22, 28, 57, 122, 156, 173, 188, 220, 251, 259, 274, 275, 293, 298, 304, 305, 306, 347, 352, 361; Мл — 12, 15, 23, 25(?); НС — 14, 22, 79, 98, 126, 139, 154, 163, 169, 234, 258, 264, 284, 371, 376; Нр — 39, 53, 69, 133, 152; Уд I — 1, 18, 38; Чт — 7; Чг — 21, 26, 189, 211, 214, 219; Юлд — 2, 3, 4, 38, 47, 118, 128. Тип 2: НС — 139, 305. Тип 3: НС — 151, 225, 346, 348; Юлд — 85. Тип 4: КТ — 23.

Отдел Г. Накладки ножен. Верхние накладки. Тип 1: Чг — 7, 26. Вариант А: Куш III — 28. Тип 2: Аф — 133. Срединные накладки. Тип 1: Вариант А: Аф — 14, 41. Вариант Б: Аф — 61; Нр — 39, 53; Уд I — 4(Г); Чг — 189; Юлд — 38, 47. Вариант В: Аф — 106, 110, 215; Чг — 21. Тип 2: Куш III — 121, 122; Нр — 69. Тип 3: КТ — 90; Куш III — 173; НС — 79, 98, 163. Вариант А: Юлд — 70. Тип 4: Аф — 88, 120, 139, 146, 187, 198, 199, 202. Концевые накладки. Тип 1. Вариант А: Нр — 79; Чг — 7, 26. Вариант Б: Аф — 143, 144; НС — 14, 22, 154, 169, 196, 234, 376. Вариант В: Мл — 15. Тип 2: НС — 126, 258, 264, 284. Тип 3: Нр — 78, 90, 181; Чг — 26. Тип 4: Аф — 133, 143.

Отдел Д. Колчаные принадлежности. Колчаные крючки. Тип 1. Вариант А: Аф — 7, 151, 159, 199; Куш III — 57. Вариант Б: Аф — 6, 15, 25, 31, 66, 93, 160, 197; Куш III — 188. Тип 2: Вариант А: Аф — 19(?), 202; НС — 22. Вариант Б: Аф — 61. Тип 3: Вариант А: НС — 43. Вариант Б: Аф — 36. Вариант В: Юлд — 66. Костяные предметы. Тип 1. Вари-

ант А: Куш III — 307; СК — 21; Чт — 7. Вариант Б: НС — 22, 43, 144, 234, 264, 287. Вариант В: КТ — 84; Куш III — 305; НС — 22, 129, 283; Юлд — 16, 85, 99, 107. Тип 2: Юлд — 9. Тип 4: Куш III — 352.

Отдел Е. Наконечники копий. Тип 1: Куш III — 2, 18, 38, 66, 96, 134, 136, 156, 173, 188, 220, 257, 279, 302, 351; НС — кв. 25/Д, кв. 34/В; Нр — 156; Уд I — 1, 18; Чт — 14; Юлд — 2, 4, 36, 59, 64, 69, 70, 75, 128. Тип 2: НС — 138, 143, 237, 257. Тип 3: КТ — 2, 6, 22, 58, 86, 90; Куш III — 240, 241, 243, 246, 304, 306, 347, 361; Мл — 15; Урм. — 8, 12; Чт — 7; Юлд — 3, 60. Тип 4: НС — 313. Тип 5: Аф — 197.

Группа III. УДИЛА. Жесткие удила. Тип 1: КТ — 23, 48(?), 68, 87, 90; Куш III — 103, 122, 243, 352; НС — 103, 264, 332; Нр — 60, 85; Уд I — 1, 31; Чг — 188(?); Юлд — 2, 4, 36, 59, 69, 85. Тип 2: КТ — 2; Куш III — 298, 351; НС — 120, 200, 285, 363; Юлд — 47. Тип 3: Аф — 30, 65, 135, 190; НС — 21, 139, 151, 284, 343, 414; Юлд — 38, 75. Тип 4. Вариант А: Куш III — 57; НС — 34, 113, 197, 225, 255, 260(?), 268; Нр — 9, 33, 181, 195, 196; Юлд — 16. Вариант Б: Аф — 41, 155; НС — 129; Чг — 156. Вариант В: КТ — 2, 21, 86; Куш III — 361; НС — 22; Урм. — 8. Тип 5: НС — 249, 268. Мягкие удила: НС — 197, 249, 284; Уд I — 18.

iii. ОРУДИЯ ТРУДА

Ножи. Тип 1: Ик — 3; Куш III — 10, 117, 170, 263, 340; Чг — 6, 9, 17, 21, 36, 55, 125. Тип 2: Аф — 5, 14, 27, 30, 31, 32, 35, 38, 41, 45, 46, 48, 55, 56, 59, 61, 63, 65, 66, 70, 74, 78, 88, 90, 94, 97, 98, 100, 109, 114, 120, 125, 127, 131, 145, 150, 151, 152, 159, 160, 167, 168, 169, 171, 177, 183, 185, 200; Дк — 18(?); Ик — 5, 10, 12, 16, 17, 21, 23; Кт — 2, 6, 10, 11, 19, 21, 22, 23, 30, 32, 34, 43, 48, 56, 57, 60, 61, 62, 64, 65, 68, 72, 86, 90, 97; Куш II — 10; Куш III — 1, 2, 4, 6, 7, 8, 13, 26, 33(?), 39, 44(?), 46, 55, 62, 64, 71, 72, 103, 115, 116, 117, 118, 121, 126, 128, 136, 138, 146, 148, 149, 161, 165, 170, 189, 201(?), 205, 209, 221, 222, 223(?), 225, 228, 232, 233, 238, 241, 243, 244, 253, 255, 261, 263, 267(?), 282, 284, 286, 294, 296, 303, 310, 315, 320, 325, 327, 328, 337, 340; Мл — 21; НС — 5, 10, 30, 35, 36, 40, 52, 54, 60, 63, 67, 68, 75, 78, 86, 92, 103, 112, 117, 130, 140, 150, 152, 164, 178, 188, 196, 201, 212, 219, 222, 224, 235, 241, 249, 250, 251, 255, 257, 260, 262, 266, 268, 270, 272, 273, 278, 279, 281, 282, 283, 287, 288, 299, 301, 303, 305, 309, 312, 317, 321, 326, 332, 337, 338, 343, 345, 346, 354, 358, 359, 361, 364, 365, 369, 387, 390, 393, 394, 398, 401, 404, 406, 415; Кр — 3; Нр — 54, 85, 90, 115, 116, 124, 131, 139, 156, 157, 158, 160, 168, 189, 190, 193; СК — 4, 11, 13, 17, 21, 26, 28, 30, 35, 36, 51; Уд I — 1, 4; Чт — 1(2), 3, 5, 6, 8, 11(?); Чг — 70, 81, 108, 118, 142, 154, 157, 166, 178, 190, 203, 219; Юлд — 3, 12, 25, 32, 36, 45, 47, 56, 72, 89, 95, 107, 110, 114, 118, 124, 125, 128, 129. Вариант: КТ — 83; Куш III — 188; Юлд — 85. Точильные камни: Аф — 15; КТ — 22, 48(2), 65, 69, 87, 94; Куш II — 10; Куш III — 222, 239, 284, 293, 305; НС — 43, 137, 358; Нр — 124; Урм. — 14; Чг — 71, 122; Юлд — 107. Пряслица. Тип 1: КТ — 24, 46а; НС — 89, 128, 165, 183, 260, 329, 389; СН — 2; Чг — 40. Тип 2: Ик — 18, 27; Куш III — 105. Костяные проколки. Тип 1: НС — 194, 219, 281; СК — 21. Тип 2: Аф — 84, 203; КТ — 87; Куш III — 1; НС — 32, 52, 79, 103, 129, 131, 183, 188, 222, 235, 255, 258, 260, 268, 269, 317; СК — 18; Чт — 7; Юлд — 59. Костяные лопаточки: Куш III — 57; НС — 21; Юлд — 38. Шилья: Аф — 82, 102, 103(?), 126, 131, 161, 183, 205, 211; КТ — 22, 32, 64, 83; Куш III — 66, 146, 152, 204, 238, 244, 341; Юлд — 2, 4. Рыболовные крючки: НС — 6(2), 414. Мотыгообразное орудие: НС — 318. Зернотерка: Ик — 2.

IV. ПОСУДА

Керамика. Тип 1: Аф — 15, 174; Дк — 35; Куш III — 157, 163, 291; НС — 17, 22, 76, 134, 182, 215, 224, 271; Нр — 1(С), 32(С), 9(Г); Юлд — 23, 26, 34, 35. Тип 2: Куш III — 113; НС — 34, 155, 175, 207, 413, 418, кв. 7/и, кв. 20/т, кв. 24/т. Тип 3: НС — 55, 127, 133, 182, 202, 229, 256, 309, 325, 329. Тип 4: Мл — 10; НС — 166, 242. Металлическая посуда: НС — 47.

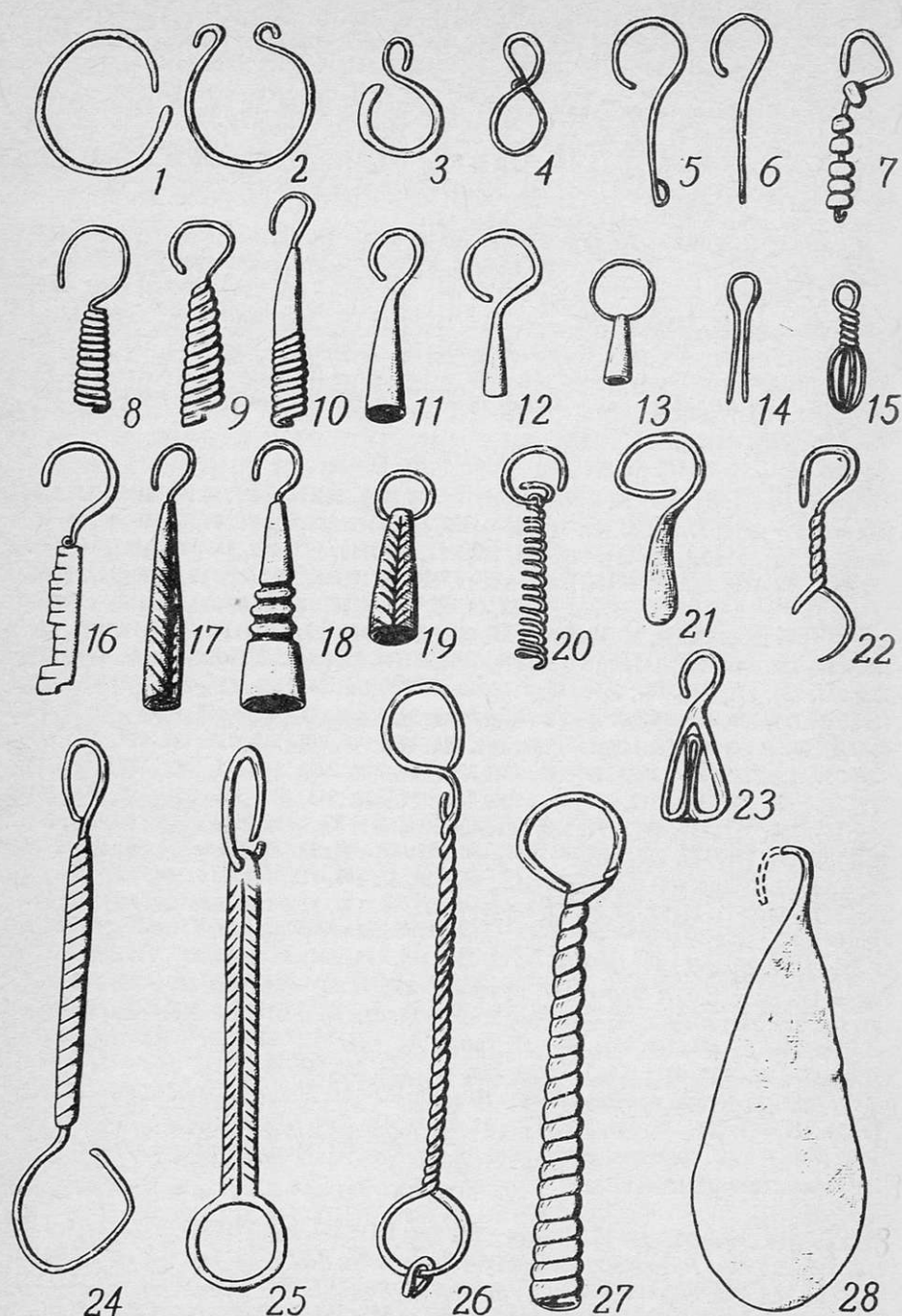

Табл. 1. Бронзовые височные подвески. Масштаб не соблюден

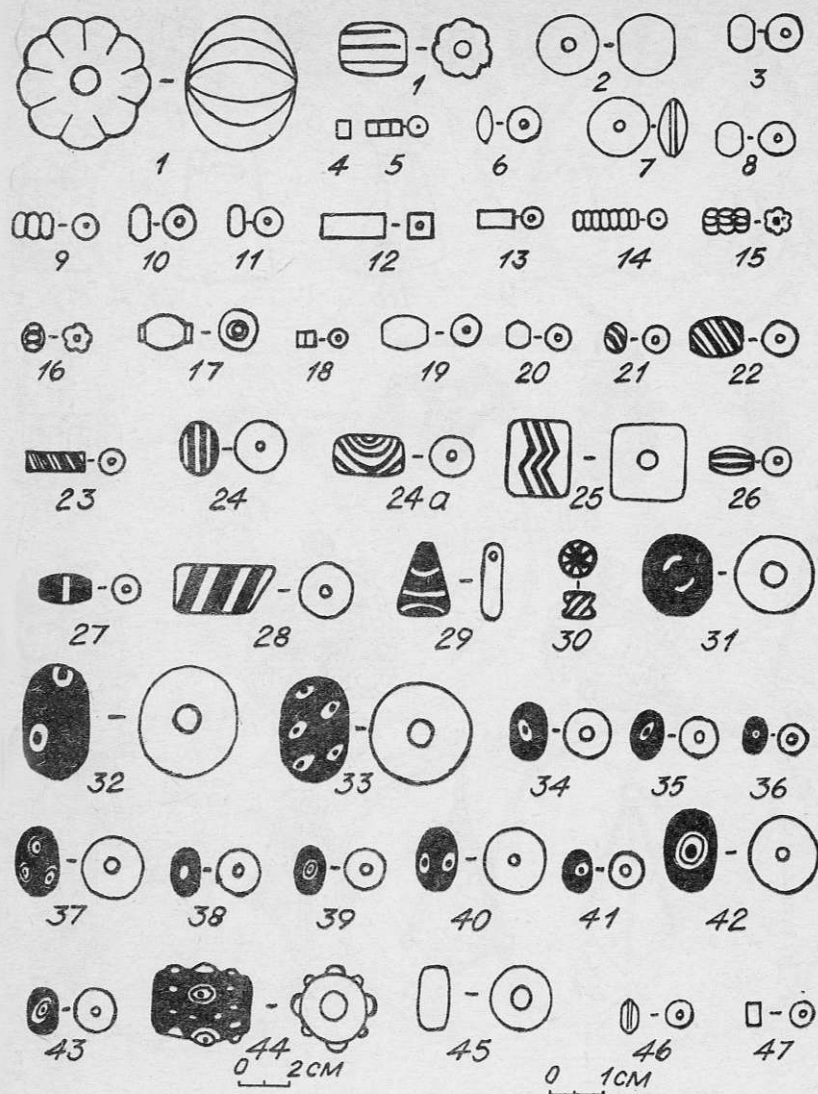

Табл. 2. Бусы Камышлы-Тамакского, III Кушувлевского и Юлдашевского
могильников

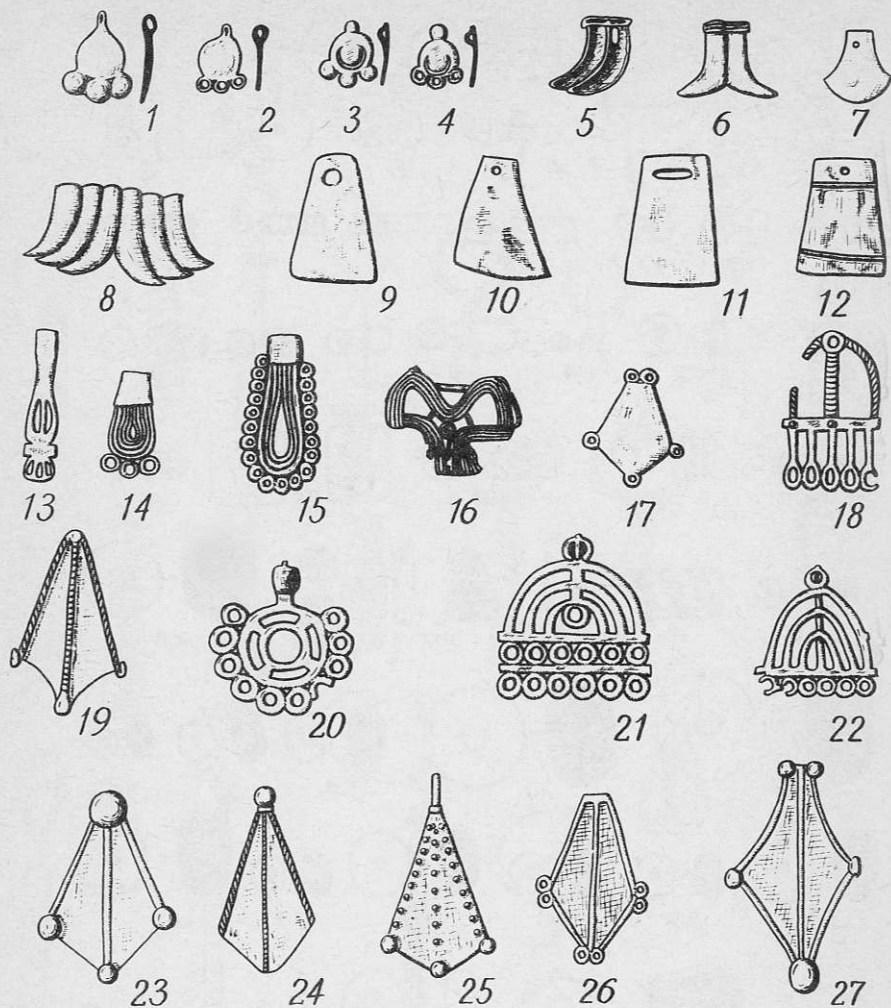

Табл. 3. Подвески. 16 — серебро, остальное — бронза. Масштаб не соблюден

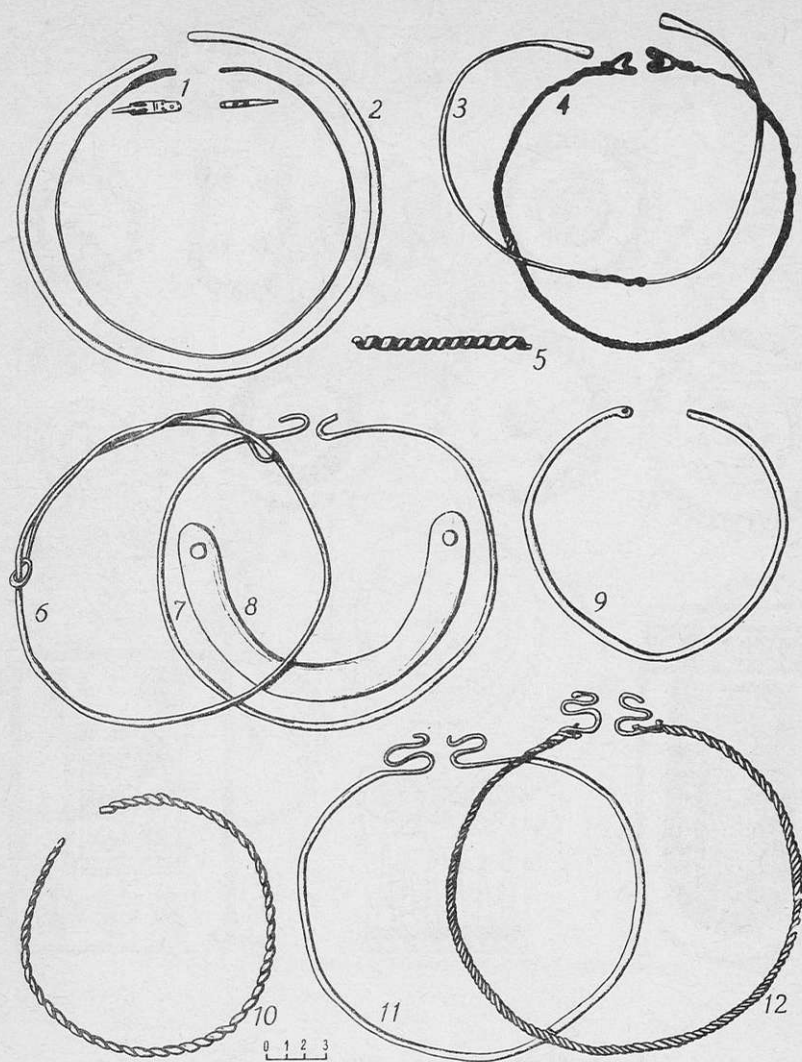

Табл. 4. Бронзовые гривны (по В. Ф. Генингу и С. М. Васюткину,
В. К. Калинину)

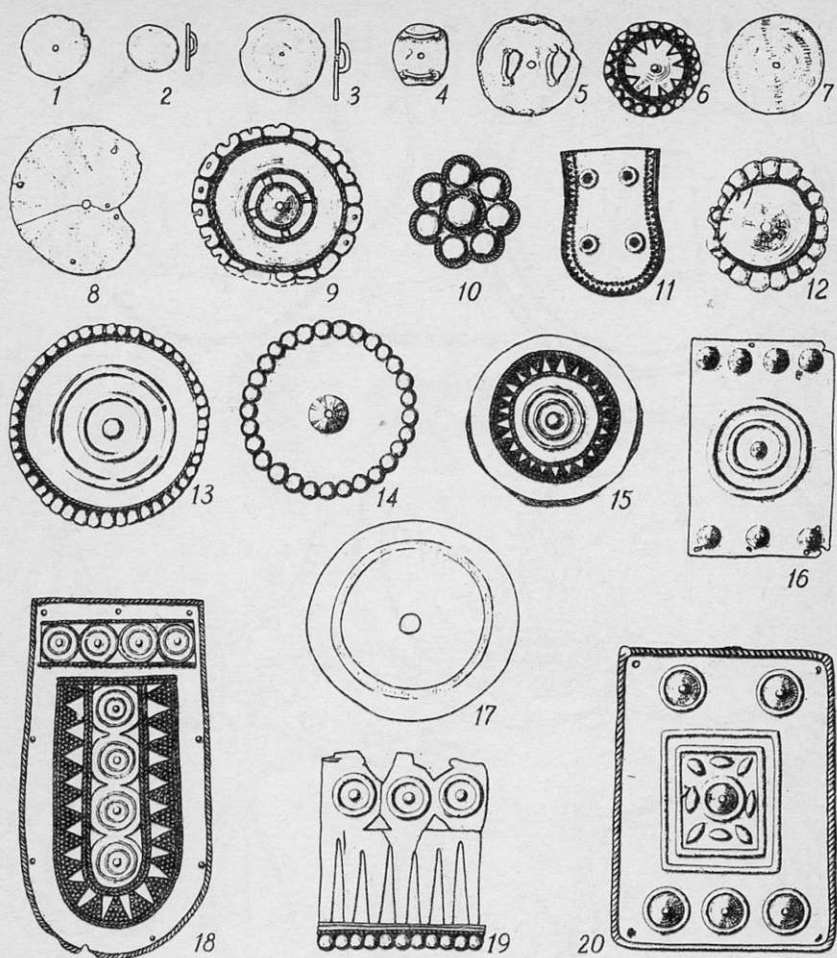

Табл. 5. Нагрудные бляхи. Масштаб не соблюден

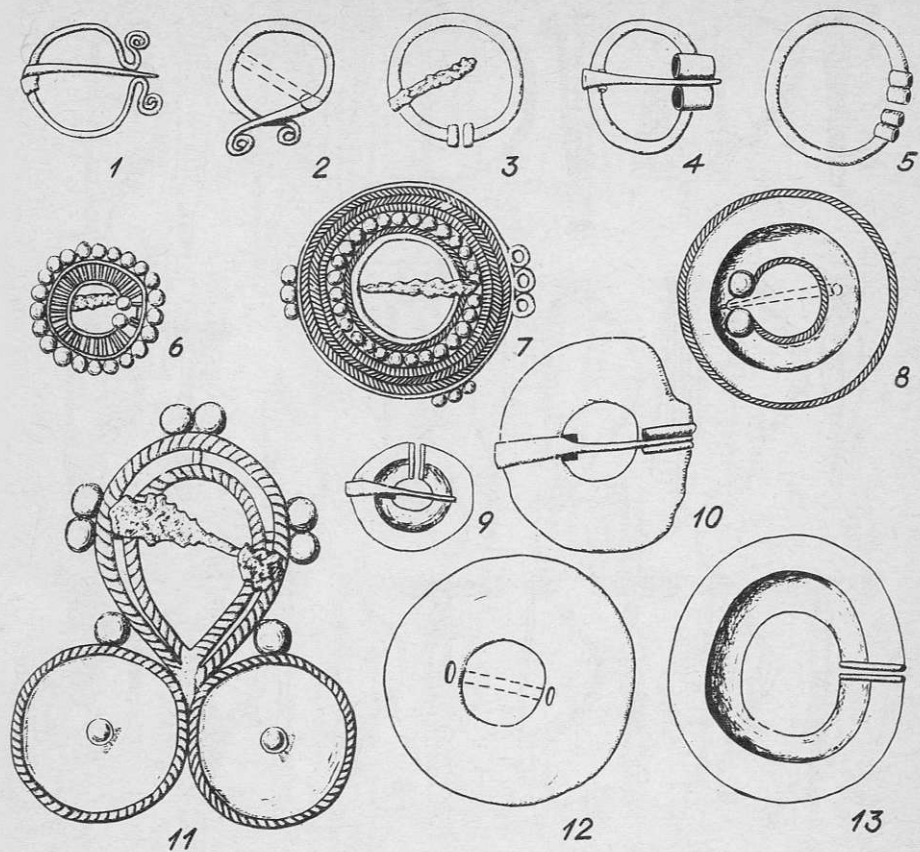

Табл. 6. Нагрудные застежки. Масштаб не соблюден

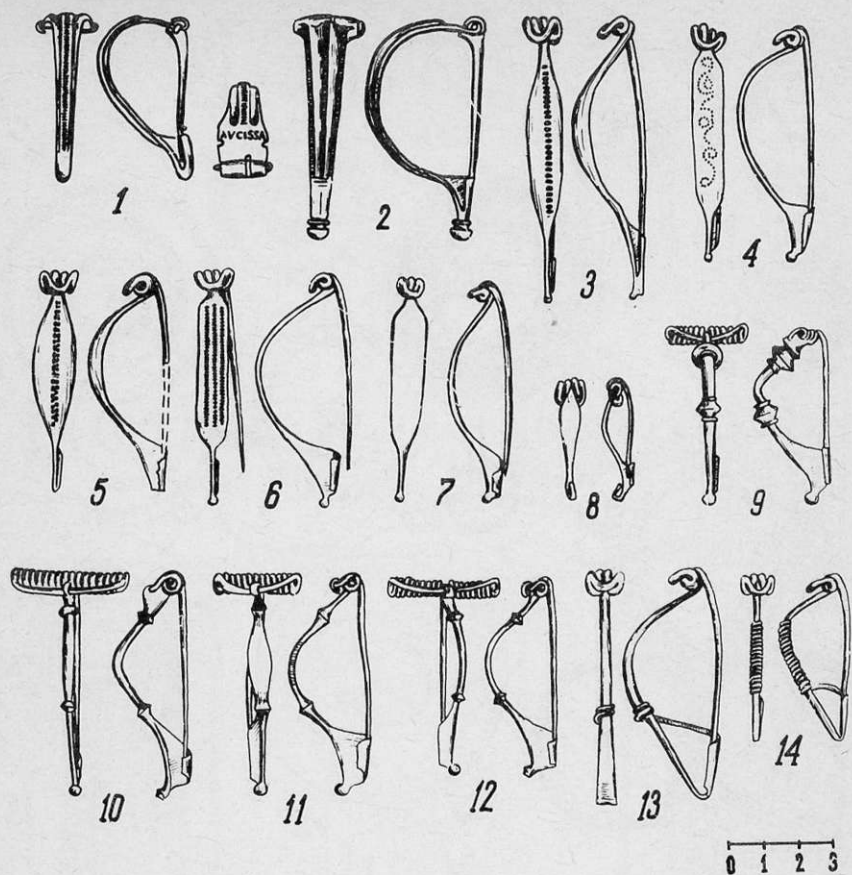

Табл. 7. Фибулы Ново-Сасыкульского могильника
(по С. М. Васюткину и В. К. Калинину)

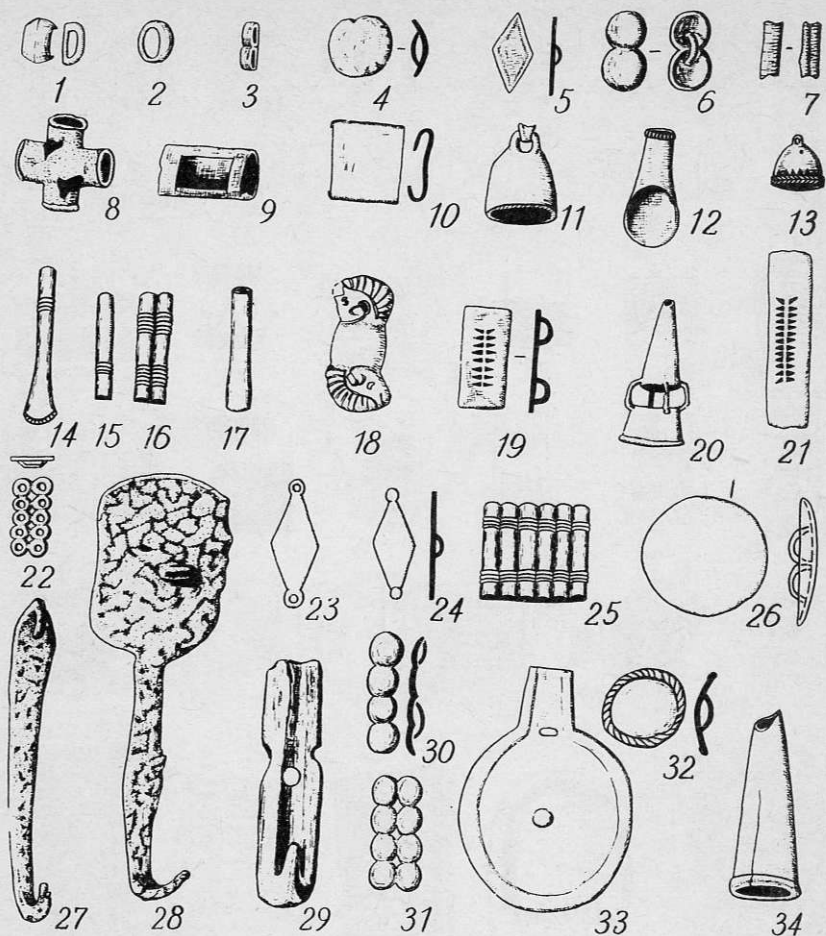

Табл. 8. Ременные накладки, поясные привески и крючки, пронизи, обоймы.
27-28 — железо, 29 — кость, 33 — серебро, остальное бронза. Масштаб не соблюден

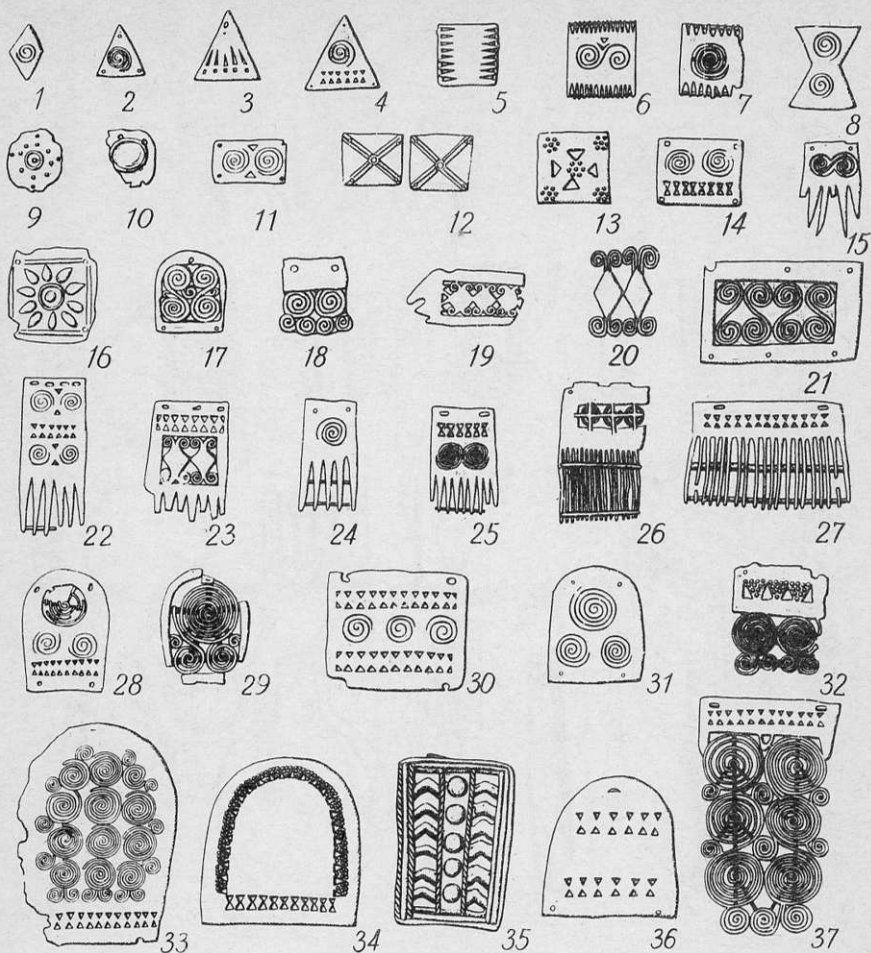

Табл. 9. Ажурно-нашивные накладки. 9, 12 — золото, 10 — серебро, остальное — бронза. Масштаб не соблюден

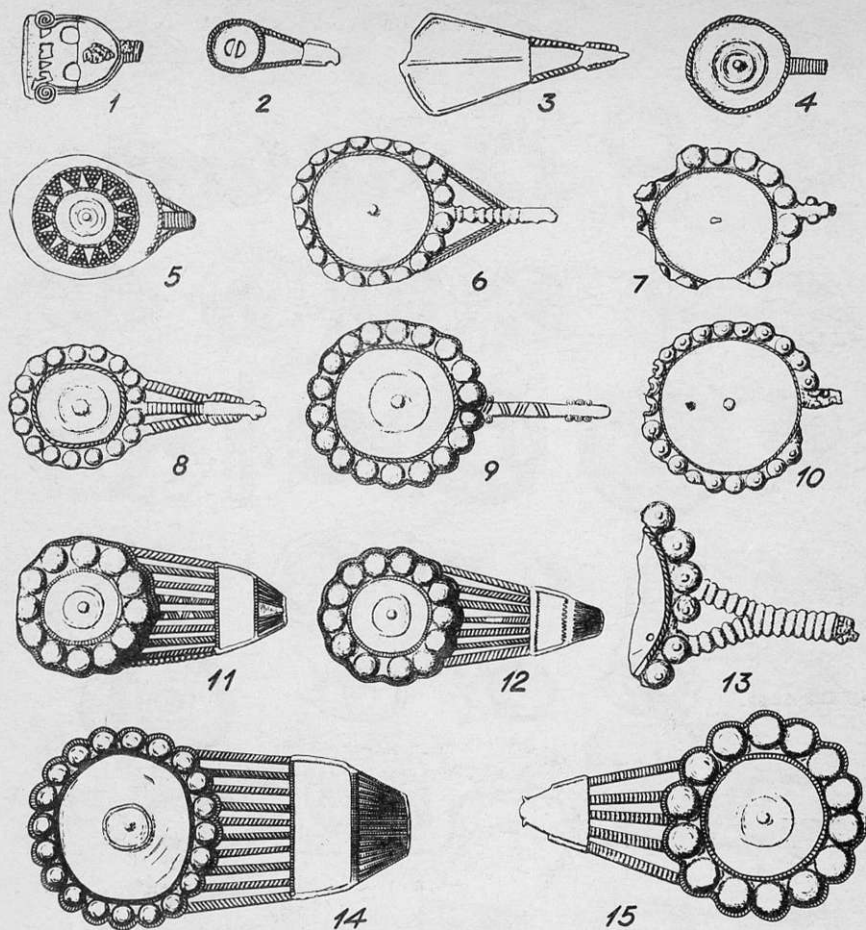

Табл. 10. Эполетообразные застёжки. Масштаб не соблюден

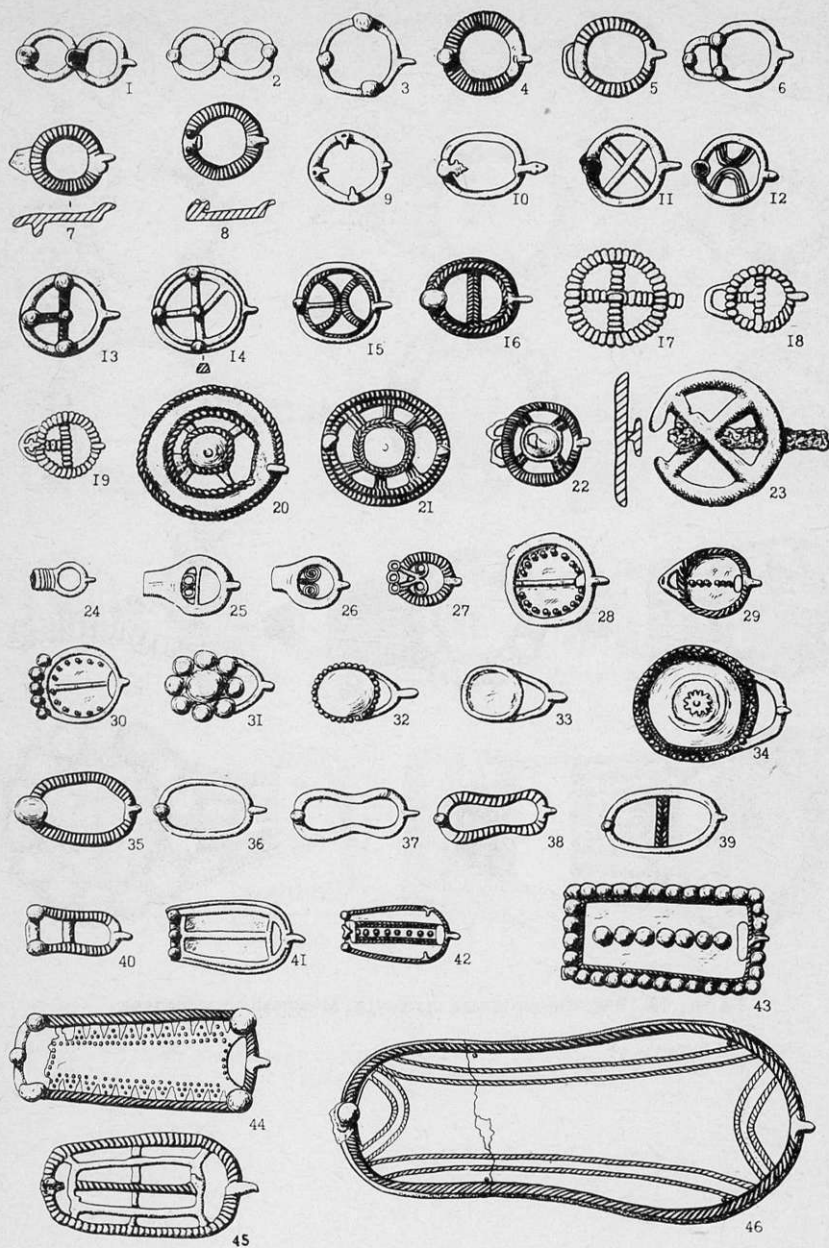

Табл. 11. Бронзовые пряжки с неподвижным крючком. Масштаб не соблюден

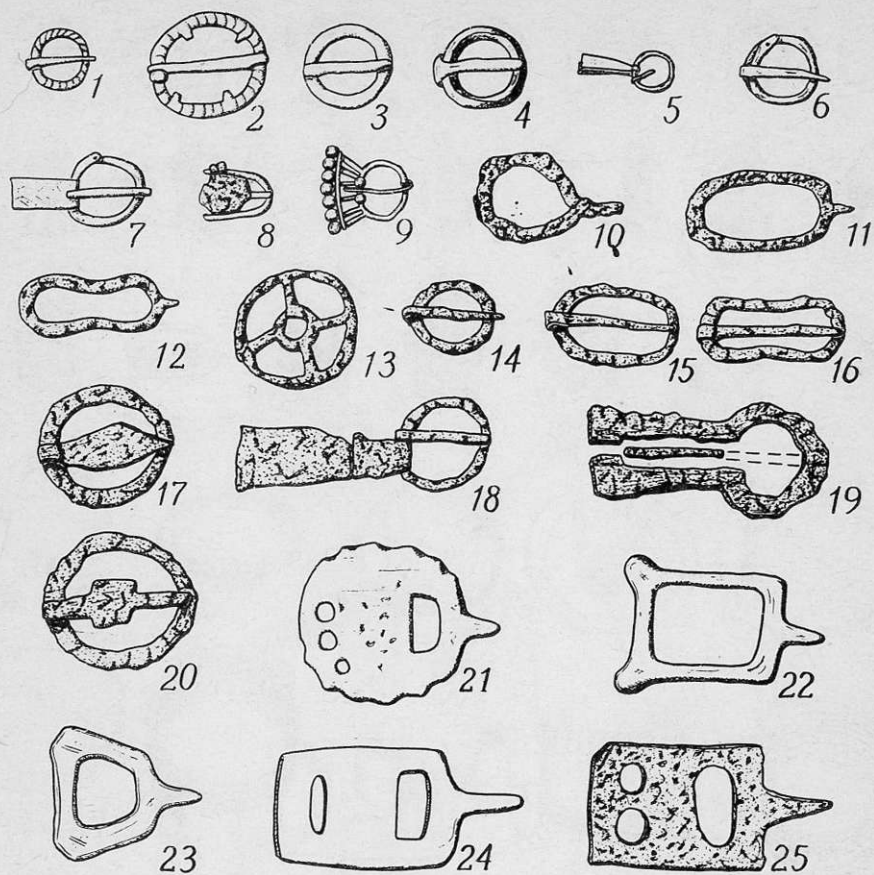

Табл. 12. Пряжки с неподвижным крючком и с подвижным язычком.
 10-20 — железо, 21-25 — кость, остальное — бронза.
 Масштаб не соблюден

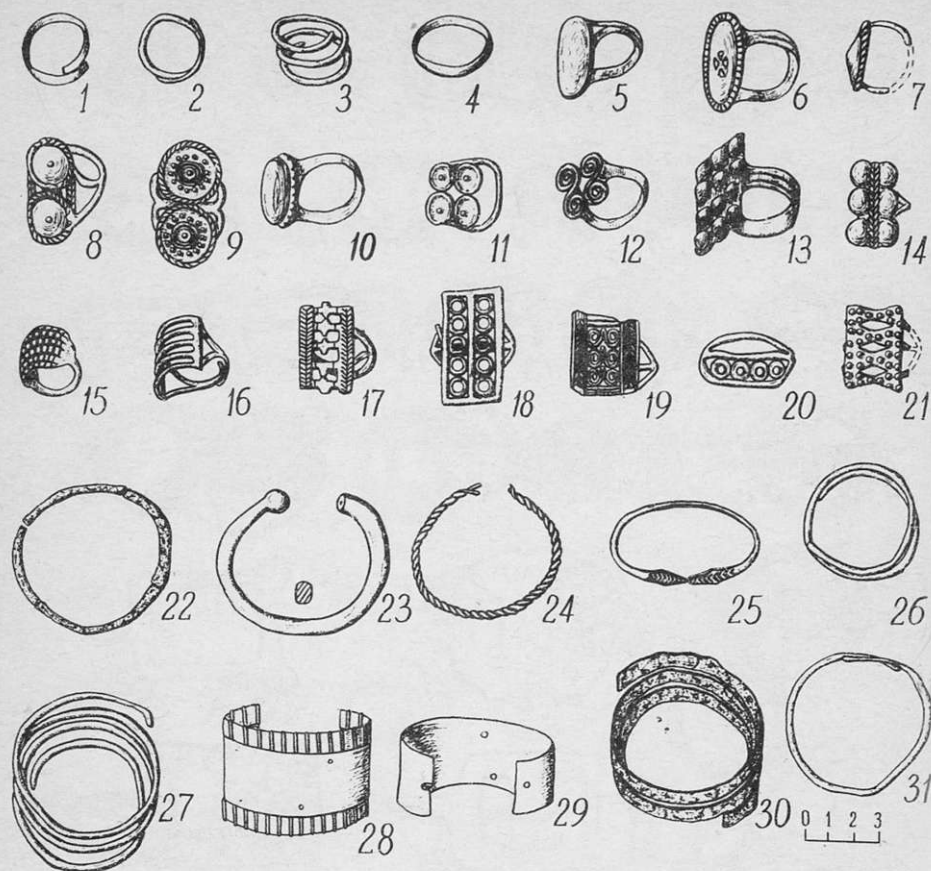

Табл. 13. Браслеты, перстни. 22, 23, 30 — железо, остальное — бронза

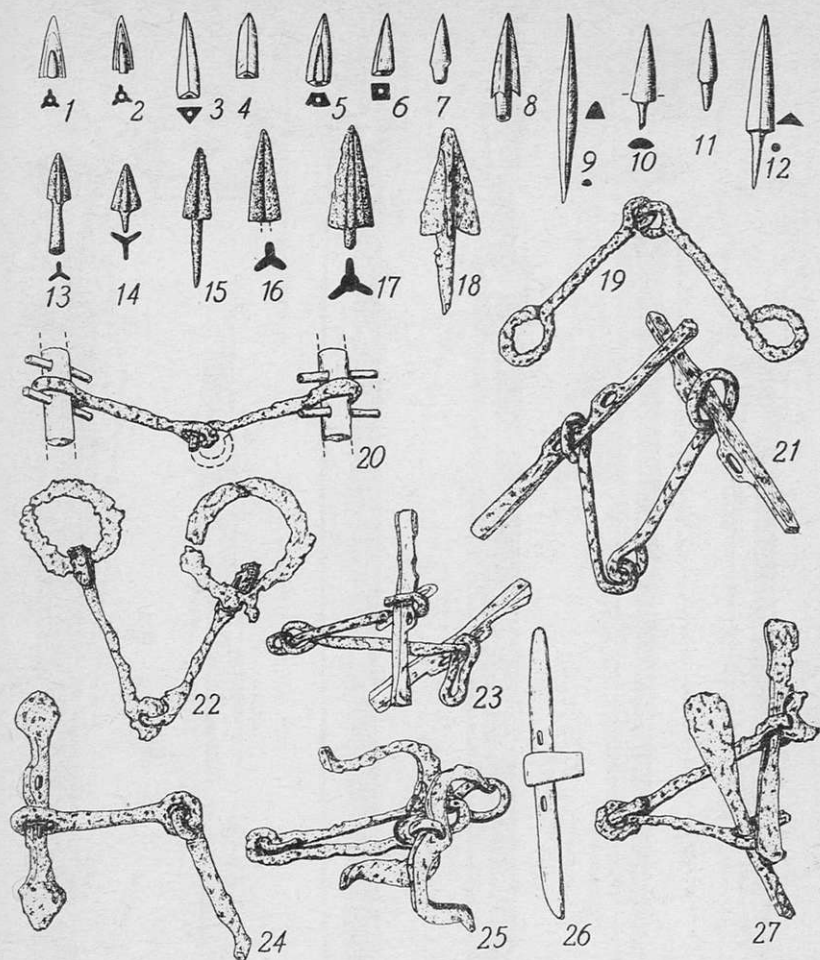

Табл. 14. Наконечники стрел и удила. 1-2 — бронза, 4-12, 26 — кость, остальное — железо. Масштаб не соблюден

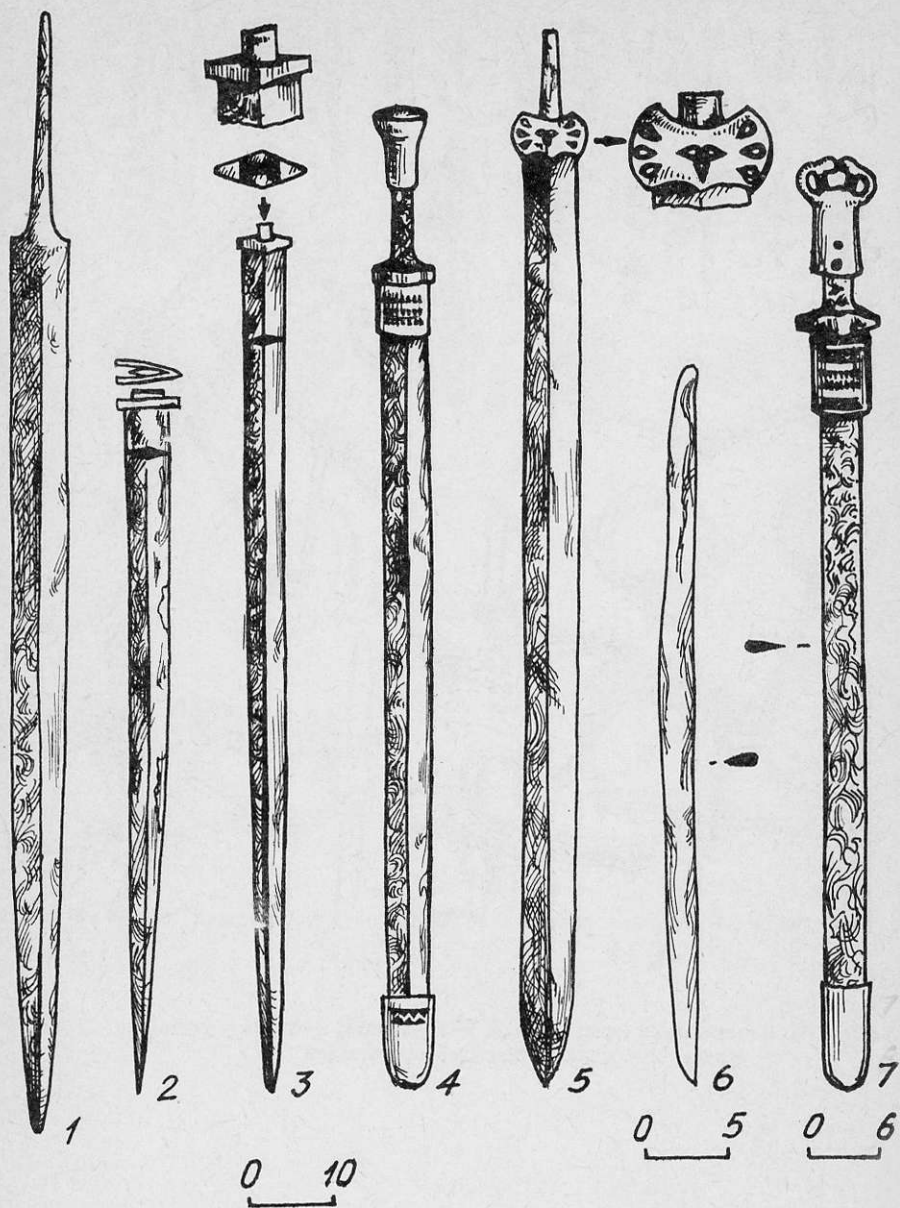

Табл. 15. Мечи и палаши.

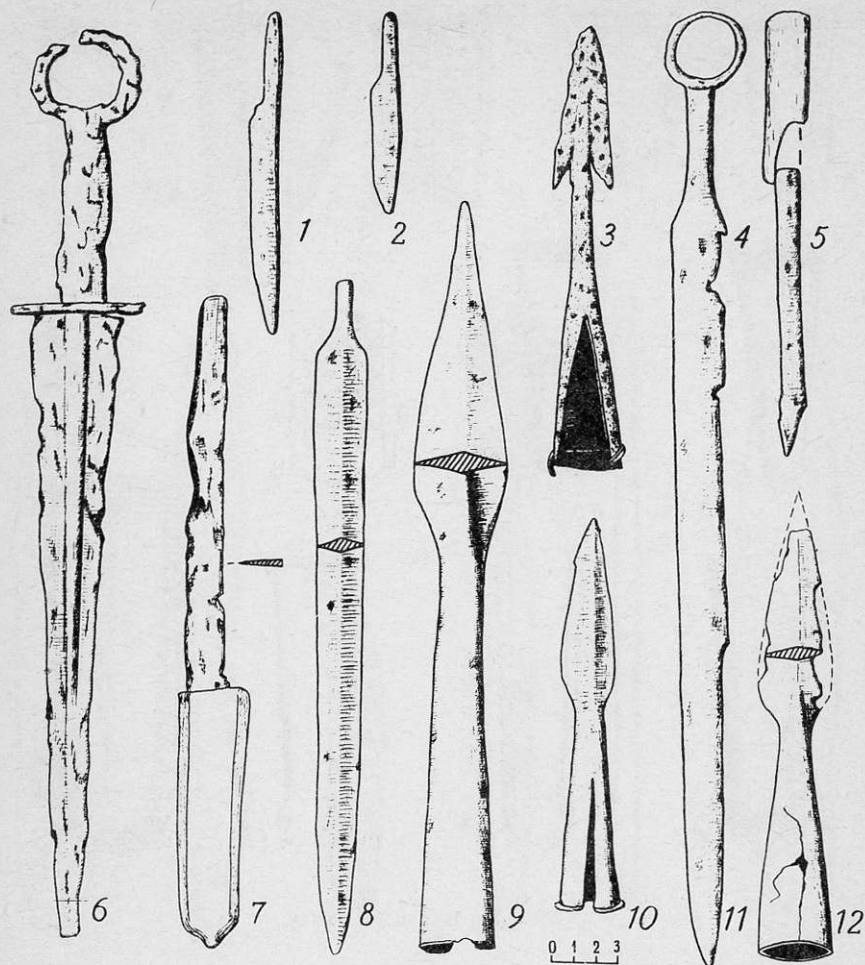

Табл. 16. Кинжалы, наконечники копий и ножи

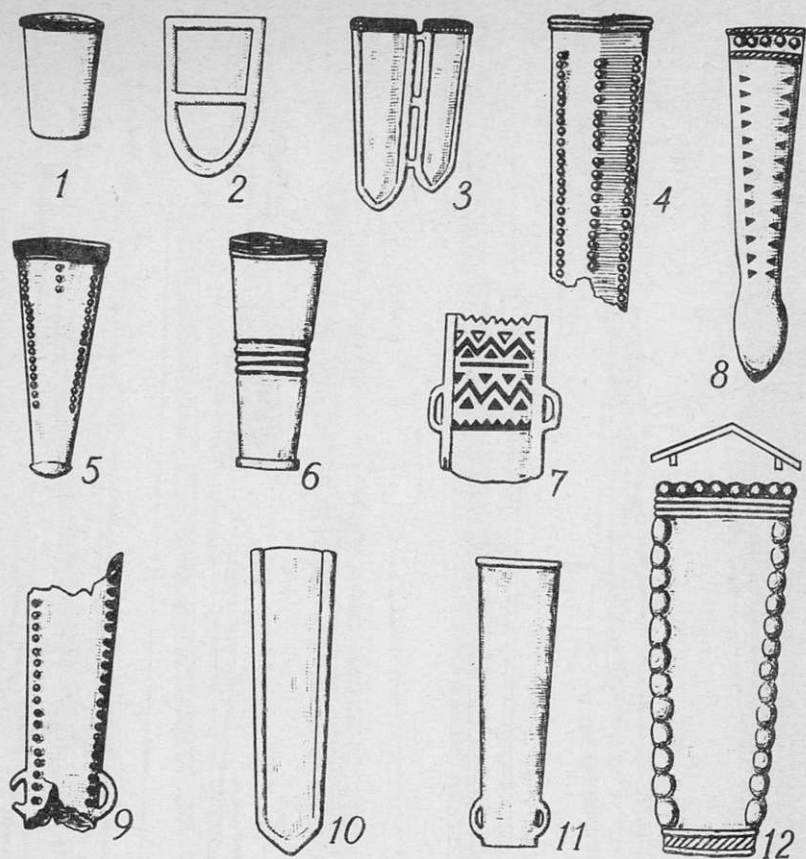
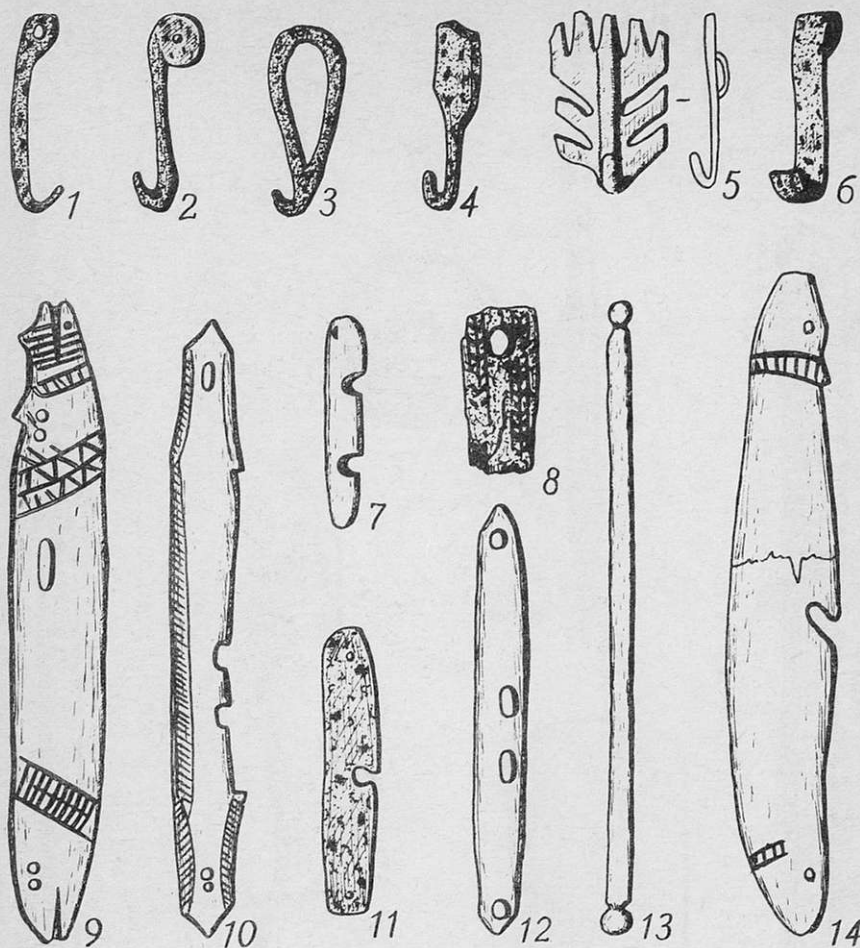

Табл. 17. Накладки ножен

бл. 18. Колчанные крючки и костяные предметы. 1-4, 6 - железо, 5 - бронза,
7-14 - кость

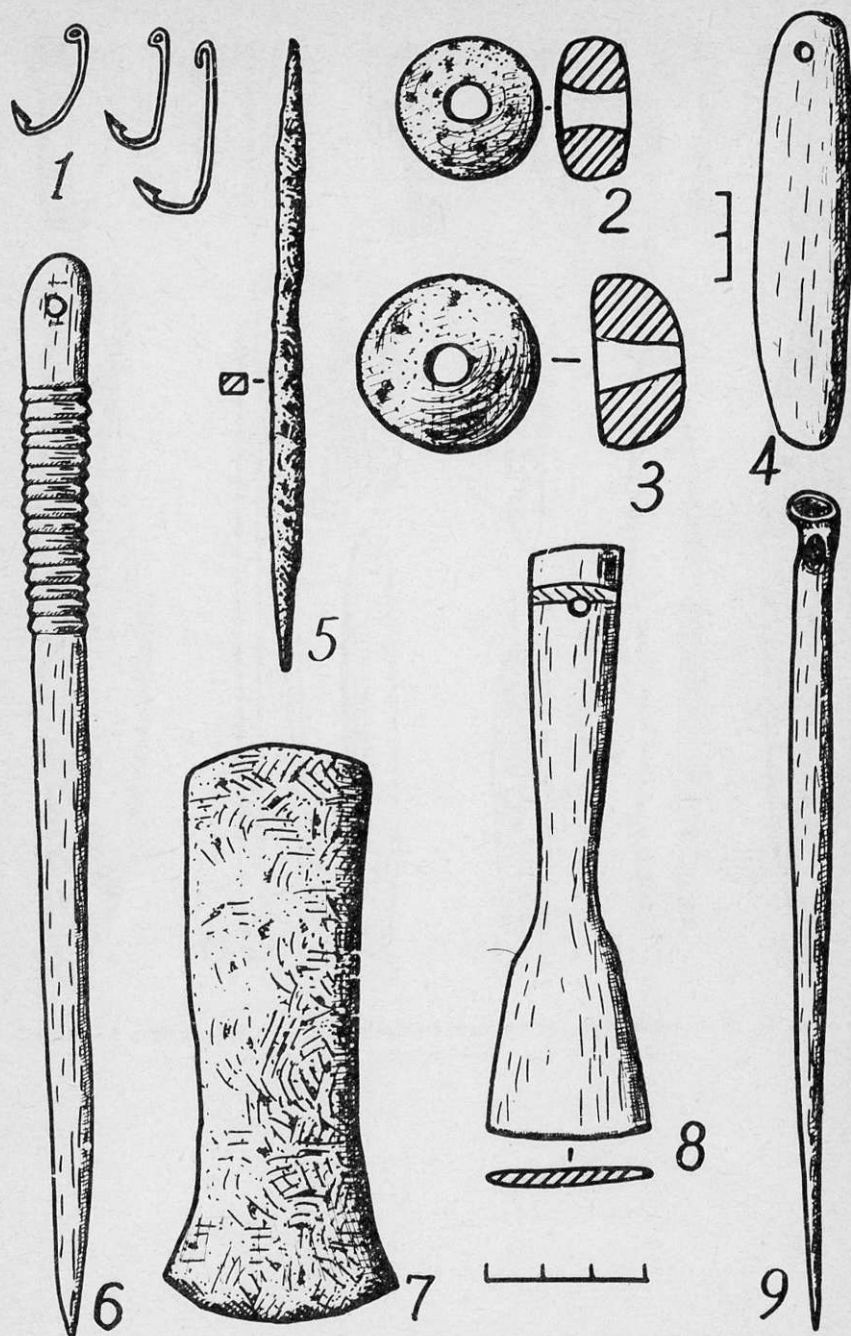

Табл. 19. Рыболовные крючки, шило, пряслица, точильный камень, проколки, мотыгообразное орудие, „лопаточка”. 1 — бронза, 2-3 — глина, 4 — камень, 5, 7 — железо, 6, 9 — кость

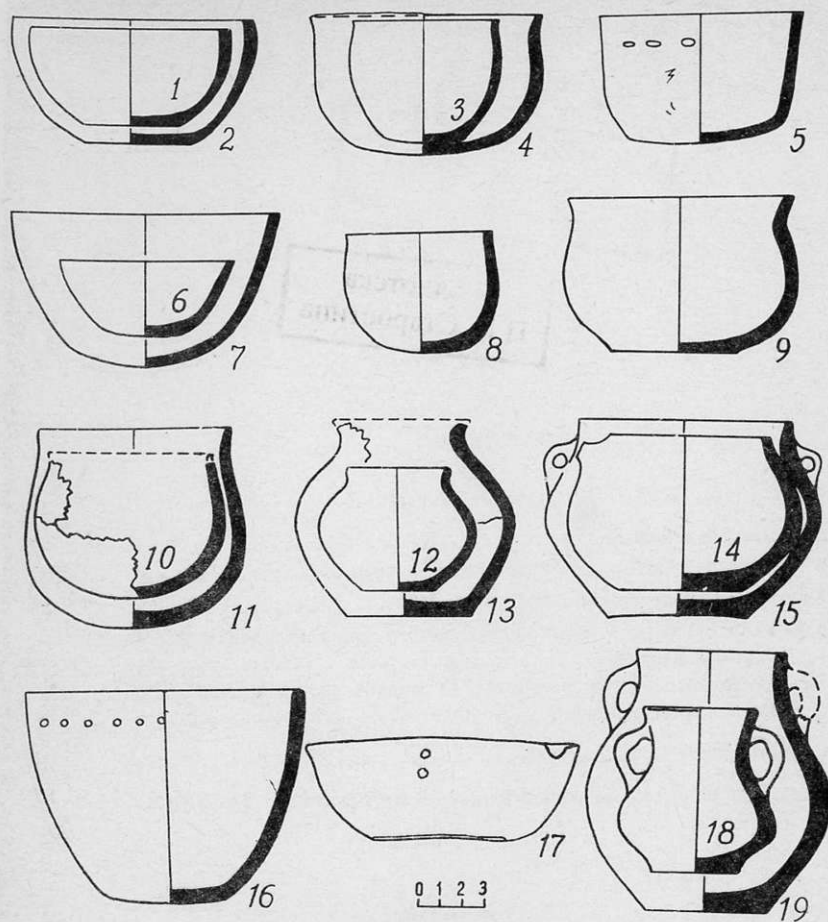
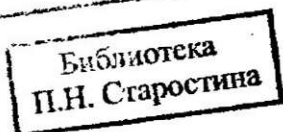
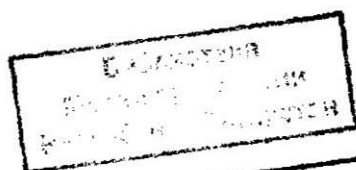

Табл. 20. Посуда. 17 — бронза, остальное — глина

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Погребальный обряд	13
Глава 2. Классификация погребального инвентаря	30
Глава 3. Хронология пьяноборской культуры	54
Глава 4. Некоторые проблемы общественного строя населения пьяноборской культуры	82
Глава 5. Происхождение и историческая судьба пьяноборской культуры	102
Список сокращений	110
Приложение. Распределение типов вещей по могильникам. Таблицы .	111

Научное издание

Св. план 1991. поз. 3

Агеев Байтимир Батырханович

ПЬЯНОБОРСКАЯ КУЛЬТУРА

Редактор Н. В. Хрулева

Тех. редактор Ф. Г. Гайфуллин

Корректор Т. И. Кудряшова

Сдано в набор 18.03.91. Подписано в печать 10.03.92. Формат 60х90 1/16. Уч.-изд.л.9
Физ. печ. л. 8,75. Пресс Роман. Тираж 400 экз. Заказ 1137. Цена 5 руб.

Уфимский полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации БССР,
г. Уфа, 1, пр. Октября 2.